

42 КНИГИ РАЗСКАЗОВЪ, ОЧЕРКОВЪ И
— ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА

12 КНИГЪ
больш. форм.

**Иоанн
Гиляревский**

12 КНИГЪ
1.000 страницъ

События всемирной истории по 1915 годъ.
Александра Торсое. Съ дополненіями проф. И. В. Лучицка

12 КНИГЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫ... ДЛЯ ВСѢХЪ
всероссійскаго съѣз...
по борьбѣ съ алко...
Три слѣдующе тома эти...
дополнительной подпискъ за...
и въ "Отдѣль Христіанн...
пересылаю два (2) руб. в...
подпискѣ 1 р., 1-го...
Петербургъ, Обводный...
директоръ Протоіерей Петр...

26-
наш
бер

СТАТЬИ

И ПРОПОВЕДИ

манію ДУХОВ
мастерской Потан...
газинѣ В. П. ...
въ Губ. Г.

ваго неудовол...
чаю якобы вы...
пойти навстр...
хоченства, мы...
чиковъ и пони...
даемъ для свѣ...
го подрясника...
рясы .
каемой драповой...
рясы .
подрясника .

тудула или рясы . . . 4 р.
ен: ур. и др. рясы . . . 3 р. 50
одъ наблюдениемъ съ подборк. мѣ... 4 р. 50
ившаго у него. 5 р. —

ениемъ готовые къ услугамъ
Н. и М. Гончаровы.

МЫ,

НИКО
ИМПЕРАТОРЪ

Тольскій, Великій Князь Фияляндскій и прочая, и прочая.

ъявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:
словѣдному Промыслу Божию благоугожд...
ечество Наше тяжкими испытаніи...
на Дальнемъ Востокѣ
сподство на вс...

Таланты святиица Иоанна.
Къ моей паст...

ПИСЬМО Іе...

22 ноября
Въ М. 1917 (18-го марта 1917
и Шуйскій А...
Распутина. П...

замѣтка нисколько не смущаетъ, та...
въсь предъ этимъ обвиненіемъ сов...
Но чтобы предупредить соблазнъ, мо...
отъ этой замѣтки въ моей паствѣ,
рой о себѣ я дорожу, я считаю нра...
имъ долгомъ печатно опровергнуть

Распутина я никогда не видѣл...
былъ съ нимъ знакомъ, никогда не

Иоанн Гиляревский

СТАТЬИ
И ПРОПОВЕДИ

УДК 271.22(081)
ББК 86.372.24я44
Г47

Гиляревский, И. Ф.

Г47 Статьи и проповеди / Иоанн Гиляревский. – М. :
Издательство Анастасия Макшакова, 2023. – 188 с. – ил.

ISBN 978-5-6044643-2-8

В книге собраны статьи, проповеди, речи, некрологи и исторические очерки священника Иоанна Флегонтовича Гиляревского, которые он писал для «Владимирских епархиальных ведомостей» с 1905 по 1914 годы (журнал, разрешенный к изданию Святейшим Синодом 17 сентября 1864 г. по ходатайству епископа Владимирского, святителя Феофана Затворника). Тексты печатаются в современной орфографии и пунктуации, большинство цитат из Библии даны в русском переводе. В приложении приведены, в основном, некрологи, касающиеся родственников отца Иоанна, а также несколько проповедей его старшего брата Дмитрия и статья младшего брата Андрея. Составитель – Анастасия Макшакова, праправнучка Иоанна Флегонтовича.

УДК 271.22(081)
ББК 86.372.24я44

ISBN 978-5-6044643-2-8

© Гиляревский И. Ф., наследники, 2023.
© Составитель Макшакова А.С., 2023

Содержание

<i>От составителя</i>	7
Дети Флегонта Ивановича Гиляревского	9
1905	
Номер 2. Древний Ливинский стан и церковь Воскресения Христов в Ливине-же, Судогодского уезда	20
Номер 14. Ковчег с частицами св. мощей в с. Красном, Юрьевского уезда	24
1906	
Номер 12. По поводу статьи «Духовенство и настоящий исторический момент»	27
Номер 4. Духовенство и настоящий исторический момент	32
Номер 32. Рукописный Синодик церкви Ливинского погоста, Судогодского уезда второй половины XVIII столетия	37
1908	
Номер 3. Священник Алексей Григорьевич Панфилов	41
1910	
Номер 8. Речь к простому народу пред открытием записи в число трезвенников на предстоящий Великий Пост и дни Св. Пасхи	45
Номер 13. Речь к трезвенникам (Пьянство – великое нравственное зло)	50
Номер 41. К вопросу об упадке религиозной настроенности в простом народе	53
Номер 49. К вопросу о школьном воспитании детей	59
1911	
Номер 1. Поучение в день Нового года	63
Номер 50. О помощи духовенству в голодающих губерниях	67
1912	
Номер 1. Поучение на новый год	72
Номер 2. Святейший Гермоген, патриарх всероссийский и «Смутное время» на Руси	76
Номер 3. Святейший Гермоген, патриарх всероссийский и «Смутное время» на Руси (окончание)	83
Номер 5. Надгробная речь при погребении священника села Вешек, Меленковского уезда, о. Валериана Ивановича Кедрина	90
Номер 12/13. Слово в Великий Пяток (Пред Плащаницей)	91

1913

Номер 5. Поучение в неделю Мясопустную	97
Номер 18. Памяти почившего священника села Воймиги, Суздальского уезда, о. Флегонта Ив. Гиляревского	100
Номер 19. Памяти Владимира Семеновича Счастливецца	105

1914

Номер 14/15. Слово в день св. Пасхи. В сей великий день, «его же сотвори Господь», радуйтесь все и веселитесь... ..	113
Номер 26. Обида духовенству	115

Письма

Письмо дочери Нине. Листвино, 18 сентября	121
Письмо вдове брата Дмитрия Надежде Александровне. Листвино, 11 окт. 1917 г.	122

Приложение

Номер 49/50, 1917. Священник Димитрий Флегонтович Гиляревский	125
Номер 28, 1913. Священник Евгений Андреевич Соколов	129
Номер 43, 1912. Студент Николай Андреевич Соколов	131
Номер 30/31, 1908. Кафедральный протоиерей Владимирского Успенского собора Александр Иванович Виноградов	133
Номер 32, 1914. Злое дело	139
Номер 17, 1905. Кафедральный протоиерей Владимирского Успенского собора Александр Иванович Виноградов (по поводу пятидесятилетия священства 1855-1905 г.)	144
Номер 2, 1905. Слово в сороковой день по кончине в Бозе почившего Высокопреосвященнейшего Сергия, Архиепископа Владимирского и Суздальского	157
Номер 29/30, 1906. О церковном вине. По поводу докладной записки, поданной на имя Его Преосвященства доверенным светлейшего князя Горчакова, ученым виноделом Л. Ворониным ..	162
Номер 33, 1907. Слово в день Преображения Господня. Учение Христа есть единое истинное учение	167
Немецкое засилье в русской народно-религиозной жизни	174
Источники	181
Письмо о. Иоанна вдове брата Дмитрия. Предоставлено Государственным архивом Владимирской области	183

*Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.*

А.С. Пушкин

От составителя

На этой фотографии пятеро братьев. Трое старших, в центре – священники, двое других – студенты. Один пока семинарист, другой учится в духовной академии. Сейчас 1908 год, до революции ещё почти десять лет, а до репрессий 1937-го – целая вечность. Они молоды, им весело вместе. Они улыбаются. Их красивая, звучная фамилия – Гиляревский – означает по-латыни «весёлый». Шутки, юмор – у них семейное. Отчество у братьев тоже необычное – Флегонтович. Отец их священник, бедный сельский поп Флегонт Иванович, всей душой радеет о своих детях и готов пожертвовать последним, лишь бы они учились, стали достойными людьми. Никто из них не подвел отца. Светлая голова, доброе сердце, ясный ум – так можно сказать про каждого из братьев.

Слева, в семинарской фуражке и тужурке – Александр, в следующем году он окончит семинарию. Он курит. Рядом с ним – мой родной прапрадед, Иоанн. У него тоже в руке папироса, которую он с хитрой улыбкой показывает фотографу. Иоанн самый упитанный и больше всех похож на папу, Флегонта Ивановича. Не исключено, что мой прапрадедусшка любил покушать, но есть и другая версия – он страдал сердечной недостаточностью и, как следствие, асцитом, в простонародье называемым «водянкой».

В центре – самый старший, Дмитрий. Он всегда лучше всех получается на фотографиях, и шляпа у него самая модная. Ещё бы: он – единственный из всех братьев не сельский, а городской священник. Рядом с Дмитрием – Вячеслав, милый, симпатичный, приветливый. Справа – самый младший, Андрей. Он исключительно способный, всесторонне одарённый и, конечно, пойдёт дальше всех. Только жизнь его, как и других его братьев, не будет спокойной и безоблачной. Потом, после 1917-го года. Но сейчас только 1908, чудесный летний день, все пятеро сидят на скамейке возле дома и светло улыбаются нам.

Дети Флегонта Ивановича Гиляревского (1848–1912) и Марии Андреевны (урожд. Суворовой) (1850–1901)

ДМИТРИЙ (1872–1917)

Дмитрий окончил семинарию в 1895 году с отличными оценками. Сначала он год работал преподавателем в селе Воймига Суздальского уезда, а потом был назначен надзирателем Владимирской духовной семинарии. В 1902 году принял сан священника и 15 лет служил в Борисоглебском храме города Владимира. Женой Дмитрия была Надежда, дочь знаменитого в городе протоиерея Александра Виноградова, настоятеля и реставратора Успенского собора. Дмитрий написал о своем великом тесте две большие статьи для «Владимирских ведомостей»,

их я поместила в приложении. Там же можно найти еще несколько его статей. У Дмитрия и Надежды было трое детей – Мария, Борис, Глеб.

Некоторые особо ревностные исследователи, считают, что Дмитрия расстреляли революционеры в 1917 году. Могу с полной уверенностью утверждать, что это не так. В «Приложении» можно найти некролог в память о Дмитрие, где ясно написано, что он много лет страдал гнойным плевритом, от обострения которого и скончался. Тяжелое заболевание началось у него еще в семинарии: как-то раз юный семинарист Дима отправился навестить родителей. Он пошел из Владимира пешком до Воймиги. Это около 70 километров, то есть часов 15 быстрым шагом. По дороге его застигла ночь, он улегся спать прямо на земле, простудился, заболел.

Когда Надя Виноградова выходила замуж за Дмитрия, родственники говорили ей: «Зачем тебе за такого больного замуж?» А Надя отвечала: «Хоть неделю, а буду за ним!»

К сожалению, автор некролога не подписался, но вряд ли о старшем сыне Флегонта Ивановича можно сказать лучше.

ИОАНН (1874–1920)

После окончания семинарии Ваня Гиляревский женился на Маше Доспеховой, дочери священника Ераста Козьмича Доспехова. От тестя он получил приход на погосте Листвино, его еще называли «Пустое Воскресение». Пустое – от слова «пустынь»: на месте Воскресенского храма раньше был монастырь. У Иоанна и Марии родилось трое детей – Нина (моя прабабушка), Боря (умер в младенчестве) и Васютка.

Отец Иоанн был начитанным, любознательным, увлекался историей. В своих статьях он предстает человеком неравнодушным, умным, радеющим о простом народе, о прихожанах. Его заботит их нравственное состояние, он переживает за детей, их развитие и воспитание. Его обижает критика в адрес духовенства, и он готов вступаться за всех с помощью своего писательского таланта. Он прекрасно пишет некрологи. Его воспоминания о покойном преподавателе с говорящей фамилией Счастливец – это

самый веселый некролог, который я когда-либо видела! А какие трогательные воспоминания он написал про отца, Флегонта Ивановича...

Помимо «Епархиальных ведомостей», о. Иоанн печатался в популярной губернской газете «Старый владимирец», которая выходила с 1908 по 1917 годы.

В 1915 году скончалась после продолжительной болезни Мария Ерастовна, и Иоанн Флегонтович писать больше не мог: еле управлялся один с маленьким Васюткой. Нина училась в гимназии, жила у тети Нади и дяди Димы во Владимире. Помочь ему было некому. Ведь писать статьи для журнала в то время было совсем не так просто, как сейчас: надо и в библиотеке поработать, и перепроверить много раз, и переписать от руки еще раз десять, а потом отправить по почте или самому отвезти в редакцию. Для сильно занятого и не очень здорового человека – целая история.

Отец Иоанн умер в 1920 году, и никто не написал о нем некролог. «Владимирские епархиальные ведомости» уже год как не выпускались, да и время было тяжелое. Зато теперь, спустя более, чем сто лет, выходит эта небольшая книга, чтобы о моем прапрадеде, его талантливом старшем брате, а также подвиге трех его младших братьев узнало больше людей.

ВЯЧЕСЛАВ (1876–1939)

Сразу после выпуска из семинарии Вячеслав работал преподавателем народного училища в селе Воймига. Там он познакомился с 15-летней Сашей. У девушки только что умер отец, священник Павел Казанский. Также у нее были мама и годовалая сестренка. Когда Саше исполнилось шестнадцать, они поженились. У них было двое сыновей – Павел и Сергей. С 1903 года отец Вячеслав служил в селе Ярышеве Суздальского уезда. Позже окончил Московскую духовную академию, стал благочинным в городе Гусь-Хрустальный.

В 1937 году был арестован и отправлен в исправительно-трудовой лагерь на пять лет. Обвинение гласило: «Принимал участие в антисоветских сборищах, вел антисоветскую пораженческую агитацию».

Отбывал срок в Северо-восточном исправительно-трудовом лагере (Севвостлаге) на Колыме. заключенные работали по 12 часов в нечеловеческих условиях.

Основным контингентом лагеря были отпетые уголовники, имеющие десятки судимостей, бандиты, головорезы, маньяки и людоеды. За все годы существования через Севвостлаг прошло более 800 тысяч человек, из которых более 150 тысяч погибли, в основном, от лагерного бандитизма и производственных травм. Вот в такое жуткое место попал отец Вячеслав, милый, добрый, образованный человек!

Рассказывают, что в 1938 году Сталин пригласил представителей этого лагеря в Кремль для вручения наград за перевыполнение плана добычи золота. Начальники приисков позже вспоминали, что он спросил: «Как на Севере работают заключённые?» – «Живут в крайне тяжёлых условиях, питаются плохо, а трудятся на тяжелейших работах. Многие умирают. Трупы складывают штабелями, как дрова, до весны. Взрывчатки не хватает для рытья могил в вечной мерзлоте», – ответили ему. Сталин усмехнулся: «Складывают, как дрова... А знаете, чем больше будет подыхать врагов народа, тем лучше для нас».

Отец Вячеслав умер в тюремной больнице Севвостлага в конце декабря 1939 года.

ОЛЬГА (1878)

О старшей дочери Флегонта Ивановича известно немного. Мужем ее был Евгений Андреевич Соколов, священник бедного села Шукова Суздальского уезда. Он умер в возрасте 40 лет от болезни и горя, а также тяжелых условий. Жизни несчастного отца Евгения посвящен некролог, опубликованный в номере 28 за 1913 год, я поместила его в приложении. После того, как брат Иоанн овдовел и остался один с пятилетним Васюткой, Ольга с детьми приезжала к нему помогать по дому. Она была энергичная, деловая, хозяйственная. Возможно, потом она поддерживала племянников Нину и Васютку, когда те остались без отца.

АЛЕКСАНДР (1886–1938)

После окончания семинарии в 1909 году служил священником в селе Муравкино. Личная жизнь отца Александра не сложилась: отношения с женой расстроились и, несмотря на попытки ближайших родственников их примирить, не наладились. Детей у пары тоже не было. Отец Александр так и жил один. Когда начались сталинские репрессии, он активно выступал против, ничего и никого не боясь. Приведу здесь слова, за которые он отправился на десять лет в исправительно-трудовые лагеря:

«Если коммунисты считают себя умными людьми, то пусть они не забывают, что и мы кое-что понимаем. Я недавно был у митрополита, который прямо мне заявил, что поскольку в новом законе записано о свободном вероисповедании, это значит, что церковь и религию уничтожить нельзя. Но теперь в церковь ходит мало народа потому, что мы не сумели духовно воспитать молодежь, но я уверяю вас, что недалеко то время, когда снова и старые,

и молодые вернутся в церковь. Основных безбожников коммунисты сами же расстреляли, таких как Каменев и Зиновьев, и остался теперь один Сталин, а пока что новых безбожников мы не видим».

Отец Александр скончался в лагере в 1938 году.

АНДРЕЙ (1888–1938)

Младший и самый способный сын Флегонта Ивановича окончил семинарию и Императорскую Московскую Духовную Академию в Сергиевом Посаде со степенью кандидата богословия. Преподавал в Тобольской и Нижегородской духовных семинариях. Он, наверное, так и продолжил бы преподавательскую деятельность, если бы не гонения на духовенство после 1917 года. Андрей не мог оставаться в стороне, тем более, что все его братья были священниками. В 1921 году он был рукоположен в священнический сан и начал свое служение в городе Молога

Ярославской области. Тогда же он был впервые арестован. В последующие годы его регулярно арестовывали за речи и проповеди, а также категорический отказ сотрудничать с органами, доносить на верующих и священников.

Наконец, в 1937 году его отправили на 10 лет в лагерь за «контрреволюционную агитацию и высказывание пошлых контрреволюционных клеветнических данных о руководителях ВКП (б)», а также «призыв к восстановлению монархии».

Под «призывом» подразумевалась фраза, произнесенная им на службе: «Православные, завтра будут читаться Царские Часы, приглашайте верующих в церковь, своих сынов и дочерей». Царские Часы – это краткое церковное богослужение для воспоминания некоторых важных событий. «Царскими» они называются потому, что в Византии на них присутствовали императоры. Понятно, что НКВД надо было найти любой малейший повод, чтобы арестовать отца Андрея. Также обвинение указало, что он «является участником контрреволюционной церковной группировки». Видимо, под этой «группировкой» подразумевалась православная церковь. На момент ареста у митрофорного протоиерея Андрея Гиляревского было пятеро детей.

Некоторые источники называют дату смерти в лагере: 4 сентября 1938 года.

Как и его старшие братья, Андрей прекрасно писал, его труды до сих пор публикуются. В «Приложении» можно прочитать отрывки из его статьи «Немецкое засыле в русской народно-религиозной жизни».

ВАРВАРА (1891–1978)

О самой младшей дочери Флегонта Ивановича нам не известно почти ничего. Трагически сложилась судьба ее мужа, Тихомирова Александра Михайловича, священника села Воймиги (родное село Гиляревских). В 1937 году его постоянно преследовали органы НКВД, требуя выдать им врагов советской власти и угрожая расправиться с семьей в случае отказа сотрудничать. Отец Александр написал на кого-то донос, а после, не выдержав мучений совести, повесился на дереве недалеко от села.

СТАТЬИ
Иоанна Флегонтовича
Гиляревского

1905

Номер 2

В статье Иоанн Флегонтович ссылается на «Матер. Истор. Влад. Епарх. Влад. десят. жилых церкв.» Возможно, историкам и архивистам известно полное название документа.

**ДРЕВНИЙ ЛИСТВЯНСКИЙ СТАН
И ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА
В ЛИСТВИНЕ-ЖЕ, СУДОГОДСКОГО УЕЗДА**

Один из станов древней «Володимирской десятины» именовался Листвинским. Время основания его точно определить нельзя: предания не сохранилось, а архивные данные на этот раз очень скудны, порой сбивчивы и запутаны до противоречия. На достаточном же основании можно одно предположить, что до 1631 года в Листвине стана не было, а была только волость.

В Патриарших окладных книгах Владимирской десятины за 1628 год мы находим следующее: «церковь Святые Великие Христовы Мученицы Парасковей нареченныя Пятницы в Листвинской волости на Дубках» (нынешнее с. Дубенки). В 1631 году та же церковь «Мученицы Парасковей» опять помечена принадлежащей

к Листвинской волости, а о стане Листвянском опять упоминания нет.

Далее до 1635 года ни об волости Листвянской, ни о стане здесь – упоминания нигде нет, и только в этом году окладные книги Патриаршего Приказа начинают отмечать стан в Листвине. По книгам десятильника Ивана Всеволодского да старосты поповского Мироносицкого попа Дмитрия (за этот год значится) «новоприбылая церковь Воскресение Христово в Листвинском стану на реке на Судогде». Таким образом, неизвестно, что было в Листвине за этот промежуток времени с 1631–35 г. стан, или волость, – когда упразднена волость и когда основан стан.

По окладным книгам Патр. Приказа с этого времени в Листвинском стане значатся церкви: «Николаевския столпа на реке Ястребе» (нынешнее Заястребье), вышеупомянутая церковь «Парасковей Пятницы» и церковь нынешнего погоста Покрова Башевых.

Упразднен стан, вероятно, одновременно с другими при Екатерине Великой, в 1778 году, а не в 1705, как утверждает составитель Материалов, так как о нем есть упоминание в годы, последующие за 1705-м. Так в материалах пустовых земель Владимирской десятины XXXII читаем: «1746 года с Николаевския столпа в Листвинском стану... дани взято».

Первые документальные сведения о приходском храме в погосте Листвинском мы находим в Патриарших окладных книгах за 7143 год (1635), где значится: новоприбывшая церковь Воскресение Христово в Листвинском стану на реке на Судогде... дани на прошлые на 139 на 140, да 141, да 142, да на нынешний 143 год дани по десяти денег на год взято». Из этой пометки окладной книги видно, что

церковь на погосте только что прибыла, а с нее взята дань за годы, предшествовавшие ее появлению: 1631, 1632. 1633 и 1634-й. Можно предположить, что дань за означенные годы взята с земли упраздненной монастырской церкви.

Основанием служит предание, утверждающее, что здесь до приходской церкви была когда-то пустынь, а в ней монастырь, основанный царем Иваном Васильевичем Грозным в тревожные дни его первого похода на Казань, т. е. около 1549 года. В пользу же предположения о монастыре имеются и другие данные: погост Листвинский издавна слывет под названием «Пустого», т. е. пустынного Воскресения, а одно из урочищ церковной земли называется «Игуменский ручей» (в 1/2 версте от погоста). Народная молва утверждает, что здесь был монастырский скотный двор и хутор игумена.

Следы построек, как то, например: камни, ржавое железо и другие предметы замечались у ручья и в сравнительно позднее время. Относительно местонахождения самого монастыря другого мнения не может быть, как то, что монастырь стоял на том самом месте, где теперь храм и прилегающее к нему кладбище. В существующей церковной летописи за 1868 год упоминается, что до 1853 г. на кладбище близ церкви было много надгробных памятников с надписями, под которыми покоилась монашеская братия пустыни. При перестройке церкви эти живые и единственные свидетели родной старины рукою невежды разбиты и закопаны в землю под бут, а с ними, быть может, погибла навсегда для потомков история Воскресенского монастыря.

Совершенно случайно уцелел один из таких памятников и, кажется, потому, что раньше попал с кладбища под

входные врата ограды, откуда в восьмидесятых годах при расширении ограды был извлечен наружу. Памятник из дикого камня, продолговатый, формы неправильной, на нем древнеславянскими буквами вглубь высечено: «Лета 7104-го преставился раб Божий священноерей схимник Закхей Маия 29 дня».

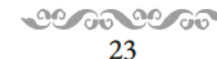
7104 год от сотворения мира падает на время царствования Феодора Ивановича, сына Грозного — основателя монастыря.

После смерти Закхей монастырь простоял еще тридцать пять лет, а всего, полагая началом основания его поход на Казань, монастырь в Листвине просуществовал около 80 лет.

Построенный в 1635 году деревянный храм Воскресения Христова просуществовал на погосте всего только тридцать лет, а потом был закрыт, и богослужение в нем не совершалось десять лет (с 1666 по 1676 год). Церковная земля с этого года была отдана на оброк «Володимиру Леонтьеву Салманову из наддачи до тех мест, пока поп будет, а ныне она стоит пуста, а наддача писана в неокладных».

В 1676 г. церковь вновь была открыта для богослужения. Дани было положено на нее: целая «гривна, да наддачи гривна и заезда гривна», а в следующем году дань эта возросла уже до «19 алтын, четыре деньги и заезда гривна».

В 1680 году, вместо этого храма, погибшего от пожара, в Листвине построен новый деревянный же храм Воскресения Христова. В 1695 году 24 апреля выдан антиминос «к освящению церковь Покрова Пресвятыя Богородицы во Владимирский уезд, в Листвианской стан на погост Воскресенской, того ж уезда».

Это был отдельный Покровский храм, ничего общего с Воскресенским не имевший, но дальнейшая судьба его неизвестна. В 1710 году 7 февраля был выдан новый антиминс по благословенной грамоте во Володимерской уезд, в Листвинской стан на реке Судогде в новопостроенную церковь во имя «Покрова Богородицы».

А Воскресенский храм 1680 года, простояв на погосте до 1759 года, снова сгорел. В донесении на имя Консистории «Воскресенского попа Михаила» говорится о пожаре следующее: «апреля 4 дня, то есть в неделю Ваия, оная Воскресенская церковь неведомо от какого случая сгорела и св. престол и жертвенник, на них одеяние и покров сгорело, а святой антиминс, Евангелие, сосуды, крест и все образа и книги выношено, тако ж и колокола сняты, которое де все хранится в удобном месте».

Построенный вновь после пожара Воскресенский храм вместе с Покровским существовали до начала XIX столетия, когда в 1804 году была освящена настоящая уже каменная церковь во имя Воскресения Христова с приделом Покрова Богоматери.

Номер 14

КОВЧЕГ С ЧАСТИЦАМИ СВ. МОЩЕЙ В С. КРАСНОМ, ЮРЬЕВСКОГО УЕЗДА

Подгородное село Красное, близ Юрьева, 200 лет тому назад обладало ценным духовным сокровищем. В его приходском храме с 1682 года находился ковчежец со св. мощами.

Мощи эти сначала принадлежали Суздальскому Рождественскому собору и в Красное попали при таких обстоятельствах. Суздальский Архиепископ Павел, покидая Суздаль и пользуясь сиротством кафедры до прибытия заместителя, распорядился выдать из собора Красенскому дьяку Григорию Нечаеву ковчег со св. мощами.

Трудно понять, чем руководился Павел, отдавая мощи из собора: быть может, усиленная просьба набожных Красенцев была тому причиной, а, быть может, были и иные побуждения, например, Павел отдал мощи за деньги. Так или иначе, а с той поры обитатели Красного завладели чужой святыней, а суздальцы, при всех своих стараниях, не могли возвратить утраченного.

Преемник Павла, Митрополит Суздальский и Юрьевский Иларион «для тех св. мощей» посылал в Красное архимандрита Юрьевск. Архангельского монастыря Иакова: но митрополичий посланник приказа не исполнил, так как Красенский поп Афанасий его «архимандрита в церковь не пустил и мощей не дал», даже «не дал ему те св. мощи переписать».

Противодействие, оказанное попом Афанасием, заставило Митрополита прибегнуть к суровым мерам наказания ослушников, – к таким мерам, кои заставили потерпевших подать челобитную «Великим Государем».

В 1683 году стольник царский, вотчинник с. Красного, Александр Иванов Милославский бил челом: «За мною, В. Г., ваше жалование в Юрьевском уезде село Красное и в прошлых годах Григорий Нечаев в то село Красное привез в церковь Божию мощи разных святых отец в ковчеге.., а ныне на те св. отец мощи Иларион, Митр. Сузд. и Юрьевск., присылал архимандритов, велел те мощи взять

к себе в Суздаль и человечешко мой тех мощей не дал и Митропол. Иларион за то ту мою вотчину с. Красное положил под запрещение, и священнику с. Красного у церкви Бож. служить не велел, и из города Юрьева и из иных сел с причащением и с иною ни с какою церковною потребою священником ходить не велел же, а в той моей вотчине, в с. Красном, крестьянишки мои многие лежат больны, а иные и при смерти, а священники поновлять и причащать, ради запрещения от Митрополита Илариона, не смеют. Милосердые Государи, Иоанн и Петр Алексеевичи, пожалуйте меня холопа своего из приказа Большого дворца послать грамоту, и тем мощам быть в селе Красном у церкви Божией, и от того б той моей вотчине и церкви Божией и священнику от запрещения свободиться, цари государи, смилуйтеся».

Ответ В. Государей на челобитную Милославского был благоприятен для населения с. Красного. 26 апреля 1683 года от них на имя Илариона последовал указ, чтобы Иларион «из вышеписанныя стольника Александра Милославскаго вотчины, села Красного, из церкви св. мощей имать не велел бы и той церкви священнику и того села людей и крестьян от запрещения свободил бы и учинил бы ты, богомолец наш, по своему архиерейскому рассмотрению, а что о том учинено будет, и ты б, богомолец наш, писал к нам, В. Государем».

Митрополит, конечно, не противился желанию Великих Государей. С тех пор право на владение Красенцами Суздальским ковчегом св. мощей было признано неоспоримым.

В настоящее время доставившая столь много хлопот Илариону, а жителям Красного и огорчений, Святыня ни в Суздале, ни в Красном не существует.

1906

Номер 12

Статья господина Б-ского, на которую отвечает отец Иоанн, помещена сразу после.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ДУХОВЕНСТВО И НАСТОЯЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ»

Почтенный автор статьи в № 4 Епархиальных Ведомостей господин Б – ский высказывает упреки сельскому духовенству по поводу равнодушного отношения его к своим обязанностям в минувшую эпоху аграрных движений. Живое, горячее слово пастыря здесь особенно бы нужно было деревне, но духовенство молчало, и от его молчания все шире и шире развивалось пламя пожара. Правда, по сознанию автора, отдельные личности духовенства немало и довольно производительно поработали на пожаре, но это – исключение, – отдельные светлые точки на общем темном фоне.

Справедлив ли упрек автора к нам, судить не беремся; каждый знает, что сделано им и каждый пусть спросит об этом себя самого, свою собственную совесть. Но нам бы хотелось привести здесь некоторые обстоятельства, смягчающие вину нашу перед строгим судом автора.

Ведь следствия без причины не бывает, несомненно, была причина и нашего молчания там, где бы и следовало говорить. Чтобы стать во главе толпы, повести ее за собой,

нужно иметь прочную внутреннюю связь с ней и недожинный ораторский талант. У всех ли пастырей есть эта внутренняя связь с пасомыми, не ограничиваются ли взаимные отношения их одной только внешней, чисто формальной связью? Священник в таких случаях только исправитель треб – не больше. И не один он виноват в этом, а совокупность причин. Там же, где связь эта существовала, не хватало другого – ораторского искусства, да это слишком еще много, – не хватало просто умения сказать кстати и во время живое, горячее слово. Если автор сам обучался в семинарии, он знает, существует ли в программе семинарской наука современной жизни, которая бы подсказала нам, как жить, – как ориентироваться в известных обстоятельствах времени, как говорить языком современным, живым, интересным для паствы. Многие приобрели эту способность потом, в жизни и благодаря исключительным условиям, в кои попали, но, ведь, не все такие счастливы. Большинство же сельских батюшек, по справедливому сознанию автора, отделены от культурных центров «песками сыпучими и лесами дремучими». Столь ли виноваты мы?

Незаслуженно строг и новый упрек автора к нам, что духовенство сельское оградило себя «стеной китайского равнодушия» от совершающейся действительности. Неужели мы не сыны своей Родины, неужели у нас не русская кровь и благо отчизны – не наше благо?!.. Виноваты ли мы, что волею исторических судеб попали за стену «бумаг, циркуляров наказов и приказов?» По ним мы привыкли жить, мыслить, чувствовать и располагать собой.

Бумаги эти в сотнях, тысячах, десятках тысячей всегда щедро сыпались на нас, а тут в самую критическую минуту обильный ток их прекратился, и очутилось бедное

сельское духовенство, как дитя без няни, пришлось самим толковать значение Царевой милости мужикам от октября, – синодальное толкование пришло с опозданием и потому не внесло умиротворения.

«Получил я октябрьский манифест, рассказывает сосед-священник, прочитал его сначала сам, прочитал раз и два, и чувствую, что и сам ясно и отчетливо не понимаю «свобод». Как же поймет их деревня, ведь она, меньше, чем я привыкла «к свободе». По обычаю – к благочинному; тот только плечами пожал, однако успокоил на прощание: «а вот как свыше пропишут». «Свыше» запоздали.

Вот и еще одна из причин нашего молчания: она вытекает из неподготовленности, или скорее от растерянности нашей перед новизной и важностью дела. Другая причина кроется и в самом народе, который, как и следовало ожидать, оказался еще менее подготовленным к восприятию функций «свобод».

От бедноты и темноты своей на манифест Царский он взглянул прежде всего и, пожалуй, исключительно с материальной точки зрения и высшие духовные блага, обещанные им, оценил постольку, поскольку они подходили под его понятие о пользе личной, практической, материальной.

«Прочитал я манифест, рассказывает другой деревенский батюшка, и вижу, что он не произвел на слушателей должного впечатления. После спрашиваю: ну как, довольны ли вы милостивым словом Царя?»

– Как не довольны? Оно, знамо, Батюшка-Царь, спасибо ему, об нас позаботился, только вот бы насчет землицы, значит, или бы там чего иного прочего нам, со- благоволил.

– Все, говорю, будет вам, – ищите духовных благ, а материальные придут за ними, лишь бы Дума собралась, да попал от вас туда радетель добрый, а там он Батюшке-Царю про нужду вашу скажет».

На этом кончилась беседа священника со своим приходом. На другой день вся деревня была в лесу помещика. «Нам поп в указе читал, что земля будет наша, так мы-ста, пока барин лес весь не свел, возьмем его к себе, – все равно наш потом будет». «Я просил, умолял свою паству не брать чужого, грозил им адом и смертью и властью земной, – только одно заслужил: поп господам продался, Царю изменил».

В другом известном нам месте газеты крайних воззрений сделали свое дело. Еще до 17-го октября деревня выписала газету «Сын Отечества». К ней она привыкла в период войны, направление ее до 17-го было неопределенным, а с обнародованием «свобод» стало открыто боевым. Прочитали мужики в газете постановления «знаменитого» крестьянского съезда в Москве, где было сказано: начальство сельское долой, оброки не платить, леса рубить, земли отнимать и пр. И вот началось... одно предположение нелепее другого! В конце концов на том порешили, что «попы и дворяне Царский манифест скрыли, а другой прочитали».

Здесь в движении народа сказалось что-то такое чисто стихийное, труднообъяснимое, и мог ли слабый пастырь сельский бороться со стихийным напором аграрной волны? Нужно прибавить, что в обоих указанных случаях отношения пастырей к пасомым и обратно были безукоризненны: пастыри везде доселе шли впереди своего стада, и овцы за ними шли и слушали голоса их.

Теперь, в заключение статьи поставим вопрос, окажется ли сельское духовенство на должной высоте своего призвания в том случае, если печальное прошлое повторится?

Ответ, думаем, опять получится отрицательный. От нас требуют, чтобы мы не молчали и текущие события объясняли со стороны истины Евангельской. Мы не знаем, что будет, а возьмем пока что есть. Например, теперь спрашивают крестьяне: выборы должны быть свободны по указу Царя, а почему земский и волостной так или иначе давит на них?

Если сказать словами Апостола «Всякая душа да будет покорна высшим властям», то, ведь, они скажут, что и власть власти должна повиноваться, а Царская власть выше власти земского или волостного. Не ответить им на вопрос, – значит потерять доверие к себе, подорвать свой авторитет, и мужик тогда не пойдет больше за советом к нам, а пойдет к кому-нибудь другому. Если сказать, по Правде Христовой, что и власти бывают плохие, как и между вами есть хорошие крестьяне, есть и плохие, тогда дойдет до стражника или иной сельской власти, и она по долгу службы должна будет сообщить о неблагонадежности пастыря его начальству. Результатом такого сообщения, даже без предварительного выяснения дела судом, является запрещение пастырю служения, лишение места, по силе Указа Свят. Синода от 20 декабря 1905 года.

Интересно знать, что скажет почтенный автор статьи о сельском духовенстве теперь по этому поводу.

ДУХОВЕНСТВО И НАСТОЯЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Величавая картина современного русского освободительного движения отличается одной резко заметной чертой. В то время как русское мыслящее общество, за немногими исключениями, поднялось и всколыхнулось могучей волной, в этот момент великого народного подъема одно наше духовенство молчит, отгородив себя от великого общественного дела как бы китайской стеной полного равнодушия. Оно мало принимает участия в созидании нового здания народного благополучия. Исключением являются единичные примеры немногих светлых личностей. Но, ведь, это – яркие искорки, отдельные светлые лучи и в счет идти не могут.

Что же касается общей массы духовенства, то оно как-то странно и обидно продолжает быть инертным, неподвижным зрителем совершающегося. Особой неподвижностью отличается наше сельское духовенство. Занесенное снегами сыпучими, отделенное лесами дремучими от пульса общественной жизни, оно как бы застыло в архаических формах своего быта. Оно зажимает уши от надоедливой шума проснувшейся жизни, недоумевая и не понимая: чего же это люди хотят? о чем хлопочут?

Не желая спуститься до руководства низменными земными интересами обездоленных и униженных, пастыри по-прежнему учат, что нищета происходит от лени и нерадивости, а если и посылается помимо этих причин, так исключительно для испытания и очищения.

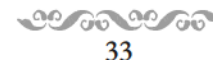

По-прежнему духовенство верит, панацеей такого зла, как обнищание деревни, могут служить средства, подобные попечительствам, богадельням, обществам трезвости и проч., не желая взглянуть на дело шире и глубже.

И вот результаты такого жизнепонимания, такого отношения к окружающим явлениям и насущным, неотложным вопросам серой, будничной жизни начинают сказываться. Духовенство с ужасом видит, что его вековой, раньше незыблемый престиж падает. Народ прежде послушный и кроткий, не узнает своих прежних руководителей. Он не хочет следовать за ними, ищет себе новых вождей. В огромных размерах растет сектантство на религиозно-политической подкладке. Широкими шагами идет социалистическая пропаганда, обещая создать царство Божие на земле путем удовлетворения и гармонического сочетания запросов души и тела. Волнуется и мятежится прежде спокойная деревня, и одним из признаков ее недовольства духовенством являются ее попытки местами сократить ассигновки на содержание сельских причтов.

Поток общественного развития уклоняется по новому руслу, и духовенство, закованное в броню устарелых формул, рискует остаться далеко в стороне. Почему же это так? Что за причина вызвала надвигающуюся грозную тучу?

Ответ ясен. Быть вождем может лишь тот, кто идет навстречу назревшим общественным потребностям, властному голосу жизни. Вождем в состоянии быть только тот, кто, сознавая необходимость общественного движения вперед, все силы употребляет для усиления этого движения, а не стоит равнодушно в стороне, не цепляется, – что еще хуже и безнадежнее, – за победную народную

колесницу, пытаясь остановить и обернуть назад ее торжественное шествие.

Духовенство в настоящий момент такими данными, как вождь, не обладает. В этом надобно сознаться. Если принять во внимание его довольно высокий, по крайней мере номинально, уровень культурности, то мы являемся свидетелями довольно странного зрелища. Многочисленное сословие, обладающее недюжинными умственными и нравственными силами, не лишившееся еще прежнего обаяния и авторитета, уклоняется от неотложной созидательной работы настоящего исторического момента.

Вот теперь всюду идет лихорадочная, спешная подготовка к первому торжественному экзамену зрелости для русского народа, к первому созыву Государственной Думы. Здесь-то особенно ценна и дорога была бы культурная работа духовенства. Здесь для священника открывается широкая перспектива деятельности и как пастыря-печальника о нуждах пасомых, и как гражданина, честно выполняющего свой долг пред Родиной.

Кому лучше, как не сельскому, например, духовенству знать потребности и заветные чаяния деревни? Кому естественнее всего направить народные страсти и требования от ужасов, погромов, насилия и убийств на мирную дорогу защиты своих интересов чрез выборных в Думу, будущую хозяйку и вершительницу судеб страны? Но духовенство, повторяю, молчит. Да не только молчит, а положительно сторонится от всего, что может втянуть его в вихрь политической современной жизни.

– Не знаю положительно, что делать мне с прихожанами, – печаловался при мне недавно один сельский батюшка: – мутятся, колобродят. – Что-то таинственное,

непонятное совершается с ними. Уважения, почтительности прежней к сану нет. Кстати тут отовсюду известия о погромах, грабеже поместий. Ой, как бы не было беды.

– А вы попробовали бы с ними по душам, как пастырь, говорить, разяснять происходящее, готовить к будущей политической работе, как полноправных граждан: растолковать сущность движения и возвещенной зари свободы?

– Ах, что вы! Да разве с мужиками на такие темы говорить можно? Нужно от них дальше, дальше, батенька мой. Ко мне недавно несколько человек явилось, – были и бородатые, – просят газеты почитать. «Лучше бы вы почаще в церковь ходили, говорю, да слово Божие слушали. Это куда как крепче». Так вы думаете что? Повернулись, слова не сказали, и — марш из комнаты. С тех пор ни один не кланяется. Поживите-ка вы с ними, попробуйте молока шилом, а то хорошо в теории-то бобы разводить.

Это лишь небольшая, наудачу выхваченная стенографическая запись современных разговоров. А такие мнения и речи среди духовенства, без преувеличения говоря, преобладают. Небольшая кучка сочувствующих проблескам свободы и света и хоть немного старающихся разогнать предрассветную тьму теряется в громаде совершенно равнодушного инертного большинства.

А работать так необходимо. Работать спешно, не покладая рук. Несчастливая родная страна терпит невероятные муки рождения в новую жизнь. Костры горящих имений, реки братской крови, разнузданность страстей и дикий произвол заливают широкой волной Родину. Нужны скорые действительные средства. Нужно радикальное, немедленное лечение назревших и прорвавшихся

общественных нарывов. Как можно больше спокойной вдумчивости! Как можно больше любви и сострадания к обезумевшим от ужаса и страстей людям. Необходим твердый, разумный, умиротворяющий голос. Необходимо облеченное Божественным авторитетом слово, требующее во имя высшей любви и справедливости прекращения ужасного братского взаимоистребления и угнетения, требующее признания священных, человеческих и гражданских прав обездоленного нищего народа ради его будущего счастья и широкого свободного развития.

И это большое, вдумчивое слово должно сказать наше духовенство, если оно не забыло энергичный облик Сильвестра, величавую фигуру Гермогена, светлый, страдальческий образ митрополита Филиппа. Оглянитесь кругом. Исполин-народ начинает уж просыпаться от тысячелетнего тяжелого, кошмарного сна. Рвутся, как паутина, на могучих членах ржавые цепи. Гневный, озлобленный, он встает во всем ужасе своего раздражения и, поднимаясь на правого и виноватого, готов превратить страну в дикую пустыню времен вандалских нашествий.

И дело духовенства, как и всего мыслящего честного русского общества, заключается в такой критический момент в том, чтобы направить этот непочатый угол кипучей, искрящейся народной энергии не в сторону ужасной трагической пугачевщины, а на путь культурной, мирной работы легендарного Микулы Селяниновича.

А. Б-ский.

**РУКОПИСНЫЙ СИНОДИК ЦЕРКВИ
ЛИСТВИНСКОГО ПОГОСТА,
СУДОГОДСКОГО УЕЗДА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛЕТИЯ**

«Списание книжное» издавна считалось любимым и почтенным занятием наших предков. В часы досуга и простец-грамотей, и царь, и вельможа, и ученый монах одинаково не гнушались им. Это было «Божье дело» и, как таковое, благочестивыми предками нашими выполнялось с особенным старанием и усердием, – на него не жалелось ни средств, ни времени, ни труда. Частые упражнения в копировании, при некоторых прирожденных способностях к этому, делали многих из писателей не только искусными мастерами, но даже художниками своего дела.

И правда: славянское полууставное письмо от руки, красота начертания букв, изящество их, правильность, симметрия частей – все это вместе взятое представляет собою высокую степень искусства минувшего времени и вызывает заслуженное удивление современников. А так называемая миниатюрная живопись, коей также от руки украшались рукописи, замысловатые изображения и сюжеты, замечательные по изяществу и правильности исполнения орнаменты, рамки, виньетки, бордюры и пр? Они очень ценны и дороги для любителей родной старины!

Перед нами такой памятник, правда – не седой, но все же давней старины, – рукописный Синодик с лицевыми изображениями второй половины XVIII столетия.

Найден он при разборке бумаг старого церковного архива и принадлежал Воскресенскому храму Листвинского погоста, но когда, где и кем он написан, точных данных не сохранилось.

Скромный писатель его, быть может, намеренно утаил свое имя, не означил и года написания. Впрочем, одна случайная пометка писателя может послужить основанием хотя бы для приблизительно-верного определения времени написания Синодика. Судя по этой пометке, написание его относится к началу царствования Екатерины II. В столбце умерших царствующего дома последним высоким «родителем» помечен «бывший Император Петр III Феодорович». Имени Екатерины наряду с другими нет, а записано оно потом, – сверху между строк и уже другой рукой.

Синодик форматом в полулист, в деревянном дубовом переплете, писан весь от руки на синей бумаге полууставом, рамки и бордюры каждого листа, окаймляющие лицевые изображения, раскрашены от руки же прочными водяными красками разных цветов: темновато-желтого, зеленого, ярко-красного и темно-малинового. Под изображениями соответствующие значению их надписания.

Первые два листа помянника содержат в себе предисловие, где автор увещевает читателя «творити пособие, еже есть молитвы, жертвы по умерших», увещевает ставить на могилах их памятники и монументы, приносить кутию и пр., а в заключение просит не забыть и его в своих молитвах, «да за сия моя малая труды сподобит мя Господь праведному Судии радостию предстати и спасение получить, чего, яко себе, тако и всем вам всеусердный есмь желатель».

Далее следуют изображения с указанными надписями. Рисунок первый – голова Адамова. Вверху ее надпись: «кости зрак смерти знак; зри, се, всяк будеши так» и далее: Зри, человеце, и познавай, чия сия глава, по смерти твоей будет твоя такова... аз убо бех яко же и ты».

Вторая картина представляет собою собор св. апостол, где предстоящий на нем «архиерей свят Иаков, Брат Божий, со апостолы сице умышляют, да в церкви Божией иереи усопших души поминают, безкровныя жертвы выну о них приносят и отпущения грехов их у Господа просят».

На следующих за сим четырех листах изображены учителя церкви: «агиос» Василий Великий, «агиос» Иоанн Златоустый, «агиос» Афанасий Великий и образ Григория Богослова.

«Свят архиерей Божий Василий Великий отшедшим душам повествует покой толикий, егда во церкви поминаемой души быти, оных вечных мук может тамо избыти».

«Великий архиерей Иоанн Златоуст велит по усопших давати сорокоуст, да тем усопших души от мук свободятся и вечных оных благ тамо насладятся».

«Патриарх Афанасий во святых Великий сказует: усопших свет толикий, егда отшедших души во церкви поминают, отраду немалую тамо тем подавают».

На образе св. Григория Богослова написано: «Богослов святой Григорий сице повествует: добро убо есть усопших души поминати, да во оном веце за сие будут тые непрестанно светло торжествовати».

Пятая картина изображает встречу преподобного Макария с черепом «некоего мужа нечестива-суца еллина». Приводится вопрос его и ответ черепа согласно повествованию о сем пролога.

Следующая картина в верхней части своей заключает мучения грешников в аду, а внизу – другой рисунок, иллюстрирующий мысль: если так страшны муки геенские, то, чтобы избежать их, нужно всегда памятовать час смертный, – быть готовым к нему. Изображен человек сидящий на крышке гроба и размышляющий о смерти; с двух сторон окружают его духи злобы с копьями в руках, ежеминутно готовые вонзить в его сердце свое смертоносное оружие, отравленное змеиным ядом. На рисунке змеи обливают бесовские копьё своим ядом.

Седьмая картина написана на известный текст: плачу и рыдаю... и содержит в себе ту же мысль – о необходимости памятования часа смертного.

Дальше наступает и самый час смертный. Восьмая картина изображает человека на смертном одре. Из груди его крылатый посланник небес вынимает душу «во образе младенца малаго». Эта душа, затем в течение трех дней «бывает ангелы с небеси ко гробу своему свободно носима и в дом к родителема своим», а потом «от девятого днища ангелы хранима и во светлых райских местех держима».

Пребывание души «в светлых райских местех» изображается так: несколько густых ветвистых деревьев представляют рай; на первом плане срединное большое дерево рая, а под ним, в промежутке между другим – малым стоит душа человеческая со скрещенными на груди руками, которую стерегут два ангела. В сороковой день «душа паки возносима на небо от ангел бывает и Богу Творцу своему смиренно ся нокланяет; аще праведна душа, то пребывает во свете, аще ли же грешна, держима бывает во тьме».

Дальнейшие лицевые изображения со стороны содержания интереса особенного не представляют, а потому

перейдем к последнему заключительному рисунку помянника: «зерцало грешнаго», т. е. изображение того, что испытывает, чувствует и переживает душа человека в виду адских мучений. Седалищем грешника во аде служит сеть над «кладезем геенны». На главу его из заоблачной выси спускается меч правосудия – «меч отмщения», падают хартии, где начертан смертный приговор беззаконному: «сведу и в студенец исления». Самый студенец или кладезь исления имеет форму огромного чана, где клокочет и бурлит «неугасающий огонь». Обоюду острые мечи, скрещаясь, пронзают сердце человека, а он беспомощный, судорожно сжав руки, напрасно молит о пощаде, – «медленно поядающий огонь ислевает его».

1908

Номер 3

**СВЯЩЕННИК АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
ПАНФИЛОВ**

Третьего декабря 1907 года, после продолжительной и тяжкой болезни, скончался Благодичинный II Судогодского округа, священник Тимофеевского погоста, о. Алексей Григорьевич Панфилов. Покойный был сыном диакона села Мергусова, Переславского уезда. Образование получил во Владимирской духовной семинарии, где окончил курс учения со званием студента в 1879 году.

Семидесятые годы прошлого столетия были еще живым отголоском шестидесятых, когда в наиболее идеальных юношах духовного звания во всей силе еще господствовали идеи народничества. Без сомнения, и на пылкой душе студента Панфилова они положили свой отпечаток, побудили его для своей деятельности избрать не сравнительно спокойный путь пастырства, а другой путь – учительства в народной школе. Целых пятнадцать лет А. Г., часто «голодный и холодный», по его словам, сеял «разумное и вечное» в глухом уголке одного из уездов Московской губернии, и неблагодарный учительский труд не дал ему ничего, кроме хронического катара горла и общего расстройства здоровья. Правда, признательное к плодотворным трудам учителя, школьное начальство не один раз выражало ему свою благодарность и несколько раз помогало ему материально (наградами в 50, 60 и более рублей), но все это, конечно, было почти ничто в сравнении с тем, что он отдал школе.

Больной телом, с разбитой душой, но еще не потухшими идеалами, А. Г. перешел затем на другой путь служения народу в должности сельского священника в одном из небольших приходов Судогодского уезда, погосте Тимофеевском. Тяжела и беспросветна была и здесь доля старого учителя! Кто из культурных людей побывал в местах Судогодского захолустья, тот знает, каково здесь живется порой человеку с пытливым умом, с идеальными запросами души. Он здесь часто почти одинок со своими светлыми думами: одинок в тихих духовных радостях, один в разладе с душой, один в бурных порывах мятущегося от зла и неправды доброго сердца... И некому здесь понять его, – глушь и дичь кругом!.. И только «твердые душой из

них здесь сохраняют до старости и юношескую свежесть сил, и бодрость духа, не растеряв их по мелочам, или что хуже того, – не утопив их навеки в бездонном море «всероссийского горя». Таким твердым душою был и умерший. И вот что спасло его от духовного разложения, сохранило до смерти цельным идеальный облик умершего, это – горячая любовь к тому делу, коему он отдал пятнадцать лучших лет своей жизни, вера в просветительное дело и в Бога. Двадцать лет и здесь он работал на ниве просвещения, как законоучитель приходского училища, и работал не так, как работаем мы, большинство законоучителей, – он находил, «время и возможность» «сухие и отвлеченные истины» Закона Божия преподавать детям в форме живой и действенной, в такой форме, что они прошли не в умы только юного, а теперь подрастающего поколения, но главным образом, – в душу, в сердце их. Закон Божий он сделал законом жизни для своих питомцев. Эту характерную черту преподавания прекрасно сознавало уездное, училищное начальство, несколько раз выражая преподавателю свою признательность и благодарность чрез Епархиальное Начальство.

Последнее десятилетие своего пастырского служения почившему пришлось, сверх всяких ожиданий с его стороны, провести на начальственных ступенях иерархической лестницы. Он девять лет был окружным Благочинным. И здесь, служа «оком и ухом» высшей духовной власти, он был и остался прежним идеалистом – шестидесятником. Исходя из чисто христианского принципа, что «не все и все для нас», а что «мы должны быть всем все», – он в своих отношениях к подчиненным не был начальником, в обыденном значении этого слова, а был только старшим

предупредительным товарищем и добрым советником. Предупредительность и обязательность почившего были известны всем, кто имел к нему, как начальнику дело. Миролюбие, незлобие, братство были отличительными чертами его отношений ко всем подчиненным. Обладая таким ценным сокровищем духа, он, конечно, не любил и не допускал и в своих отношениях к духовенству, и в отношениях духовенства к себе самому, к приходу, ссор и вражды, никогда не давал им разойтись, развиться до пределов, когда борьба с озлобленными сторонами уже невозможна, когда из-за мелких, пустых счетов забывается и топчется в грязь и авторитет духовенства, и великая идея пастырства. Доношений начальству от него в таких случаях почти никогда не поступало, так как дело обыкновенно кончалось переменою настроения враждующих и все это, – благодаря самой личности миролюбиво настроенного судьи, благодаря его немногим, но от кроткого сердца сказанным словам, где он напоминал враждующим о человеческом достоинстве их личности и о великих заветах любви и всепрощения христианского.

Таким был, в общих чертах, почивший как начальник, таким же был и как человек вообще, и как пастырь прихода. Горячие и искренние слезы его пасомых, в очень большом количестве собравшихся отдать последний долг умершему, были самым ценным доказательством существования тесной духовной связи почившего со своим приходом.

Погребение было совершено 7 декабря собором из 8 священников и 2 диаконов, кои, не считаясь со служебными обязанностями и другими затруднениями, например, отделенностью и неудобствами путей сообщения от непогоды, явились, как бы от лица целого округа, выразить

почившему свои братские чувства и пожелания блаженного упокоения душе его. Трогательные и задушевные речи были сказаны над гробом священниками Орловым и Нарбековым.

Да будет мир праху твоему и душе твоей вечная память, добрый товарищ-начальник!

1910

Номер 8

**РЕЧЬ К ПРОСТОМУ НАРОДУ
ПРЕД ОТКРЫТИЕМ ЗАПИСИ
В ЧИСЛО ТРЕЗВЕННИКОВ НА ПРЕДСТОЯЩИЙ
ВЕЛИКИЙ ПОСТ И ДНИ СВ. ПАСХИ**

Благодарение Господу Богу! Дни бесшабашного разгула, объедения и пьянства, наконец, миновали. Пришел Великий пост. Наступили дни исправления, дни воздержания души и тела, дни покаяния. «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» – давно уже поет св. православная церковь, и мы, послушные голосу ее, скоро будем каяться в своих грехах.

В чем же истинное покаяние? Каждый год мы раскаиваемся в своих грехах, но лучше от того почему-то не делаемся?! Оттого это, други мои, что покаяние наше не соединяется с исправлением, а без исправления и покаяние – не покаяние, – это то же, что молитва без веры.

С чего же начать нам свое исправление? Грехов у нас такое множество, что человек совершенно теряется в них, не может разобраться и в бессилии опускает руки, не зная, к чему сначала приложить свое врачевание. С одного нужно начать: пусть каждый, кто желает исправления, переберет всю свою жизнь и отметит, какие греховные привычки являются особенно присущими ему, постоянными, год от года, день со дня, повторяющимися. Из них, для исправления в текущем году пусть выберет одну, самую главную, от которой, как из начального источника, вытекали бы другие. Мы не ошибемся, если одной из таких чреватых последствиями греха привычек назовем вам ту, которая, правда, – не всем, но большинству из нас присуща: это – пьянство. С него и начнем свое исправление, так как оно – корень почти всех других зол и бедствий.

Вот что мы можем сказать вам относительно «пьяной привычки». То, что потребляем мы под именем водки, составляет смесь 60 частей воды с 40 частями винного спирта (алкоголя). Алкоголь сам по себе, в чистом виде, сильный яд. Достаточно чайного стакана для непьющего человека, и он отравит себя моментально. И с примесью воды алкоголь тот же яд, только не такой сильный, – не сразу, а медленно, но верно действующий. У людей, пьющих водку, прежде всего обожжен рот, язык, горло, пищевод, чрез который проходит в желудок пища и, наконец, обожжен самый желудок. Ткань, оболочка, покрывающая эти части тела, очень тонкая, нежная, от ожога лупится, шелушится и отделяется слоями, обнажая те части, которые закрывала, и, вызывая в них воспаление, от чего они белеют, съеживаются и становятся более восприимчивыми ко всякого рода заболеваниям.

Далее. Спирт, поступающий в желудок, вбирается (всасывается) стенками его и переходит в кровь, разбавляет ее алкоголем, а иногда даже отравляет ее. Отравленная кровь затем по жилам доходит до разных частей тела и везде оставляет свои следы. Голова делается больной, сердце работает неправильно, под ложечкой боль, в желудке жжение, дурная отрыжка, общая слабость и вялость, неспособность к работе, тяжелое, подавленное настроение духа, отсутствие аппетита. Но не задумываются над этим привычные пьяницы.

Они спешат скорее опохмелиться. Это на некоторое время оживляет их, а организм от частого похмелья все более и более привыкает к водке. Таким путем создаются уже привычные пьяницы, алкоголики. Водка для них – уже необходимая потребность. Без нее они испытывают невыносимые мучения: их гложет, сосет какой-то червь, который требует водки. Червь этот – отравление организма и, чтобы избежать мучений, необходимо опьянять себя постоянно.

Некоторые люди прибегают к водке, как согревающему средству, но и здесь водка, как лекарство, не выдерживает критики. Сначала работа сердца как бы усиливается, усиливается и кровообращение, а потом теплота тела уменьшается и обращение крови замедляется. Сердце и кровь здесь работают сильнее потому, чтобы как можно скорее удалить и переработать спирт в теле, а не для того, чтобы согреть его. Статистика указывает, что три четверти людей, умирающих от замерзания, бывают нетрезвы.

Неосновательно также предположение, что водка, возбуждая аппетит, способствует еще пищеварению. Задача пищеварения та, чтобы желудок из пищи, которую

мы принимаем, выделил самую питательную составную ее часть – это белок, содержащийся в принимаемой нами пище (жареное мясо, рыба) в твердом, свернувшемся состоянии. Желудочный сок растворяет белок, и в таком только виде он проходит легко в кровь. Спирт же, находящийся в водке, опять его свертывает. От этого пищеварение замедляется, желудок портится, с трудом варит пищу и, наконец, заболевает затяжным катаром, состоящим в том, что силы желудка ослабевают, на стенках его накапливается слизь, ткани, выделяющие желудочный сок, становятся вялыми, недеятельными.

Даже умеренное потребление водки, в виде одной-двух рюмок в день, и то не может остаться без вредных последствий. Выпивая по рюмке перед обедом и ужином, в течение, например, тридцати лет мы проглотим чистого спирта более 1500 фунтов (вес водки в рюмке 2 унца). Нужно же телу переработать такое количество спирта и сохранить себя здоровым, сильным, жизненным!

Причиняя вред здоровью (постепенно убивая его), водка, несомненно, наносит также большой ущерб материальному и семейному благополучию человека. Не касаясь здесь тех страшных бед, ужасов и преступлений, кои сопровождают неумеренное употребление алкоголя, мы приведем только цифровые выкладки «пьяного ущерба». Выпивая только по две рюмки в день (с 20 до 60 лет), человек пропьет капитал в 1460 руб. (стоимость рюмки в 5 к.). Привычные же пьяницы выпивают от 1/2 бут. до бутылки в день. Принимая полбутылки за среднее в день, за сорок лет человек выпьет 1460 четвертей, или пропьет 3066 руб. Особенности случаи в семейной и частной жизни человека в расчет не берутся, например: свадьбы, крестины,

именины, праздники и пр. На пропитые деньги 3066 р. человек в 40 лет скушал бы мяса более 510 пудов, – более 12 п. в год, – более 10 ф. в неделю, сохранил бы свои силы и здоровье и передал бы их своему потомству.

Врачебной наукой доказано, что дети пьяниц уже рождаются больными, так как зачатие их у таких людей бывает обыкновенно в пьяном виде. Родовое семечко отравлено алкоголем, и из него потом зарождается человек. Многие из детей пьяниц в первые же годы получают неизлечимые болезни мозга (острую водянку, воспаление) и умирают, другие же, хотя и переживают детство, но долго потом не развиваются физически, отличаются слабоумием, недостаточными способностями, плохой памятью, отсутствием сообразительности, а, достигнув зрелого возраста, если вступают в брак, производят опять больное потомство, в котором уже появляются идиоты, эпилептики и пр.

Особенно же вредное влияние водка оказывает на умственные способности человека. Кровь, отравленная алкоголем, приливая к мозгу, отравляет и его, от чего мозг у пьяницы не может правильно, ясно и чисто работать. Это видно из того, что большинство поступков и дел в пьяном виде не могут быть оправданы с точки зрения трезвого разума.

О том, какой вред водка причиняет человеку в нравственном отношении, побеседуем в следующий раз, а теперь предлагаем всем, кто желает не только покаяться, но и принести плоды покаяния, кому дорого свое здоровье, кто ценит благополучие и своих семейных, – записаться в число трезвенников, сначала хотя бы на этот сравнительно малый срок, как время поста и неделя Св. Пасхи.

Мы вполне уверены, что и за этот малый срок вы вполне убедитесь в том, что лучше не пить, чем пить.

Да поможет же нам в этом Господь Бог, по молитвам и предстательству за нас Великого Пророка и Предтечи Его Иоанна, который сам пал жертвою пьяного безумия Ирода. Аминь.

Номер 13

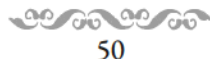
РЕЧЬ К ТРЕЗВЕННИКАМ. ПЬЯНСТВО – ВЕЛИКОЕ НРАВСТВЕННОЕ ЗЛО

В прошлой своей беседе мы рассматривали порок пьянства со стороны вреда, причиняемого им внешней жизни человека: его здоровью, материальному благополучию в семейной и общественной жизни.

Теперь коснемся вопроса о последствиях пьянства для жизни души с нравственной стороны, по учению Слова Божия и творениям св. Отец.

Пьянство с нравственной стороны есть, прежде всего, самоубийство или один из видов его и, как таковое, есть грех, больший убийства. Каждому человеку от Творца его дано столько телесных и духовных сил, сколько, при разумном расходовании их, требуется на определенный ему Богом век. Но человек-пьяница, вопреки Божьему определению, сокращает этот срок, – зажигает свечу с двух концов, заставляет гореть елей жизни двойным пламенем.

Будучи самоубийцей, он является еще убийцей других, своих семейных, отнимая у них часто последний кусок хлеба, доводя их до нищеты духовной и телесной. «Кто любит веселье – обеднеет; а кто любит вино – не разбогатеет (Притч. 21, 17)». «Пьяница обеднеет (Пр. 23, 21)».

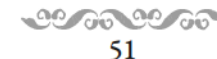

И по отношению к общественной жизни пьяница – преступник: от него рождается большое поколение, склонное к разного рода преступлениям, и даже – идиоты, эпилептики, – являющиеся лишней обузой для общества и общественного благосостояния.

Далее, пьянство доводит человека до помрачения ума, до потери сознания, рассудка. Пьяный человек теряет образ и подобие Божие, становится хуже бессловесного животного. Ум его, затуманенный винными парами, уже не в состоянии сдержать порывов злой, зверской природы человека. Пьяный он убивает себя, убивает других, заводит ссоры и драки, крадет, обманывает, поджигает. «У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? – У тех, которые долго сидят за вином» (Притчи 23, 29–30). «Они били меня, но я этого не помню, ударили, однако я ничего не почувствовал. Теперь же не могу проснуться, мне нужно ещё выпить». (Притчи 23, 35) Пьянство порождает в человеке распутство, потерю целомудрия и стыдливости. «Не упивайтесь вином, в немже есть блуд» (Ефес. 5, 18). «Вино и женщины развратят разумных» (Сираха 19, 2).

Лот со своими дочерьми через пьянство подвергся страшному искушению (Быт. 19, 31–35), а Ирод, упоенный вином и пляскою девицы, по наваждению Иродиады, усекнул главу св. Иоанна Предтечи.

Про примеры из современной жизни и говорить не будем. На каждом шагу, каждый день они перед нами. Да и всякий, кто, особенно в молодом возрасте, упивался вином, знает с какой силою плотской похоти бушует оно в нем. «Ни один вулкан не бушует с такой силою, как вино в молодых жилах» (Блаж. Иерон.). «Я никогда не поверю,

чтобы пьяница был человеком целомудренным» (он же). «Не расслабляй тела своего винным воспламенением, чтобы не напали на тебя лукавые помыслы и самые худые мысли» (Ефрем Сирий).

Но вот еще одно следствие пьянства и при том самое губительное: «Пьяницы царствия Божия не наследуют» (1 Кор., 6, 10). Конечно, если не исправятся. «Дела плоти известны, они суть: ссоры, убийства, пьянство... поступающие так царствия Божия не наследуют». (Ефес. 5, 19, 21), ибо они сами навлекают на себя гнев Божий: «Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином». (Исаии 5, 11)

Что же теперь остается делать нам, слушатели благочестивые, чтобы не погибнуть окончательно? Мы так слабы, а дурная привычка так сильна над нами, что не знаем, как освободиться от нее?! Решимость прежде всего нужна, решимость исправиться, а потом, – вера в то, что «Божественная благодать, немощная врачующи и оскудевающая восполняющи» пособит и нам покончить с сильным врагом. Вот вы приступаете теперь к исповеди, по окончании которой над вами будет прочитана разрешительная молитва. При словах этой молитвы: «прощаю и разрешаю вас от всех грехов ваших» невидимо сойдет на вас благодать Св. Духа, – помолитесь же усерднее в это время, чтобы эта благодать коснулась немощного сосуда плоти вашей и помогла сдержать свое обещание трезвости в течение времени поста и дней св. Пасхи. А там Господь укажет нам и дальнейший путь. Аминь.

**К ВОПРОСУ ОБ УПАДКЕ
РЕЛИГИОЗНОЙ НАСТРОЕННОСТИ
В ПРОСТОМ НАРОДЕ**

Русский простой народ, вера и благочестие которого доселе не подлежали никакому сомнению, оказался не на высоте своего положения. В только что пережитые тяжелые годы в нем замечено было ослабление веры, упадок религиозной настроенности. Прочная доселе, устойчивая связь церкви с народом оказалась слабой, и голос церкви, в лице представителей ее – пастырей, в годину лихолетья прозвучал во многих местах «гласом вопиющего в пустыне», – не везде зажег сердца людей... Все это и породило теперь вопрос: верен ли был тот путь, по которому до сих пор текла религиозная жизнь народа?

Та или иная настроенность, то или иное направление, доброе или злое, человеком получается первоначально в детстве, – от семьи. Первые вероучители и нравоучители ребенка до школьного возраста – его родители и, преимущественно, мать. От матери дитя впервые, как только пробудится в нем сознание, узнает о Боге, о религии и пр.

И, смотря по тому, как, в каком виде и форме родителями передадутся религиозные понятия ребенку, – такое направление сообщится и его первой религиозной настроенности. Чтобы передать своему дитяти истинную религиозную настроенность, родителям самим нужно быть в достаточной степени носителями ее, а в какой степени они являются носителями ее, это знает каждый пастырь церкви, проверяющий совесть своих пасомых на исповеди.

Религиозное невежество в простом народе часто слишком бросается в глаза, чтобы не заметить его! У многих, именующих себя верующими в Бога, христианами православными, часто нет даже и понятия о том, что такое Бог, Которому он молится; для них и Никола – Бог, и Параскева Пятница – Бог и икона – Бог. Не имея ясного, точного понятия о Боге, о Христе-Искупителе, о духе Его учения, естественно, такой человек не в состоянии отличить разницы между духом религии и формой, обрядом, служащим лишь внешним выражением переживаемого религиозного настроения. Форма, видимая и более понятная ему, при его умственной слепоте, закрывает внутреннюю сторону религии, а отсюда – у него не только смешение обряда с догматом, но преклонение перед обрядом, возведение его в догму. Вера, – нечто внутреннее, духовное, отлилась у него в видимую, строго определенную и обязательно соблюдаемую форму: в счетное число молитв и поклонов по лестовке, в обязательное двуперстие, в громкое служение, в большие колокола и пр.

Если таков уклад религиозной жизни простого человека, то само собой понятным становится, что и нравственное мировоззрение его проникнуто не животворящим духом веры и любви христианской, а духом того же обрядового уклада. Проглотить случайно, при кормлении ребенка, каплю молока в пост считается большим грехом у крестьянина, об нем он непременно будет сокрушаться на исповеди, но умолчит или ограничится простым упоминанием про другой свой грех, содеянный в ту же среду, когда он избил и выгнал вон из дома отца-старика, отпахал у бедняка-соседа лишнюю борозду в поле, украл в чужом лесу дерево, а у своей голодной семьи унес из амбара и пропил в шинке последний мешок хлеба.

Таким образом, понятие о грехе, как нравственном зле, здесь смутно сознается.

Вот каков тот источник, из которого деревенский ребенок-христианин почерпает «воду жизни» до школы и вот какова семья в роли его первой религиозной воспитательницы!

От семьи перейдем теперь к школе.

Семья закладывает только первые, хотя и важнейшие семена религии в душу ребенка, а дальнейший их рост, развитие, культивировка принадлежит школе. Школа должна не только учить, но и воспитывать человека, готовить его к жизни по Христову закону. Кто из учащихся в школах более отвечает за это дело, кто менее, – мы рассуждать об этом не будем, хотя, по закону Правды Христовой, должны признать, что все учащие одинаково ответственны перед нравственным законом «за погибель единого от малых сих». Как же поставлено дело религиозно-нравственного воспитания в народной школе?

Лучшим показателем недостаточности школьного религиозного воспитания служит тот факт, что дети-подростки, уже прошедшие школу, часто индифферентны к делам веры и церкви, а многих из них последние годы увлекли совсем от церкви на путь безверия и нравственного упадка. Быть может, здесь, в отдельных случаях, сказалось влияние духа времени, – пусть это так, но факт упадка религиозного и в молодом поколении налицо. Кто здесь виноват? Сказать трудно, но, очевидно, не без вины школа. Жизнь поставила религиозные убеждения молодежи в конфликт с работой мысли, с новыми моральными принципами, навешанными пропагандой, а школа не предусмотрела этого, не позаботилась заложить прочных устоев, и здание

рассыпалось. Очевидно, и школа обратила внимание не на дух религии, который вечнोजизнен, неизменен, а на что-то другое, внешнее, разрушимое от условий времени. Да так и бывает.

Многие из руководителей религиозного воспитания в школе или совсем не задумываются над своей прямой задачей, или слишком узко понимают ее, – а задача эта – в следующем: подготовить для жизни новое поколение, новую христианскую семью, чтобы таким путем постепенно воплощалась идея царства Христова на земле. Между тем, по установившимся школьным традициям, от отцов законоучителей требуется на первом плане, если можно, так выразиться, «выставка знаний» по курсу Закона Божия на экзаменах. В погоне за тем, чтобы и экзаменаторам угодить и не поставить себя ниже своих товарищей – законоучителей, приходится много поработать для одного, в ущерб другому – главному, – чтобы истины вероучения были не на языке, не в памяти только ученика, но проникли бы в душу, в сознание, в сердце ребенка, зажгли бы его огнем живой, вечной, неугасающей веры.

В этом, по нашему мнению, – главный недочет постановки законоучительства в школе.

Остальные недочеты религиозного воспитания, какие нам приходится наблюдать в школах и церковных и земских, имеют лишь побочное значение, но и с ними, конечно, тоже приходится считаться. К числу главных из них нужно отнести: отсутствие религиозности в самих учащих; равнодушное отношение к тому, как проявляется духовная жизнь в детях-школьниках. Сюда же нужно отнести: отсутствие в некоторых школах общих молитв, исправного посещения богослужения, участия

в чтении и пении на клиросе и прислуживания в алтаре; отсутствие пения молитв в земских школах, отсутствие почти всякого контроля за нравственностью учеников вне школы и пр. Все это, конечно, взятое в общем, имеет свою долю значения, так как не содействует детям «приходить ко Христу».

Таким образом, и школа и семья в их наличном составе не могут гарантировать нам уверенности в том, что лежащий на них долг воспитания детей-христиан вполне выполнен ими. После школы ребенок снова возвращается в семью; но здесь под мертвящим влиянием среды, скоро у него слабеет, гложет и то хорошее, что он получил в школе, и он снова проникается духом «мертвой веры», так как «живой веры» школа ему не дала.

Бывает и худшее: когда, под влиянием тех или иных, иногда случайных, налетных условий жизни, мысль ребенка, разбуженная школой, проснется, начнет работать, он часто не бывает доволен «тем Богом», которого нашел в семье и школе, и пойдет тогда искать себе «нового Бога», – «на распутиях»...

Что же теперь делать? Нужны решительные и неотложные меры.

Нужна реформа и школы, и семьи. Реформированная школа должна создать из подрастающего поколения новую семью, на новых, лучших, – более жизненных началах, а, чтобы, во время такой работы школы, старая семья не оказывала на ее труды парализующего влияния, нужно, одновременно с сим, начать другую работу – по просвещению семьи на истинных религиозных началах.

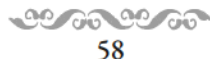
Какими же мерами и средствами располагает пастьрьь церкви для религиозного просвещения семьи? И здесь,

прежде всего, нужен личный пример такой настроенности в самом пастыре. Пастырю – перевоспитателю, врачу, нужно сначала себя самого перевоспитать, себя уврачевать; иначе – «слепой поведет слепого» и в результате дела получится лишь справедливый упрек: «врачу, исцелился сам». Религиозное направление пастырь церкви получает в школе, где обучается. Нужно на нее обратить внимание, чтобы она подготовляла убежденных работников веры, людей призвания и долга. Далее, чтобы религиозное направление, данное школой, затем крепло, развивалось, нужно дать пастырю церкви все, что способствует поддержке и укреплению такого направления, и устранить с его пути то, что так или иначе служит к ослаблению его.

Нужна трезвость пастырю, нужно просвещение, нужны книги, журналы, церковные и благотворительные библиотеки с лучшим составом книг, нужны товарищеские кружки, нужна, наконец, полная материальная независимость пастыря от пасомых и др.

Дальше, – нужна неустанная проповедь, катехизация семьи в духе истинного вероучения и с кафедры церковной, и вне ее. Дело проповеди нужно начать с азбуки вероучения, то есть с того, с чего начинается преподавание Закона Божия в школе. Не нужно смущаться тем, что материал для проповеди слишком уж мал, прост. Успех дела будет зависеть от предварительной работы над ним самого катехизатора и от умения его возбудить интерес в слушателях.

Таким порядком нужно прочесть весь курс вероучения и нравоучения христианского. Проповедь должна быть непременно устной. Для заучивания текста главнейших молитвословий можно рекомендовать уже

испытанный способ: введение за богослужением общего пения. Этим достигается и другая цель – не будет безучастного и равнодушного отношения прихожан к тому, что делается в храме за службой.

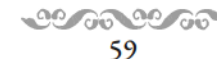
При прохождении курса истории необходимо нравственные выводы применять к действительной, текущей жизни; при объяснении отдела о любви христианской полезно отмечать, останавливаться вниманием на тех или иных нарушениях ее в приходе, кои являются наиболее частыми, господствующими и пр.

Заканчивая настоящий очерк и считая его лишь слабой попыткой внести посильную лепту в общее для всех пастырей дело о поднятии религиозной настроенности в простом народе, мы питаем надежду, что более компетентные пастыри-собратья осветят этот вопрос и в применении его не к одному только простому народу, а к разным слоям и классам народа.

Номер 49

К ВОПРОСУ О ШКОЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

В предыдущей нашей заметке, когда шла речь об упадке религиозной настроенности в простом народе, мы высказали положение, что дело возрождения духовной жизни народа нужно начать со школы. Школа должна создать будущую семью на новых, лучших нравственных устоях, а для этого она должна не только учить, но и воспитывать ребенка. Наряду с обучением главное место,

таким образом, должно отводиться школьному воспитанию. И действительно, что пользы от того, как говорит апостол, если мы обогатим только свой ум знаниями: будем знать не только человеческие, но и ангельские языки, постигнем «весь разум», узнаем «тайны вся», но не будем иметь сердца, согретого любовью добродетели?!.. «Ничто» – мы тогда.

Обязанность воспитания детей простого народа лежит на народной школе. Как справляется она с этой своей задачей – и составит предмет настоящего посильного очерка.

Судить о том или ином влиянии школы в смысле воспитания легче и справедливее всего можно потому, какие всходы дают семена школьного воспитания во внешкольной жизни учеников. Что же иногда видим мы здесь? Видим, что из доброго, чистосердечного, тихого, стыдливого, богобоязненного мальчика, каким знала его школа, в жизни получается грубый, злобный, лживый, безбожный юноша. Мать-школа, воспитательница часто не узнает в нем «свое создание», ей больно, стыдно за него, у ней опускаются руки от скорбного чувства разочарования «в делах рук своих», теряется вера в то великое и святое дело просвещения, коему долгом и совестью она старалась служить... «Родное детище»... и оно стало чужим, пасынком для матери стало... Кто виноват?! Неужели школа только, учитель?.. Нет. Если они и повинны в чем, так это в том, что, выпуская ребенка из школы, закончив свой посильный труд над ним, не умели привязать его к себе, установить прочной внешкольной связи его с собою. А больше всего виноваты здесь мы сами, – общество, среда, родители.

Мы посылаем своих детей в школу, там их учат чужие люди, про которых мы знаем, что они должны учить, и больше нам часто нет до них никакого дела... Как учатся наши дети в школе, что делают там, успевают ли одинаково и в науках и в добродетели, – это часто и на мысль родителям не приходит. Сдали своих детей в чужие руки, свалили с плеч «лишнюю обузу» и спокойны, – ничего не хотим лично сделать для них: не хотим даже справиться, в состоянии ли школа одна без помощи семьи выполнить свою нелегкую работу. А если школа не в силах выполнить всего дела? Почему не придти тогда на помощь ей? Ведь каждый отец, каждая мать лучше знают своего ребенка, знают все его хорошие и дурные наклонности; отчего бы им в заботе о детях своих, откинув ложный стыд, не придти в школу к учителю, с полным доверием, без утайки рассказать ему все, что они знают за своим ребенком?! И мы верим, что всякий педагог-учитель с распростертыми объятиями пойдет навстречу таким родителям и тогда, быть может, его и их усилиями, выработался бы ряд мер, направленных к тому, чтобы все доброе, привнесенное ребенком в школу из семьи, сохранить, развить еще больше, воспитать, а дурное, плохое – так или иначе искоренить, уничтожить. Вот тогда бы, смеем полагать, работа школы-воспитательницы достигла бы своей цели, так как встала бы на более прочную, устойчивую почву. Ей тогда не пришлось бы, быть может, выслушивать от тех же родителей горький, порой заслуженный, а чаще – обидный упрек по адресу школьного воспитания, что: «вот де чему научила наших детей школа... Хуже неученых... Мы без грамоты век жили, да не хуже вас были»... и пр.

Мало того, семья не только не идет «рука об руку» со школой в деле воспитания своих же детей, но еще худшее

делает. Сознательно или бессознательно, но она иногда ставит препоны, преграды школе в воспитательном деле, часто такие, что ими парализуется, сглаживается, уничтожается вся работа школы в этом направлении.

Школа, например, стремилась на чистой детской душе написать то, что составляет истину и красоту души, а семья, приняв ребенка из школы, старается загубить этот чужой труд, постепенно вытравляет из сердца ребенка добрые школьные навыки. Школа воспитывает ребенка-христианина в понятиях о том, что человек сам по себе – ничто пред всемогуществом Бога, что только у Бога мы должны искать помощи в своих делах и начинаниях, а дома родные, не стесняясь присутствием ребенка, часто призывают на свои дела не всесильное имя Божие, а имя врага рода человеческого – дьявола, причем сопровождают свои призывания сквернословием. Ему говорили в школе, что нужно молиться, просить, благодарить Бога, а дома никто этого не делает и его к тому не приучает.

Школа говорила ребенку, что любить нужно всех, даже врагов, обидчиков, прощать им, что злопамятность по своим последствиям – тяжкий грех, а дома, при нем, не стесняясь, даже как будто рисуясь этим, отец грозит отплатить и оплачивает своему обидчику.

Школа учила, что грех брать чужое, что грех – обидеть отца, мать, ближнего, а семья на каждом шагу, везде и всюду, приводит ему примеры обратного: сама идет красть чужое и ребенка ведет за собой, сама обижает отца, мать и ребенка учит «не спускать» другому... Делается все это открыто, свободно, при детях, и они постепенно осваиваются с таким порядком вещей, привыкают к нему

и незаметно впитывают его в себя, а прежнее школьное семя, без призора, без ухода, без достаточного питания гложет, замирает в нем.

Семья, допуская этот, назовем его «грехом неведения», грех тем самым делает двойное зло, так как, губя свое детище, губит свою душу, забывая грозный суд Спасителя к соблазнителью ребенка, что лучше бы было для него, если бы он повесил себе на шею мельничный жернов и потонул в пучине морской, чем соблазнил, хотя бы неведением, «единого от малых сих». Вот при каких условиях работает народная школа над воспитанием детей и можно ли, положила руку на сердце, одну только ее винить в недочетах народного воспитания.

1911

Номер 1

ПОУЧЕНИЕ В ДЕНЬ НОВОГО ГОДА

Ещё год... Ещё шаг на пути жизни!... Не время ли, христианин, остановиться, обернуться назад, проверить пройденный путь? Верен ли он и туда ли ведет, куда нужно? Зачем мы сегодня, приветствуя друг друга «С новым годом!», взаимно желаем еще и «нового счастья?» Разве мы недовольны старым счастьем? Разве тот путь, по которому мы шли к достижению его, не привел нас к желанной цели?...

Да, этот путь к счастью оказался неверным: он скользок, сбивчив и не дает полного счастья человеку. В чем же истинное счастье человека? Пытливый ум еще древнего человека трудился над решением этой задачи, но никак не мог придти к одному общему, согласному решению её, а современное человечество, «расслабленное духовно», превзошло в решении задачи о счастье древних, так как, откинув духовную сторону в существе человека, свои поиски счастья направило всецело в сторону его только телесного благополучия. Большинство современных людей, мы не говорим, что все, счастье видят в богатстве, удовольствиях, наслаждениях жизни, славе и почестях, красоте телесной, силе и пр. В этом они видят цель жизни и ради достижения этой цели готовы жертвовать всем. По мнению одних, деньги, золото – все. И действительно, мир охвачен борьбой из-за рубля, с рублем, – стонет под тяжестью рубля. На земле кумиру золотому служат все... Талант, совесть, порок – все продается, все покупается золотом... И вот люди стремятся приобрести себе как можно больше денег, богатства. Но довольны ли они, достигнув богатства? Счастливы ли во всем? Спокойны ли? Зачем же тогда «льются и чрез золото слезы?!» Зачем богача мучит, не дает покоя жажда все большей и большей наживы?! Зачем он ночи не спит, думая, как сохранить и куда поместить свои деньги?! Зачем он, достигший благополучия тела, изуродовал, окаменил, сделал черствым свое сердце, которое порой, вырвавшись из-под сдавившего его гнета, жестоко бичует грешную совесть богача?!... «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16, 26).

Но, если счастье человека не в богатстве, то, быть может, оно, как полагают многие, – в удовольствиях жизни, в наслаждении? Опять нет. Избыток удовольствий рано или поздно вызывает в человеке пресыщение ими, как бы ни шла далеко его изобретательность, изысканность в этом. Рано или поздно, они дают себя знать, особенно под старость, когда физические силы ослабли в человеке, а совесть, внутренний страж, начинает свою обличительную работу.

Всего же более лишает человека спокойствия мысль о том, что жизнь не может же быть вечной сменой удовольствий, что придет время, когда кончится она, а с нею кончится и то, чем наслаждался человек. Этот страх смерти, одна мысль о внезапности, неожиданности её способна растворить горечью отравы самое приятное, самое сладкое удовольствие. Никто из древних не был счастливее, славнее, богаче и мудрее Соломона, и это внешнее довольство, тем не менее, привело его к безотрадному разочарованию жизнью. «Я построил себе дома, насадил виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня во Иерусалиме; собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей, завел у себя певцов и певиц и наслаждения сынов человеческих – разные музыкальные орудия. Чего бы глаза мои не пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья... Но взглянул я на все дела, которые сделали мои руки, и на труд, которым я трудился: и вот все – суета и томление духа, и нет от них пользы (счастья) под солнцем» (Екклесиаст 11, 4–11).

Таким образом, и удовольствия жизни не дают человеку счастья, а порождают лишь в нем одно «томление духа». Так не в славе ли, не в почестях ли счастье человека? Опять нет. И слава, и почести земные не дают полного счастья, так как они изменчивы, непостоянны, временны, переходящи. Самоуслаждение человека своим превосходством пред другими – это самообман, который сразу постигнет человек, как только дойдет до вершины величия. А бывает и так, что человек, по воле судеб, вдруг падает с пьедестала славы на низ, и это падение его бывает тем тяжелее, чем выше достигнутое им счастье.

Великий царь Эллады Александр Македонский был возведен на предельную высоту славы и могущества человека: мечем брани он прошел «до пределов земли и взял добычу от множества народов; и умолкла земля пред ним, и он возвысился, и вознеслось сердце его. Он собрал весьма сильное войско и господствовал над областями и народами и властителями, и они сделались его данниками. После того он слег в постель и, почувствовав, что умирает, призвал знатных из слуг своих, которые были воспитаны с ним от юности, и разделил им свое царство еще при жизни своей. Александр царствовал двенадцать лет и умер». (1 Макков. 1, 1–5) Смерть победила славного и непобедимого! Не дают полного счастья человеку и телесная красота, телесная мощь и здоровье. Достигнув их, человек все же не может спокойно наслаждаться ими, так как не может отрешиться от мысли, что «лежит человеку умереть», что – «земля еси и в землю отидеши».

Так где же оно и в чем оно – истинное счастье человеческое? Во внешней, телесной природе человека, в её только благополучии, мы не нашли этого счастья. Значит,

оно – в другой составной части существа человека, – в его душе, которую дал Бог, которая «больше есть тела». Душа человека, стремясь к Богу, отдает себя всецело на служение ближнему, и сознание исполненного долга дает ей внутренний покой – умиротворение совести. Ни бедность, ни невзгоды жизни не в состоянии отнять это благо у человека, так как оно выше, ценнее, прочнее всех сокровищ земных. «Святители Божии человецы» нашли это счастье, обрели этот «бесценный бисер Христа» и, уходя из жизни в вечность, они не испытали «томления духа», так как сознавали, что Царство Божие было уже «внутри их».

Такого именно счастья пожелаем себе и другим в будущем году! Аминь.

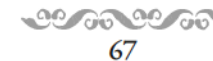
Номер 50

О ПОМОЩИ ДУХОВЕНСТВУ В ГОЛОДАЮЩИХ ГУБЕРНИЯХ

В России снова голод. Это – ужасное, тяжелое общественное бедствие!

Тяжело оно по тем последствиям, какие сопутствуют голоду, а ужасно по той неожиданности, стихийности, с которой оно сегодня посещает одно место, завтра – другое. И никто не застрахован от него, никто не может предвидеть и отворотить ужасов его...

Двадцать губерний европейской России и Сибири охвачены теперь голодом. Положение голодающих очень тяжелое. В Тургайской области появился уже тиф и цинга, – обычные спутники голода, а в Оренбургском

крае «ужасы голода, по свидетельству Преосвященного Дионисия Челябинского, превосходят всякое описание и представление о них». Голодающие переживают такое состояние, что готовятся к смерти: «исповедуемся и причастимся, чтобы встретить голодную смерть». На борьбу с голодом Правительство предположило отпустить более ста миллионов рублей, из коих девятнадцать уже отпущены; но, несомненно, что всякая частная жертва на голодающих будет с благодарностью принята правительственными организациями по сбору пожертвований, например, – земскими учреждениями, отделениями общества Красного Креста и пр.

Православная церковь и духовенство, как носители и проповедники Христовой любви к страждущему ближнему, конечно, также не пройдут мимо голодающих братьев своих и протянут им братскую руку посильной помощи. В нашей губернии пока еще не приступлено к производству сборов на голодающих по церквам. Чем объясняется подобное обстоятельство, мы не знаем, но оно многим из недоброжелателей наших дает повод упрекать духовенство в бессердечии и равнодушии к беде своих пасомых и к положению среди их своих же собратий – голодающего духовенства.

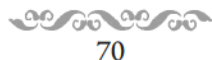
В материальном отношении православное духовенство поставлено в полную зависимость от своих прихожан. Неблагополучие последних отзывается упадком благополучия первых. У крестьян голод, – и у духовенства, если не голод, то – недород и недобор во всем, что составляет насущное пропитание. К кому оно должно теперь обратиться, чтобы самому просуществовать, и семью прокормить, и детей обучить? И в благополучные годы тяжело и горько

пастырю церкви жить подаванием, а во время народного голода такое несчастное положение граничит уже с безвыходностью. Хорошо, если у кого найдутся сбережения на черный день, но у всех ли они есть и надолго ли их может хватить? А потом что? На правительственную помощь питать виды? Правда, в Государственной Думе прошла внесенная в формулу перехода к очередным делам поправка Преосвященного Евлогия, чтобы «правительство озабочилось оказанием помощи и нуждающемуся сельскому духовенству, пострадавших от неурожая губерний» (заседание 12 ноября); но можно ли с уверенностью предположить, что это пожелание раздаятелями государственной помощи на местах везде и всегда с полным беспристрастием будет проведено в действительность? Можно ли поручиться, что они с полным беспристрастием отнесутся одинаково к голодающему мужику и голодному пастырю?

Где же выход из создавшегося положения для голодающего духовенства? Найти его нужно, так как голод – стихийное явление: сегодня – там, в двадцати губерниях, голодают пастыри, на будущий год, быть может, мы и тридцать ближайших губерний потеряем голодную нужду. Кто же об нас должен позаботиться, как не само духовенство? Ведь разрешается же нам иметь разные комитеты, попечительства, общества вспомоществования, почему же не иметь еще «общества помощи голодающему духовенству?» Конечно, чтобы это общество было сильным и продуктивным по деятельности, необходимо объединение под сенью его всего наличного православного духовенства России. Возможность осуществления такой идеи нам представляется в следующем виде: каждый член общества, вполне свободно, по личному желанию, отчисляет известный процент

с доходного рубля в пользу общества. Эти отчисления, для облегчения взноса, делаются ежемесячно и, утвержденные на благотворительных съездах для каждого лица отдельно, вносятся благотворительным для представления в Святейший Синод, где особый комитет ведает дела этого общества. По мере надобности, по представлениям епархиальных архиереев, Синод отпускает средства на голодающие епархии. Раздача пособий делается по усмотрению местных властей и по предварительным докладом на их имя о степени нужды того или иного клирика со стороны благотворительных собраний.

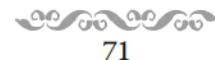
В изложенном проекте об оказании помощи голодающему духовенству, самым больным местом его мы считаем возможность возражения со стороны духовных собраний, что «основание его покоится все на той же пресловутой системе самообложения». «Самообложение, самообложение и самообложение... без конца! Когда же конец?» Да, это возражение имеет свою силу, – оно справедливо; но что же делать, когда безвыходность положения заставляет нас «из двух зол выбирать меньшее»? Ведь, подает же духовенство святую милостыню нищему, неужели новая милостыня голодающему брату, выраженная четвертью, половиной, 1 или 2 процентами с приобретенного рубля, будет особенно заметной и обременительной? Не думаем. Конечно, внести сразу за год или полгода отчисленное, для многих, например, псаломщиков покажется делом нелегким, но едва ли оно будет заметным, если каждый из нас поставит себе за правило: получив рубль, тотчас же, не отлагая времени, бросить в особо отведенное место одну или две копейки на голодающих?

Вот что может получиться из той копейки, которую духовенство нашей епархии отдаст с доходного рубля в каску голодающих.

Среднюю доходность каждого прихода мы возьмем минимальную – в 500 рублей на причт, процент отчислений – в 0,02 рубля, а число приходов – в одну тысячу. По истечении первого года составит капитал в 10,000 руб., по окончании второго – 20,000-|-380 руб. %; через три года – 31,153 р. 80 к., конец 4-го – 42,337 руб. 59 коп., по окончании пятого – 53,945 руб. 20 коп. Таким образом через пять лет, если не будет голода в нашей губернии (последний голод был в 1906–907 г.), мы получим для епархии капитал почти в 54 тыс. Следуя тому же расчету, производим выкладку далее. Принимая (произвольно) количество приходов всей России в 30,000 и полагая, что каждая тысяча приходов в пять лет даст 54 тысячи сбережений, выводим, что, через пять лет, при благоприятных условиях, православное духовенство на обеспечение себе куска хлеба в голодные годы будет иметь капитал в 1,620,000 рублей, дающий процент 61,560 руб. в год. Этого мало. Капитал, конечно, будет гораздо более, так как принятая за среднее доходность каждого причта в 500 рублей – значительно выше на самом деле. Две трети приходов уже получают казенное пособие до 400 рублей на двухчленный причт...

Не на сто же рублей жили эти причты до назначения пособия?! Предлагая настоящую заметку вниманию духовенства, мы, конечно, не претендуем на то, что это есть единственное решение затронутого в ней вопроса и что это решение точно, достаточно полно и обстоятельно разработано. Нет. В наши задачи входило лишь затронуть этот вопрос для привлечения к нему внимания более солидных

работников из духовенства. Пожелаем же, чтобы трудами их, под архипастырским руководством и с благословения Святейшего Синода, это христианское дело помощи ближнему из области мечтаний перешло в сферу живой действительности.

1912

Номер 1

ПОУЧЕНИЕ НА НОВЫЙ ГОД

Опять новый год... Опять, при наступлении его, новые пожелания счастья, благополучия, радостей жизни... «С новым годом, с новым счастьем!»

Да где же, наконец, оно – это счастье человеческое?? Люди так ищут его, так усердно желают достижения его и себе, и другим каждый новый год, что пора бы, кажется, ему – недостигаемому, неуловимому, спуститься на грешную землю!!... Но счастья все нет и нет на земле. Нет его и у отдельных лиц, нет у целого класса людей, нет у целых стран, государств и народов... Не было в минувшем году, не будет и в наступившем. Что же все это значит? Есть ли вообще полное счастье земное, как нечто осязаемое, живое, осязаемое, – не в мечтах ли только оно, не в воображении ли человека?!

Нет, счастье есть на земле, оно существует. Есть, и даже не одно, а два, так сказать, вида счастья. Одно – счастье

внутреннее, а другое – внешнее, наружное. Одно – источник совершенного, полного счастья, а другое – лишь призрачное, непостоянное, обманчивое, коварное счастье. И вот, смотря по тому, на достижение какого из этих видов счастья, внешнего или внутреннего, направлены усилия человека, зависит для человека то или иное решение вопроса о счастье вообще.

Поврежденный грехом род человеческий настолько извратил в себе «духовного человека», что для него стало желанным лишь «внешнее счастье», – благополучие тела, а не духа. И, естественно, что такое счастье никогда не могло удовлетворить человека, созданного не из тела только, но и души. Это счастье прежде всего «обманчиво», призрачно и, как таковое, вызывает в человеке горькое чувство разочарования. Человек видит, что достиг совсем не того, к чему стремился, чего хотел достигнуть и на достижение чего тратил свои лучшие силы. В глубине души его остается тяжелое чувство сожаления о напрасно потраченных силах. Далее, то, что называют люди земным счастьем, часто оказывается непрочным, чем-то хрупким, что вызывает в человеке нередко чувство раздражения и даже озлобления, так как та желанная цель, которая издали мелькала ему, как возможное и единственное для него счастье, вдруг, при самом достижении её или исчезает почти из рук человека, или оказывается не тем, чем казалась, и оставляет в его душе горький осадок неудовлетворенности. Не может «внешнее счастье» удовлетворить человека еще потому, что на нем лежит печать греховности. Чтобы построить свое благополучие, человек должен сломать и сокрушить счастье многих жизней. Пусть он достиг своего, воссел на колесницу благополучия, но ведь путь его

проложен по трупам сбитых и раздавленных ею людей; может ли покойно человек закрыть свои уши так, чтобы не слышать воплей и стонов этих людей, закрыть очи, чтобы не видеть мук и страданий их? Наконец, всякое «внешнее счастье» таково, что достигнутое одним, вызывает чувство зависти в сотнях и тысячах других, а зависть вызывает в них желание разрушить это счастье. Болезненное опасение потерять счастье, боязнь за непрочность его, само собою разумеется, не может служить источником сладости.

Таково «внешнее счастье» по своему существу, свойствам и последствиям для человека. В нем, как мы видели, есть немалая доля яда, который отравляет это счастье, делает его горьким, превращает в страдание.

«Внутреннее» же счастье по существу своему совершенно иное. Источник такого счастья, такого благополучия жизни человек ищет и находит в Боге. Духовный взор его постоянно обращен к Богу, к созерцанию свойств Божиих, к прославлению дел Божиих. Цель его жизни и главное стремление в том, чтобы быть ближе к Богу, приобщаться Его свойствам и пользоваться Его благодатью. Стремясь к Нему всеми силами ума своего, всеми свойствами души, всем существом своим, человек обретает в этом для себя источник того счастья, того блаженства, которое мы называем полным счастьем, неземным блаженством. В Боге – все совершенство, а потому приобщение Ему, Его свойствам, дает человеку и счастье совершенное.

Другой источник «внутреннего» счастья человек находит в себе самом, в глубине своего существа, в своей душе. Когда люди ищут своего счастья вне себя, т. е. или в других людях, или в чемнибудь окружающем, то не мудрено, что они не находят его. Они слишком далеко

отправляются в своих поисках за счастьем, так как оно у них под руками, только нужно уметь взять его. Никто и ничто не может нас сделать счастливыми, если мы не умеем быть счастливыми. Равно никто и ничто не может отнять счастье от человека, если он имеет его и хранит «в себе самом». Люди счастливы этим именно внутренним счастьем. Они «довольны» и самими собою и тем, что получили от Бога, большего и лучшего не хотят. Превосходство совершенств других перед ними не служит поводом к зависти, к неудовольствию на них. Низшие высшим не завидуют, находя свое счастье полным, а высшие не злоупотребляют своим положением и не вызывают в низших чувства оскорбленного достоинства и желания разрушить их счастье.

Наконец, есть и еще один источник, который делает людей носителями внутреннего счастья. Это – их деятельность, направленная не на устройство своего личного благополучия, а на устройство благополучия общественного. Служение на благо ближнего, доходящее у таких людей до самоотвержения, есть для них источник самых светлых радостей, самого истинного счастья.

Итак, два счастья даны в удел человеку: одно внешнее, изменчивое, обманчивое, не удовлетворяющее человека, а другое – полное, самодовлеющее, совершенное... Это счастье – в Боге, в душе, в самоотверженном служении ближнему... Его и пожелаем себе и друг другу в наступившем году. Аминь.

**СВЯТЕЙШИЙ ГЕРМОГЕН,
ПАТРИАРХ ВСЕРОССИЙСКИЙ
И «СМУТНОЕ ВРЕМЯ» НА РУСИ**

Триста лет тому назад, когда над нашей многострадальной Родиной нависла черная туча «безвременья-лихолетья», когда пресекся Рюриков род, и не было законного царя на Руси, а враги внутренние и внешние терзали Русь по частям, воздвиг Господь на защиту поруганной России «адаманта крепкого, твердого стоятеля и нового исповедника» в лице святителя Гермогена.

17 февраля 1912 года исполняется трехсотлетие со дня его страдальческой кончины.

Когда и где родился Гермоген, сведений об этом не сохранилось. Известно только, что с начала, с 1589 года он был митрополитом Казанским, а 3-го июля 1606 года собором русских святителей возведен был в сан патриарха на место низложенного патриарха Игнатия, приверженца первого Самозванца. На патриарший престол был призван, как один из благочестивейших по жизни и образованнейших по уму архипастырей того времени. По свидетельству летописца, «он был муж хитрословесен и сладкоречив, от божественных его словес присно народ упояшеся и всякия книги Ветхого Завета и новыя благодати и уставы церковные и правила законныя до конца извыче». Строгий к себе самому и снисходительный к личным немощам ближнего, в делах общественных, касающихся блага церковного и государственного, Гермоген являл собою пример неизменной верности и непоколебимой твердости

добровольно взятым на себя обетам своего высокого звания. Эту неизменность и верность долгу, присяге он довел до самопожертвования и запечатлел потом кровью мученичества. Служение патриарха Гермогена бедствующему отечеству относится к эпохе «Смутного времени».

Не успела Москва отдохнуть от кровавых ужасов последних дней, когда жертвою заговора Шуйского пал первый Самозванец, как началась новая смута. Царский престол занял Василий Шуйский, выбранный на царство одними только московскими боярами, его сторонниками, но без ведома всей русской земли. Ни народ в общей массе, ни духовенство, ни многие из бояр не могли сочувственно отнестись к избранию Шуйского. Одним из бояр была не по душе самая поспешность воцарения Шуйского, других смущало его клятвенное обещание в Успенском соборе при воцарении, что никаких важных дел без согласия бояр он решать не будет, что угрожало твердости и прочности и без того уже ослабевшей тогда царской власти, а главное, у всех не было доверия к личности Шуйского.

В нем не видели правдивости и искренности, хорошо помня, как были сбивчивы его показания относительно смерти царевича Димитрия и изменчивы отношения его к Годуновым и Лжедмитрию, коему он целовал крест.

При Феодоре Иоанновиче он, в угоду Борису, ложно свидетельствовал, что царевич скончался своей смертью, наколовшись на нож, а при появлении первого самозванца: сначала, в царствование Бориса, – подтверждал – своё свидетельство о смерти, называя Лжедмитрия самозванцем, а потом, при Феодоре Борисовиче, когда такое свидетельство особенно было важно и нужно, он не только его не подтвердил, но, как говорят, объявил противное, что

будто царевич спасся от смерти. При таком положении дел, да еще при крайней расшатанности умов того времени, достаточно было малейшего повода, чтобы снова началась смута. И она началась.

Некто Михаил Молчанов, сторонник 1-го Самозванца и гнусный убийца Феодора Борисовича, бежавший в Польшу, успел настроить легковверные умы, что Самозванец, признанный за истинного царевича Димитрия, не убит, а спасся. Украина снова взбунтовалась. Крестьяне возмутились против помещиков, отнимали у своих господ вотчины, делали насилия и жестокости, а помещики, чтобы избежать насилий, переходили на сторону и под защиту Самозванца, агентом коего выдавал себя князь Григорий Петрович Шаховский, сосланный Шуйским на воеводство в Путивль за приверженность к Самозванцу. Шаховскому верили, так как, в доказательство своих особых полномочий, данных ему от Лжедмитрия, он показывал государственную печать. Она у него была, и ее он, пользуясь общим смятением во дворце в день гибели Димитрия, похитил и унес с собою, а теперь решил использовать для своих мятежных замыслов. Восстание, поднятое Шаховским, разрослось до громадных размеров, когда во главе его встал Болотников, бывший до-селе в плену у татар и теперь возвращавшийся через Польшу домой. Легковверная чернь охотно шла на мятежный призыв Болотникова, который в своих подметных грамотах обещал им от имени Самозванца волю, богатства и почести. Скоро такие грамоты появились и в Москве. В них мятежники упрекали москвитян в неблагодарности к Лжедмитрию, будто бы спасшемуся от их ударов, и грозили возвращением его для наказания столицы, определенно называя даже день такого возвращения.

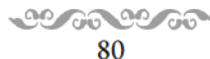
Наступили тяжелые дни для злополучного царствования Шуйского. Слабый телом и больной духом, окруженный со всех сторон крамолой, изменой, общим недоверием, напрасно он старался принять те или иные меры, направленные к подавлению смуты. Не помогло ему, как мера нравственного и религиозного воздействия, предпринятое им перенесение мощей царевича Димитрия из Углича в Москву, посылка в мятежную Украину для вразумления словом истины и милосердия, закона и совести Крутицкого митрополита Пафнутия. Не помогли и воеводы царские, посланные им с войсками против Болотникова. Болотников разбил их около Кром и двинулся вперед, захватив города Тулу и Рязань со всею её областью. В октябре 1606 года Болотников был уже в 70 верстах от Москвы, в селе Троицком. В это-то бурное время, когда все отвернулись от Шуйского, и выступил на поддержку его, как боговенчанного царя, патриарх Гермоген. Через подчиненных ему митрополитов и архиереев он разослал грамоты к народу, извещая в них о гибели Лжедмитрия и о перенесении в Москву св. мощей царевича, а духовенство в тех же грамотах увещевал молиться за царя, за умиротворение государства и поучать пасомых, – чтобы они не слушались воров, злодеев и разбойников, восставших против венчанного государя. Благодаря деятельности патриарха и некоторых святителей, на северо-западе и северо-востоке России дела приняли довольно благоприятный оборот. Так Тверскому архиепископу Феокисту, мужу сильному духом и словом, удалось укрепить в верности царю некоторые города Тверской области и заставить их послать свои отряды к Москве на помощь Шуйскому. Примеру

тверитян последовали и жители Смоленска: они вместе с доргобужцами и вяземцами отправились также к Москве. А Казанский митрополит Ефрем, под влиянием грамоты патриарха, наложил на изменников царю, жителей г. Свяжска, запрещение и приказал местному духовенству не принимать от них в церкви приношений. Эта мера достигла своей цели: виновные смирились, били челом государю и патриарху о прощении.

Наступил 1607 год. Смута, поднятая бунтом Шаховского и Болотникова, не прекращалась, а все более и более усиливалась. На выручку Болотникова, осажденного царскими войсками в Калуге, из Северной Украины прибыл Шаховский с новыми толпами изменников. Они заняли Тулу, Рязань, взбунтовали Мордву, Арзамас и осадили Нижний Новгород. Измена захватила даже Астрахань, Вятку и Пермь. И снова доблестный патриарх Гермоген, видя уныние царя, старался ободрить и поддержать его. Общими усилиями патриарха, царя и всего освященного собора выработана была новая мера религиозно-нравственного воздействия на народ такая, которая бы умирала колеблющуюся совесть народа, поднимала бы его дух и помогла бы ему начать новую жизнь. Эта мера – всенародное покаяние. Патриарх от имени царя пригласил в Москву старца Иова, прежнего патриарха, проживавшего тогда в Старице. Была составлена покаянная грамота от лица всего народа русского, где испрашивалось прощение в изменах и клятвopеступлениях, совершенных народом после кончины последнего из Рюриковичей.

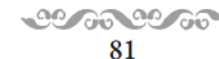
20 февраля 1607 года в Успенском соборе совершился этот обряд, и оба патриарха на покаянную грамоту народа,

прочитанную диаконом, ответили своей разрешительной грамотой, которую также прочитали вслух всего народа. Эта мера на некоторое время подняла положение Шуйского в глазах народа, и осенью 10 октября 1607 года Болотников был разбит царскими войсками и, взятый в плен, был казнен.

Едва утихло волнение, поднятое бунтом Шаховского и Болотникова, как обнаружилось новое восстание. Впечатление «всенародного покаяния» в это ужасное время как-то скоро сгладилось, унесенное вихрем событий. В Стародубе Северском появился второй самозванец. Личность второго самозванца не установлена историей. Под его знамена скоро собрались северские мятежники. Из Литвы прибыл знаменитый наездник Лисовский, бежавший от смертной казни, которая угрожала ему в отечестве, потом явился атаман Заруцкий с днепровскими и донскими казаками. Главным начальником над соединенными отрядами был выбран князь Рожинский. В первой же битве, весной 1608 года при Волхове царское войско, руководимое неискусным полководцем Димитрием Шуйским, братом царя, было разбито. Самозванец быстро приближался к Москве чрез города: Козельск, Калугу, Можайск, Звенигород, нигде не встречая препятствий.

1-го июня 1608 года, снова разбив царское войско, Самозванец расположился станом в селе Тушине, в 12 верстах от Москвы. По этому стану он получил в истории название «Тушинского вора» или «Тушинского царика». В Тушине под знаменами Самозванца собралось, исключая русских изменников, до 48000 воинов. Шуйский, не надеясь на свои силы, спешил окончить начатые в Москве

переговоры с послами польского короля Сигизмунда. Переговоры закончились 25 июля 1608 г. мирным договором, коим поляки обязывались отложиться от «царика» и оставить Тушино. Но гетман Рожинский не послушался короля и остался в Тушине, а потом туда стали прибывать новые польские отряды со своими предводителями Бобровским и Зборовским, а осенью, вопреки королевскому запрещению, прибыл с войсками и знаменитый Ян Сапега, много впоследствии причинивший вреда нашей Родине. Марина Мнишек тоже появилась в стане Самозванца и 5 сентября состоялось тайное венчание ее с «цариком».

Видя явное нарушение поляками договора, царь Василий вынужден был искать себе новых союзников против Самозванца. Такого союзника он нашел в лице шведского короля Карла IX-го. Он приходился дядей Сигизмунду, но Сигизмунд считал Карла своим непримиримым врагом за то, что он занял незаконно шведский престол, по наследству принадлежавший Сигизмунду. Пока шли переговоры с Карлом, тушинцы завладели почти всеми нашими северными городами и привели государство в полное расстройство. Многочисленные отряды тушинцев, поляков, литовцев и казаков, предоставив Самозванцу держать столицу в осаде, рассыпались по окрестностям Москвы и, разглашая всюду ложную весть, что мнимый Димитрий жив, приводили села и города к повиновению Самозванцу. Прежде всего они захватили наши города: Суздаль, Владимир, Переславль, потом двинулись к Ростову. Некоторые города, увлекаемые примером других, без всякого сопротивления целовали крест на верность Самозванцу. В октябре 1608 года от Шуйского отпало

уже 22 города, в числе их был наш уездный город Шуя. В эту годину народных бедствий только одна Свято Троицкая лавра преподобного Сергия не поддавалась измене, не уступила силе вражеской. В течение 16 месяцев она мужественно и непоколебимо выдержала знаменитую осаду за веру православную и честь народную.

Номер 3

СВЯТЕЙШИЙ ГЕРМОГЕН, ПАТРИАРХ ВСЕРОССИЙСКИЙ И «СМУТНОЕ ВРЕМЯ» НА РУСИ Окончание

В то время, как доблестные защитники лавры являли собою пример беззаветной храбрости и неизменной стойкости, в Москве, осажденной мятежниками, творились дела постыдные: здесь, по выражению летописца, «царем играли, как детищем». Многие бесстыдные бояре мало того, что изменили Шуйскому, – с наглой развязностью торговали этой своей изменой. Они по нескольку раз переходили из Москвы в Тушино и обратно, чтобы получать двойное жалование. В числе «перелетов», как звали таких перебежчиков, были такие бояре, как – князья: Трубецкой, Черкасский, Бутурлин, Гагарин и другие. Одно только духовенство в это тяжелое время было непричастно к таким позорным делам. Во главе всех и выше всех, по твердости своих убеждений и непреклонности своего характера, стоял святитель Гермоген. Своим нравственным влиянием он царил над всем Московским государством.

Непоколебимый поборник веры, Гермоген снова стал рассылать грамоты по всем городам Руси. В них святитель убеждал, чтобы русские оставались верными царю и велик. князю Василию Ив. Шуйскому, что изменить ему и признать царем «Тушинского вора» – значит изменить вере православной, отдать ее на поругание Литве и латинам, которые, воцарив Лжедмитрия, не преминут разрушить православные церкви и что все те, кто изменят царю Василию, будут прокляты, как клятвопреступники, в сем веке и будущем. Возвещенная патриархом анафема изменникам царя возымела свое действие: многие из них принесли повинную и вновь были приняты в общение патриархом.

Между тем московское безвременье достигло своего апогея. Некоторые недоброжелатели Шуйского требовали низложения его. Первая попытка свергнуть Василия была сделана 17 февраля 1609 года князем Гагариным, Грязным и другими. Но никто из бояр, кроме указанных, не осмелился взяться открыто за такое дело. Тогда заговорщики кинулись к патриарху в Успенский собор и требовали, чтобы он шел на Лобное место. Гермоген не хотел идти, и его повлекли силой, подталкивая сзади, обсыпая песком и сором, держа за грудь. Когда поставили его на Лобное место, заговорщики стали громко кричать народу, что Шуйский избран незаконно, – только своими сообщниками, без согласия всей земли, что из-за этого недостойного человека теперь льется христианская кровь. Они ждали, что патриарх поддержит их пред толпой народа, но Гермоген вместо поддержки заговорщиков, публично пред народом стал увещевать мятежников, говоря, что за измену крестному целованию Бог накажет Россию. Заговорщики, потерпев неудачу, убежали в Тушино.

Вслед за ними патриарх послал туда увещательную грамоту. «Обращаюсь к вам, писал он тушинцам, бывшим православным христианам всякого чина, возраста и сана... а ныне не знаю, как и назвать вас, ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от церкви, отступили от Богом венчанного и святым елеем помазанного царя; преступили крестное целование и клятву свою стоять до смерти за дом Пресвятыя Богородицы и Московское государство, и пристали к ложному вашему царю... Болит душа моя, болезнует сердце мое, все составы мои содрогаются; я плачу, с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братия и чада, свои души и своих родителей, отшедших и живых... Посмотрите, как отечество наше расхищается и разоряется чужими, как предаются поруганию святая церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. На кого вы подымаете оружие? Не на Бога ли? не на своих ли братьев? Заклинаю вас именем Господа, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть до конца; а мы, по данной нам власти, примем вас обращающихся и кающихся и будем молить о вас Бога и упросим государя простить вас. Мы с радостью и любовью примем вас и не будем порицать вас за бывшую измену, ибо един Бог без греха»... (Главнейш. событ. Русской Истор. Попова, т. IV – Смутн. время).

Смуты в столице на некоторое время замолкли. Все ждали похода Михаила Скопина. Скопин разбил Сапегу и отогнал его от Троице-Сергиевского монастыря. Но недолго продолжалось успокоение. Надежда Москвы и всей Руси, Михаил Скопин, неожиданно умирает после того, как на пиру у князя Воротынского у него открылось кровотечение. В народе распространился слух, что Скопина

отравили, что жена царского брата Димитрия Шуйского (дочь Малюты Скуратова) поднесла своему племяннику отравленную чашу. Таинственная кончина Скопина была страшным ударом для Шуйского. Скопин своими заслугами государству успел примирить народ с нелюбимым царем. Теперь вина в смерти Скопина косвенным образом падала на Василия. Бояре сделали новую попытку низвергнуть Шуйского, и попытка их увенчалась успехом. Шуйский был сведен с престола и насильственно пострижен в монашество. Болезненно отозвалось на душе патриарха это обстоятельство. Правдивый Гермоген громко возопил против такого насилия и не признал действительным пострижение Шуйского.

По низложению Шуйского правление перешло к боярской Думе впредь до избрания царя. В этот промежуток времени патриарх Гермоген является вполне главою русского государства. Взоры всех благомыслящих людей теперь были обращены на добродетельного и сильного характером патриарха. В нем они искали опоры и утешения в бедственном положении отечества. Его красноречивые, исполненные пламенной любви к отечеству грамоты пересылались из одного места в другое.

К этому времени положение «Тушинского царика» резко изменилось. Польский король Сигизмунд отпал от него и решил действовать самостоятельно, питая честолюбивые виды самому попасть на знаменитый Московский престол. Он отозвал из Тушина Рожинского к себе под Смоленск, который осаждал. Патриарх и благонамеренные из бояр видели, что при таких обстоятельствах боярской Думе было не под силу бороться и с Сигизмундом, и тушинцами, а потому решили приступить возможно

скорее к избранию царя. На совещании, собранном по этому поводу, голоса разделились. Русские изменники Салтыков и Ондронов и много других, сторонников поляков, стояли за королевича Владислава, сына Сигизмунда, другие – новгородская партия, за шведского королевича и только немногие, во главе с патриархом, требовали, чтобы новый царь был из природных, православных русских бояр, указывая в числе таковых на князя Василия Голицына и четырнадцатилетнего Михаила Романова. Выборы не состоялись. Но медлить было нельзя. Гетман Жолкевский в это время стоял с поляками у Можайска и настойчиво требовал избрания Владислава, а с другой стороны, в селе Коломенском стоял Лжедимитрий. Патриарх уступил: он согласился признать королевича царем, но потребовал, чтобы тот, до вступления на престол, принял православие.

Снаряжено было к Сигизмунду почетное посольство, во главе которого поставлен был Ростовский митрополит Филарет и князь Василий Голицын. Сигизмунд обещал прислать королевича на Московский престол, но, надеясь сам овладеть им и окатоличить Россию, со дня на день откладывал исполнение своего обещания. Все это прекрасно сознавал патриарх. Он видел, какие последствия могут быть для православия и церкви с воцарением Сигизмунда, ярого поборника католичества. Снова патриарх стал рассылать грамоты, где писал, что если королевич не примет православия, он нам не царь.

Увещательные грамоты его сделали многое. Наступило отрезвление, и города стали действовать между собою дружнее. Мало-помалу составилось из городов одно братство во Христе. Во главе его встал святитель Гермоген,

непоколебимый «адамант и новый исповедник», как называли его города в своих грамотах.

Пока шли переговоры с Сигизмундом относительно Владислава, королевские советники делали свое дело в Москве. Это были клятвопреступники и изменники – Салтыков и Ондронов. Они упростили бояр послать Сигизмунду грамоту с двусмысленным содержанием, из которой бы видно было, что бояре просят королевича как можно скорее прибыть в Москву, а с другой стороны дают самому Сигизмунду понять, что и королю они не прочь целовать крест. Митрополит Филарет не взялся передать такую грамоту королю, мотивируя свой отказ тем, что на ней нет подписи патриарха. Патриарх отказался подписать такую грамоту. «Только тогда стану писать к королю грамоты, сказал патриарх боярам, если король даст сына на Московское государство, если королевич примет православную веру христианскую, и литовские люди выйдут из Москвы. А положиться на королевскую волю (подписать двусмысленную грамоту), известное дело, все равно, что поцеловать нам крест самому королю... Я таких грамот писать вам не благословляю и проклиная того, кто будет их писать»... (Попова 4 том, 173 стр.).

Даже нож Салтыкова, коим он замахнулся на патриарха, не вырвал у него подписи. Впоследствии, когда русское ополчение двинулось к Москве для очищения её от поляков, Салтыков и товарищи его снова несколько раз приходили к Гермогену и просили, чтобы он велел ратным людям отойти от Москвы и написал бы им об этом грамоту. «Напишу, сказал патриарх: если ты, изменник, вместе с литовскими людьми выйдешь вон из Москвы;

если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру; вижу ей поругание, вижу разорение св. церковей, слышу в Кремле пение латинское – и не могу терпеть» (там же, стр. 176). Видя могущественное влияние грамот патриарха, изменники Родины решили сломить эту силу и заключили Гермогена под стражу, а двор его разграбили.

Но призывной голос неустрашимого борца за веру и народность русскую и из темницы доходил до народа. Когда к Москве двинулось Нижегородское ополчение князя Дмитрия Михайловича Пожарского, и Салтыков снова прислал просить патриарха отписать нижегородцам, чтобы они не двигались к Москве, Гермоген ответил ему: «Да будут благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаяннии, московские изменники, будете прокляты!»

Это было последнее обличение изменникам Родины, после которого, в 17 день февраля месяца 1612 года, великий святитель русской земли предал свою праведную душу в руке Божии, уморенный голодом. Тело святит. Гермогена сначала было погребено в Чудовом монастыре, а потом, в царствование Алексея Михайловича, было перенесено в Успенский московский собор.

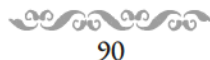
**НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ
ПРИ ПОГРЕБЕНИИ СВЯЩЕННИКА СЕЛА ВЕШЕК,
МЕЛЕНКОВСКОГО УЕЗДА,
О. ВАЛЕРИАНА ИВАНОВИЧА КЕДРИНА**

Итак, жизнь отжита!... Еще мгновение и гробовая доска навеки скроет от нас бранные останки тела человека... Свечерял преждевременно день жизни, кончена борьба, нет больше страданий!!..

Жизнь, жизнь!!!.. Это – бурное, шумящее, страшное, беспощадное море... А человек?!.. Это – жалкий пловец на утлой ладье. Как бури на море, так в жизни страсти шумят, как дым, как на море туман, – в жизни мечты разлетаются, а злоба и зависть людская порой бывают страшнее подводных камней... И счастье тому, кто в жизни духовно не сгиб, не пропал, кто «течение скончал и веру соблюл», – чей челн на море житейском волна не разбила!!... Теперь он у пристани тихой, где «сердце покойно, бедам всем конец»...

Если так, то зачем теперь слезы, зачем вопли и рыдания. Не нужны бы они, но сдержать их нельзя, – они так естественны, так свойственны слабой природе человека...

Дорогой товарищ и «содружебник», о. Валериан! Ты уходишь от нас... Да не посетует твой дух на наши слабые и, быть может, неуместные речи при гробе твоём... Я знаю и верю, что не речи, не слова сожаления, сочувствия нужны теперь твоей душе, идущей на небо к Отцу Своему: мы не язычники, «неимущие упования» жизни вечной, – а нужны – молитвы мира и любви за тебя, чтобы Милосердый

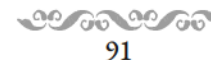
Господь, в твоём загробном странствовании к Престолу Его, помог бы твоей душе избежать власти и обдержания воздушных истязателей, – «миродержателей тьмы и духов злобы поднебесной»... Они будут теперь стеречь твою душу на пути её загробного странствования... Боже духов и всякой плоти!... Не по заслугам нашим пред Тобою, не по делам, а по упованию на безграничную милость Твою к нам – грешным людям, просим и молим: прими в Твое Царство, в Твоих вечных обителях всели душу преставлявшегося раба Твоего – иерея Валериана, упокой его «в недрах Авраама, Исаака и Иакова, к праведным сопричти и нас всех, как благий и человеколюбивый, помилуй!»... Аминь.

Интересно, что эта статья, причем в дореволюционной орфографии, перепечатана на сайте Миссионерского центра имени преподобномученика Афанасия, игумена Брестского (Белорусская православная церковь)

**СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПЯТОК
(Пред Плащаницей)**

Итак, Спаситель наш мертв, бездыханен, во гробе перед нами...

Грешный род человеческий! Ведь за тебя, за твои грехи, за твою жизнь и блаженство на небе был распят, страдал и умер на Кресте Единородный Сын Божий, – помнят ли ты эту заслугу Его, ценишь ли, сознаешь ли

всю великость и важность ее хотя бы в эту торжественную минуту твоего стояния у Гроба Спасителя?

О, Милосердый Боже! Бесконечной благодати Твоей угодно было воззвать к бытию человека. Безгрешным и бессмертным Ты создал его, царским достоинством почтил перед прочей тварью: вдохнул в брненное тело его Божественный Дух Свой, не в пример другим тварям, даровал ему свободную волю, – право свободного выбора между злом и добром. «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Второзак. 30, 15). Но разумное Божие создание – человек – эту свободу выбора использовал в худшую сторону: не захотел пойти по пути «жизни и добра», а добровольно ушел от Тебя на путь «греха и смерти» – во власть диавола. «Возжелавши быть Богом, погубил и то, чтобы быть образом Божиим» (Блаж. Феодорит).

И вот Твоему Правосудию нужно было, чтобы души ветхозаветных людей, и праведных, и грешных, после смерти человека, были «держимы во аде». Но Милосердие Творца не допускало оставить «дело рук Своих погибать до конца». Изгоняя падшего «из рая сладости в мир сей», Ты, Милосердый, обещал, когда придет время, послать в мир Искупителя. Время это, наконец, наступило. Истрадавшийся, истомившийся во власти и от власти греха, ветхозаветный человек за это время достаточно понял и оценил мертвящую власть и силу греха, – понял, как далеко зашел он на том пути, на который сам добровольно ушел от Тебя... Ты послал Искупителя в мир... Искупитель пришел, «разрушил дела диавола» (I Иоанна, 3, 8), отнял власть у него над людьми и примирил человека с Богом.

И вот за это за все зависть и злоба людская заключила во гроб своего Избавителя! Вот что сделал для тебя,

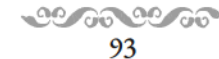

неблагодарный род человеческий, Тот, Кто лежит перед тобою во гробе! Мало того: по бесконечной любви Своей к тебе, Он тебе, – освобожденному, искупленному Кровию Его, указал еще «новый путь», – путь жизни, путь к утраченному блаженству, Сам прошел этим путем: «потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (I Петр. 2, 21), Сам принял на Себя «немошное человеческого естества... с человеки поживе», дабы Своим примером, на Себе Самом, показать, конечно, сравнительную возможность и достижимость этого пути для природы человека.

Тяжел и тернист этот путь! Этот путь – путь любви к Богу и к ближнему. «Люби Бога», т. е. – верь безусловно в Него, надейся на Него и во всех случаях жизни своей сообразуйся с велениями Его закона: «люби еще своего ближнего, как себя самого любишь».

Это значит, – каждый раз, когда обстоятельства жизни сталкивают тебя с твоим ближним, старайся в нем видеть прежде всего «брата по Христу» и удержишься относиться к нему так, как не желаешь, чтобы к тебе отнеслись другие. Иначе, – не делай другим того, чего себе не желаешь. И вот, если бы каждый человек всегда и везде не забывал руководиться этой истиной, жизнь современного человечества была бы благом, – шла бы «по Христову пути» и, уже здесь на земле, было бы не далече, а близ к нам Царство Христово.

Но любим ли мы Бога, по Его ли стопам стараемся направить свою жизнь, верим ли безусловно и неизменно в Него, на Его ли Всемогущую силу надеемся? О, Премилосердый Боже! Доколе ты терпишь грехам нашим, доколе не обличишь и не сотворишь с нами по беззакониям

нашим!! Ты рукою Своею создал человека, а он, – неблагодарный, своими руками снова готов распять, пригвоздить Тебя ко Кресту; Ты «язвен был» за наши грехи, чтобы «Твоими ранами мы исцелили», а мы снова готовы растравлять эти пречистые раны Твои своими скверными руками, исполненными грабежа, неправды, лихоимства над ближними!..

Ты Своей любовью безграничной объял весь мир, плакал его слезами, радовался его радостями, а он – грешный, страждущий, обремененный, жалкий мир, не идет к Тебе за утешением, а снова восстает «на Господа и на Христа Его», снова готов торжествовать у Креста, упиваясь невиданным зрелищем «любви Христовой», гвоздями ко Кресту пригвожденной!..

Нет, не по Христову пути идет наша жизнь!... Не верим мы в Него, нет у нас, слабых и немощных, и твердой надежды на Него! Гордый ухищрениями своего поврежденного ума, современный человек отвергся от Бога жива, ум его дерзнул даже затмить собою «разум Божественный», создав себе «Бога иного» – «бога тела, а не духа», начертав себе новый путь жизни, иную цель и смысл жизни! На него он надеется – на свой гордый ум, а «Бога Премудрости», давшего ему «и жизнь, и дыхание и вся» он даже возненавидел! Ему – Владыке вселенной, стучащему в двери нашего сердца, «мудрый века сего» не хочет дать даже малого места в душе своей, старается изгладить и у себя, и в сердце других самое даже напоминание о Нем и Его Всесильной Благодати. «Изошриша язык свой, яко змиин, яд аспидов на устах их» (139 пс.)... «Словесы ненавистными обыдоша мя» (108 пс.). Человек на началах разума хочет пересоздать свою жизнь, дать ей

новое счастье, свободу, – употребляет все усилия своего ума разрешить задачу о смысле жизни и не хочет, от гордости и ослепления ума своего, признать существования простого и ясного решения этого вопроса! Вот оно: «познайте истину и истина свободит вы (Иоанна 8, 32)... Аз есмь истина... (Иоанна 14, 6)... Идеже Дух Господень, ту свобода» (2 Кор. 3, 14).

Нет, не любим мы Бога! А если не любим Его, то нет в нас и любви к ближнему. Правда «мудрыми века сего», в их стремлениях пересоздать жизнь, внешнее благополучие современного человечества ставится на первом плане, но эта забота о ближнем не может быть истинной любовью к нему, так как исходной точкой имеет «бога иного», – бога «не духа», а «тела», в котором нет и не может быть того, что составляет живую, вечную любовь Христову.

Свойства этой христианской любви указаны нам св. Апостолом Павлом в его I послании к Коринфянам (гл. 13). «Любы долготерпит, милосердствует, не завидит»... Она терпелива, великодушна, снисходительна до милосердия к немощам других, в ней нет чувства ненависти, отмщения даже обидчикам. Гнусного чувства зависти к превосходству, достаткам других перед нами тоже в ней нет. Она радуется даже совершенствам других, полагая, что Бог, для целей Одному Ему известных, наградил человека ими, а потому зависть не мучает ее. У такой любви – довольство своим жребием.

Христова любовь, далее: «не превозносится, не гордится, не бесчинствует». Чуждая всяких самолюбивых стремлений, эта любовь – смиренна; она, уважая совершенства других, себя считает еще недостигшей совершенства, а потому не может гордиться внутренне и превозноситься

внешне, – «не бесчинствует», т. е. не нарушает внутреннего мира ближнего.

«Не ищет своего»: благо ближнего, – чужие, а не свои интересы у ней на первом плане. У отдельных лиц эта самоотверженная любовь к ближнему простирается даже до пожертвования за благо другого своим вечным спасением. «Я желал бы быть отлученным от Христа за братьев моих» – свидетельствует о себе Апостол Павел (Римл. 9, 3).

Любовь «не раздражается, не мыслит зла»... Долготерпеливая, смиренная, не самолюбивая, она не приходит в раздражение от нападок людей недоброжелательных, даже враждебно настроенных к ней. Дело отмщения, отплаты обидчикам она всецело предоставляет Богу, а сама не допускает даже мысли о мщении, даже молится за врагов своих Богу! Она «не радуется о неправде... всему верит». В ней, по ее свойству, нет неправды, нет и хитрости, лукавства, – она доверчива. Не верит даже в возможность того, чтобы человек одно мыслил и говорил, а другое делал. В ней, наконец, есть терпение все переносить: вся терпит и ничто не может поколебать ее мужества и стойкости...

«Терпение же дело совершенно имать» (Иак. 1, 4). Вот великий образец, – идеал христиански-братской любви к ближнему, начертанный нам Апостолом Павлом! Конечно, как и всякий идеал, в совершенной степени, в полном объеме, он не может быть воплощен всем человечеством, но и в малой доле эта Христова любовь присуща ли нам? Нет, не любим мы Бога, не любим и ближнего! Не ценим, следовательно, и великой, искупительной заслуги Спасителя!...

Господи Боже наш, возлюбивый нас до конца и за любовь эту умерый за нас на Кресте, даруй нам, по милости

Твоей, твердое стояние и совершение в вере и любви Твоей! Зажги в нашей остывшей душе снова искру веры и любви к Тебе, да плодопринесит она, оплодотворяемая любовью Твоей! А тех, кто ушел от Тебя, волею, или неволею, ведением или неведением, разумом или неразумием, примири и соедини Святей Своей Соборной и Апостольской Церкви, и всех нас помяни во Царствии Твоем! Аминь.

1913

Номер 5

ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ МЯСОПУСТНУЮ

*Ибо придет Сын Человеческий
во славе Отца Своего с Ангелами
Своими и тогда воздаст каждому
по делам его.*

(Мф. 16, 27)

Грозную и вместе величественную картину представляет собою начертанное в св. Евангелии изображение Страшного Суда Господня при кончине мира!

«Когда придет Сын человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним, – тогда сядет на престоле славы Своей... И соберутся пред Ним все народы»... (Мф. 25, 31–32). И скажет Он людям: «Алкал Я»... алкал телом

и душою, а вы, сытые, довольные, не накормили Меня!.. Холодным блуждал я около теплых и светлых жилищ ваших, но вы не согрели, не напитали тело мое!.. Алкал Я и душою, просил света и «хлеба жизни» у вас для нее, но вы не хотели послушать Меня и не хлеб Мне, не «свет и тепло» а «камень и лед», равнодушно бросали, жестокие люди!..

«Жаждал Я» телом и душою томился: остуды, охлаждения для нее Я просил, а упоенные славой, вечно холодные люди не поняли пламенной жажды Моей! «Елея» в горящий огонь подложили, чтобы больший пламень развить, «капли воды» пожалели!..

«Наг Я был»... телом, «душой обнажен», а люди, бесстыдные люди, еще больше «раздели Меня – и подобие Бога!»... Нагим, на позор, для «похоти очес», услаждения поставили тело Мое и совлекши «стыд – одеяние души», убили, осквернили, запятнали «душу святую» во Мне!..

«Странником был Я» ... скитальцем, чужим пришельцем между вами, но вы, бессердечные, равнодушные люди, «мимо чужанина прошли!» Ни приюта, ни пристанища не оказали ему: ни тела не согрели, ни душе больной, жизнью разбитой, не дали покоя!..

«Болен Я был и в темнице»... Болен телом, болен душой, в темнице – телом, «во узах греха – душой», а вы, здоровые, свободные люди, «не сошли до Меня», не посетили, не уврачевали ни тела, ни болящей, скорбной души Моей!..

«Отыдите от Мене... во огонь вечный!»... Страшен суд Твой, Господи, грозны и непреложны глаголы Твои!.. И «еще беззакония назриши, Господи, кто постоит», кто оправдится пред Тобой?!

И скажет Судия и Творец тогда людям: «Я дал вам и жизнь и дыхание и вся, создал тело ваше, вложил в него

душу святую Свою... Я дал коемуждо противу силы его таланты души: овому два, овому три»... «Приидите и стяжимся»...

Пастырь церкви Христовой! Ты первый должен будешь дать отчет в управлении твоём... Тебе Он, Судия и благ Раздаятель, доверил самый крупный, самый ценный талант. Тебе поручил Он душу ближнего, тебе заповедал принять, взрастить, воспитать и не погубить ничего от нее!.. Исполнил ли ты этот свой долг перед Ним и как ты исполнил его? Возросла ли она, или умалилась, при твоём водительстве, и достигала ли она, хотя мало, посильно, исполнения меры возраста Христова? По силам ли, или непосильно, ты взял на себя этот свой долг? Мог ли ты быть и был ли ты надёжным всегдашним пестуном ее? А когда ослабевал в непосильной борьбе, где искал и искал ли ты восполнения «оскудевающего» и недостающего в душе твоей?.. Любил ли ты душу малого ближнего, отдавал ли свою и полагал ли ее за други своя?.. А, быть может, в угоду сильнейшим тебя, для славы и почестей жизни, для блага тела, для одежды, для украшения его, для пищи, жилища не раз покривил ты душою, продал чужим то, что должно быть твоим, святым и непокупным в тебе?!.. «Стани и оправдися!»..

«Царие земстии и князи людстии!» И вас призовет Судия к оправданию... Он ведь Тот, Кем царие царствуют и сильные пишут правду. Он поставляет цари и преставляет. Вам поверил Он судьбы царств и народов, их жизнь, здравие, благополучие, существование. Сделали ли вы эту жизнь их «игом благим», Христом заповеданным?.. Или создали из нее «бремена тяжелые и неудобноносимые?»

«Старейшины и тысящники людстии!» От Бога и власти земной вы получили «власть исполнения».

Предначертанная и огражденная законом эта власть, по человеческому и греховному произволу вашему не шла ли иногда противу закона и любви, правды и милости Христовой? Дайте отчет Судии!

Богачи и стяжатели! И вас спросит Бог, откуда вы взяли богатство свое! Бог ли вам дал, или сами, отняв у других, захватили его? Пусть оно – Божий вам дар, но зачем иногда на злате багряном, в алмазном блеске его, светились и проступали порой кровавые капли, к Богу идущих, слез человека? Чим оправдидетесь?

Страждущие и обремененные, скорбящие, лишенные, озлобленные! Что вам принести в свой ответ, в оправдание Судии Правосудному? Принесите Ему терпение, кротость и молитвенный плач мытаря: «Боже, милостив буди нам грешным!» Аминь.

Номер 18

ПАМЯТИ ПОЧИВШЕГО СВЯЩЕННИКА СЕЛА ВОЙМИГИ, СУЗДАЛЬСКОГО УЕЗДА, О. ФЛЕГОНТА ИВ. ГИЛЯРЕВСКОГО

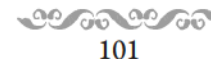
29 ноября 1912 года скончался священник села Воймиги, Сузд. у., о. Флегонт Иоаннович Гиляревский. Сын диакона села Левина, Вязниковского уезда, почивший родился в 1850 году. По окончании курса Владимирской духовной семинарии в 1871 году проходил сначала должность воспитателя при пансионе Владимирской земской гимназии, а потом был учителем приходского, в гор. Вязниках, училища. В 1873 году рукоположен во священника

в село Нармочь, Меленковского уезда, где прослужил до 1887 года, когда, по прошению, переведен в село Воймигу.

«Curriculum vitae» (краткое жизнеописание) почившего, как видно, не представляет собою ничего особенного, выдающегося. В нем нет: «ни славы доблестной, ни гордого величия», т. е. всего того, что выставляется на первый план при жизнеописаниях умерших и служит достаточным поводом к составлению таких жизнеописаний. Служебная карьера, внешний блеск ее совсем были чужды почившему... О. Флегонт как-то не любил их, не искал и не домогался, – несомненно потому, что он, как мы знали, был носителем другого, более ценного, чем слава людская, это – сознание великой нравственной ответственности пред Богом и совестью за раз взятое на себя то или иное служебное дело. Последнее, смеем полагать, дает нам право и повод посвятить эти несколько строк памяти почившего.

Каким же был о. Флегонт, как человек вообще, как пастырь словесного стада и как отец семейства? Как человек, почивший не чужд был, конечно, и некоторых недостатков, общечеловеческих слабостей, но эти случайные недочеты не столь значительны и существенны, чтобы закрыть собою, затемнить общий светлый нравственный облик умершего. Все, кто знали почившего, кто имел отношение к нему, и в раннем и позднем периоде его жизни, не могут не признать в нем наличности таких положительных черт характера, как: простота и сердечность в обращении, всегдашняя доступность для всех, прямота характера при пунктуальной честности, доброта и сострадание не на словах, а на деле к ближнему, страждущему, гонимому, угнетенному, полная нестяжательность, даже при тех тяжелых материальных условиях, при которых приходилось

ему провести годы воспитания и обучения своей довольно большой семьи, довольство своим положением, благодушное перенесение нужды, горя, напастей и пр...

Всего перечислять не будем, так как разновидность проявления этих лучших свойств и качеств его души можно свести к одному общему положению: о. Флегонт, как человек, в своих отношениях к людям всегда держался того высокого правила, что каждый человек, кто бы он ни был, прежде всего – человек и брат ему по Христу, и что его нужно и черным и белым любить, как самого себя любишь. С этой исходной точки зрения смотрел он на всех: и на мужика простого, и на барина богатого, и на товарища священника, и на низших служителей клира, и на сельского учителя. Все они находили у него уют, ласку, привет, сердечный отклик на свои наболевшие нужды и часто душевный покой. Да помянут они в своих молитвах любвеобильную душу умершего.

Пастырской службы почившего было около 37 лет, из коих лучшие годы молодости, около 15 лет, о. Флегонт провел в с. Нармоче, Меленк. уезда. Более двадцати лет прошло с той поры, как почивший оставил Нармоч, но добрая память о нем доселе жива и сохраняется среди нармочских прихожан. И мало того: она не только жива у современников его, но заботливо передается и подрастающему поколению.

Чем объясняется последнее обстоятельство, мы не знаем, но только всякий раз, когда обстоятельства жизни сталкивали нас с Нармочем и его насельниками, весьма часто приходилось слышать общее, – и старых, и молодых желание, что если бы о. Флегонт снова пожелал перейти к ним, они на свой бы счет перевезли его из далекого

Суздаля к себе. Для пастыря церкви, особенно в настоящее время, что же может быть большим и лучшим вознаграждением, высшей оценкой его пастырской деятельности в приходе? Несомненно, эта любовь была заслужена им и заслужена все теми же добрыми качествами, кои были присущи ему, как человеку вообще. Честность, правдивость, простодушие, предупредительность, исполнительность, нестяжательность, любовь к ближнему – меньшему брату, заставили полюбить его. О годах пастырского служения в Воймиге мы, за давностью выбытия оттуда, имеем лишь сведения, относящиеся к первому десятилетию его пребывания там. И здесь о. Флегонт на первых же порах зарекомендовал себя так, что без всяких внешних, побудительных причин, народ, сначала присматривавшийся к нему, потом полюбил его и выделил из ряда других. И любовь эта, можно полагать, не была только наружной, а видно было, что у пасомых существовала со своим пастырем и внутренняя связь. Такое отношение к себе он создал, конечно, лишь внутренними качествами своей души.

Как отец семейства, почивший вполне исполнил свой долг в отношении семьи. Всех он вырастил, воспитал, обучил и всем дал некоторое положение. Четверо старших детей, при крайне скудных средствах отца, получили законченное семинарское образование и теперь священствуют, а пятому почивший имел возможность дать и высшее духовное образование; из двух дочерей – обе в настоящее время состоят в замужестве: одна – за священником, а другая за окончившим курс семинарии, – кандидатом священства же. Такое, сравнительно благоприятное, устройство своей семьи почивший никогда не приписывал своим заслугам, а Богу – Промыслителю, «так о нем изволившему».

И действительно, что же, как не глубокая вера в Бога, упование на Промыслительную десницу Его, поддерживало, ободряло и укрепляло бедного сельского пастыря в те долгие двадцать лет жизни, кои ему пришлось отдать на воспитание и обучение своей семьи? За все двадцать лет – ни одного упрека судьбе, ни жалобы на тяжесть ее, ни укора семье! «Учитесь, дети, говорил бывало он нам, преуспевайте духом и достигайте посильно исполнения меры возраста Христова... Людьями будьте честными, добрыми, любящими ближнего, – остальное все приложится вам... На деньги не зарьтесь, – не в них полное счастье, а в Божьем благословении... Вот все, что есть, что добыл, что удалось признать, отдаю Вам, говорил он, вытряхая последние гроши на стол, при отправке нас в семинарию, а на нас с матерью не смотрите: эка беда, что без масла остались!»

Так он провел целых двадцать лет жизни, верил и надеялся на светлое будущее. «Упование не посрамило его»: последние годы жизни почивший провел при более лучших материальных условиях, с назначением в Воймигу казенного пособия.

Отдать последний долг умершему, 2 декабря, кроме детей, родных и знакомых, собрались почти все прихожане и многочисленные почитатели о. Флегонта из ближайших приходо́в. Погребение, несмотря на воскресный день, совершено было собором одиннадцати священников, под председательством старейшего и почтеннейшего из протоиереев благочиния – о. А. М. Альбицкого.

Мир праху твоему, добрый пастырь, человек и незабвенный отец.

**ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА СЧАСТЛИВЦЕВА**

Владимир Семенович Счастливец был сыном бедного и многосемейного псаломщика с. Невадьева, Муромского уезда. Рано лишившись отца и оставшись вместе с другими братьями и сестрами на попечении вдовы – матери, Владимир Семенович, по его словам, и в пору «счастливого детства» видел мало радостных дней: «горе, да нужда безысходная» были товарищами и спутниками его детских годов. Когда ему было семь лет от рождения, мать его – бедная дьячиха вдова вынуждена была приставить сына пасти овец и другой скот в своем стаде. Полтора года мальчик был пастухом и прямо, по его словам, «от стада бессловесных был взят в духовную школу, с малым обучением только от матери своей чтению по книгам церковной печати».

Наделенный прекрасными способностями, неутомимым прилежанием, «юный пастух» скоро привык к школьной жизни, даже полюбил ее, так как она казалась ему «все же лучше пастушеской»; преодолел все трудности школьного режима того времени и чрез 12 лет (в 1848 г.) окончил семинарию под № 6, с званием «студента» и аттестацией в графе о поведении рукою самого ректора Евфимия: «поведения примерного».

Звание студента и примерная аттестация в поведении дали возможность Владимиру Семеновичу поступить на духовно-училищную службу в следующем же году. 14 сентября 1849 г. он был назначен учителем Муромского дух. училища, а 15 октября 1852 года, кроме того, занял

безвозмездно должность помощника инспектора в том же училище. Учебно-воспитательная деятельность почившего в Муроме продолжалась 14 лет. Как человек, как учитель, как воспитатель, Владимир Семенович оставил здесь о себе самые добрые воспоминания. Так, признательные ученики Муромского училища, когда до них дошла весть о переходе любимого наставника в Суздаль, с горькими слезами пришли проститься с ним и на добрую память о нем на свои последние, скудные гроши соорудили и поднесли ему довольно ценную икону Спасителя в серебряной ризе. И епархиальная власть ценила заслуги молодого учителя не в пример другим.

В 1855 году, после ревизии Муромского училища, «за весьма успешное и полезное преподавание» русского языка, церковного устава и пения учителю Счастливицеву была выражена благодарность Правления семинарии. В 1856 году «за ревностное исполнение должности помощника инспектора училища» ему же в выражение благодарности было назначено ежегодное квартирное пособие 25 р. из средств Свят. Синода. В 1862 году, после новой ревизии в награду «за весьма прилежное и успешное преподавание» Владимир Семенович получил из синодских же средств единовременное вознаграждение в количестве половинного оклада жалования годового – 75 р.; а затем, в конце следующего года «в воздаяние за отличную усердную службу». Правление Московской дух. Академии постановило определить учителя Счастливицева на должность инспектора Суздальского дух. училища.

О годах своей службы в Муроме и о последовавшем затем перемещении в Суздаль почивший часто вспоминал в своих разговорах с нами – его питомцами. Нам памятен

один из таких его рассказов, как он, тогда уже почтенный педагог, с четырнадцатилетним опытом, путешествовал в Суздаль к месту нового назначения. Получив во Владимире бумаги о своем назначении, Владимир Семенович собрал свои пожитки в белую холщовую сумку, при помощи двух картофелин устроил привязку, надел новые липовые лапотки, взял палку в руки, а на конец ее повесил кожаные сапоги и «per pedes apostolorum» (пешком, подобно апостолам) отправился в Суздаль. Время было осеннее, грязное, сырое... расстояние для пешехода неблизкое!

Шел под дождем и слякотью, не торопясь, чтобы прибыть в Суздаль к вечеру. Прибыл, однако, раньше и в трех верстах от города, у «Кривой ветлы», должен был остановиться, выждать вечера. Отдохнув, обсушившись немного, почтенный педагог снял лапти и бережно спрятал их под мостом у ветлы, одел кожаные сапоги и в таком виде явился уже на инспекторство в Суздаль.

В Суздале Владимир Семенович продолжал преподавание тех же предметов училищного курса, какие преподавал и в Муромском училище: священной истории, русского языка, греческого языка. Успехи преподавания и здесь были отличными. Так в 1872 г. Правление Влад. семинарии за оказанные учениками Сузд. училища «несравненные успехи в греческом языке» на приемных испытаниях постановило выразить учителю благодарность. По преобразовании училища Владимир Семенович занимал лишь должность учителя греческого языка. В сентябре 1873 г. был перемещен на тот же предмет во Владимирское дух. училище, прослужив в Суздале 10 лет.

После шестилетнего затем пребывания во Владимирском училище, 29 июля 1879 г. Владимир Семенович

был назначен исправляющим обязанности помощника инспектора семинарии, в 1882 г. утверждён в этой должности. Ревизовавший в 1883 г. Владимирскую семинарию д. с. с. Зинченко так аттестовал педагогическую службу Владимира Семеновича: «несмотря на свои преклонные лета, помощник инспектора Владимир Счастливец бодр и энергичен. Никто из лиц инспекции чаще его не посещает ученических квартир и никто лучше его не знает условий быта квартирных воспитанников. К ним он относится с отеческой заботливостью и попечением».

5-го августа 1895 года, согласно прошению, Владимир Семенович уволен от службы при семинарии, прослужив в ней более 16 лет. Всей духовно-учебной и педагогической службы Владимира Семеновича было более сорока пяти лет. За такой, почти полувековой, период служения духовной школе сколько сменилось событий, сколько лиц – начальствующих, учащихся и учащихся прошло пред глазами ветерана – воспитателя! Но все они, несомненно, проходя мимо, касаясь так или иначе этой светлой личности, не могли не унести с собою в жизнь хотя бы частицу из того, чем была красна и богата душа почившего... А душа его, действительно, была сокровищницей добра!

Чтобы быть хорошим воспитателем, нужно не только быть хорошим, умелым (в смысле техники) проводником, раздателем тех или иных начал воспитания, нужно быть самому искренним воплощением и носителем их. Таким был Владимир Семенович.

Воспитывая детей духовной среды, в духовной школе, откуда выход на служение церкви, Богу, вере христианской, почивший сам был ярким носителем веры... И при том – не показной, деланной, формальной, мертвой,

а действительной, тайной, живой, сокровенной! Чтобы судить о глубокой вере почившего, преданности церкви и вере Христовой, достаточно отметить такой факт из жизни Владимира Семеновича. В 1884 году семинария справляла юбилей 35-летия служения Владимира Семеновича. Вечером, накануне юбилея, почивший обошел более десяти приходских настоятелей церквей г. Владимира и в церквях их заказал на утро заупокойные литургии по почившим своим начальникам, сослуживцам и товарищам. Та же глубокая вера проявилась затем и в самый день юбилейного чествования, когда, принимая св. икону Владимирскую Божией Матери от товарищей-сослуживцев, в порыве благоговения, прерываемым от слез голосом, почивший молитвенно воззвал к Божией Матери: «Царице Небесная, Мати Бога моего! Ты наделила меня милостями и щедротами в детстве, в юности и годах мужества моего; не оставь меня и в старости моей, внегда оскудевати крепости моей. Отныне до последнего моего издыхания сохраняй меня под Своим постоянным Божественным покровом!»

Имея такой источник, как вера Христова, исходя из него, одухотворяясь и питаясь им, воспитательные методы Владимира Семеновича были проникнуты тем же духом веры и неразрывной с ней нравственности христианской. Отсюда вытекали: смирение, кротость, простота и ласковость в обращении, свободный доступ к нему во всякое время, внимание в нужды воспитанников, прямота действий, честность, правдивость и пр. Все это, конечно, привязывало сердца воспитанников к своему воспитателю и порождало доверие к нему, при котором только и возможна плодотворная воспитательная работа...

А как отечески-нежно любил почивший своих «деток»! Для него они были все: счастье, смысл и цель жизни... Их неудачи, злоключения на поприще учения, происходящие от молодости, легкомыслия, увлечения, влияния товарищества и пр., до глубины души убивали «старика». А скольких из них спас, защитил и покрыл своей превосходной добротой «старец» в то время, когда, казалось, меч правосудия уже был занесен над головами их!!!... Вот несколько фактов в таком роде. Воспитанник X, при многих положительных качествах души, имел пристрастие к спиртным напиткам и к буйству в таком состоянии. Владимир Семенович прекрасно знал X. Благополучно окончив курс учения, X., перед самым отъездом на вокзал «на радостях выпил» и выпил, очевидно, сильно, так как начал буянить. Напрасно товарищи скрывали X. от бдительного ока начальства: он шумел, кричал, бил стекла, сначала в классной комнате, а потом с той же целью отправился в корпус, где проживали инспектор и его помощники... Товарищи – за ним. И вот – картина! В коридоре, почти у самых дверей инспекторской квартиры, видят X... плачущим и... в объятиях Владимира Семеновича!!!... «Яша, милый, голубчик... уезжай!... Погубишь себя... Сирота, ведь, ты... Вся жизнь впереди»... «Буян» успокоился и скоро уехал с товарищами на вокзал. И этим все кончилось.

Был, или не был в то время в своей квартире инспектор, – говорят, что был, но – в коридор не вышел и будто бы потому, что до глубины души был поражен поступком своего помощника-«дедушки».

Второй случай на той же почве произошел почти перед самым уходом Владимира Семеновича из семинарии.

Казеннокоштные¹ воспитанники одного из отделений выпускного класса, накануне праздника св. Иоанна Богослова (25 сент.), в виду предстоящих многих именин на следующий день, решили ознаменовать такой случай скромной «поздравкой». Пьющих в отделении было вообще немного, но всех занимал, кем-то предложенный, самый «церемониал поздравки» в подходу, гуськом друг за другом, как «на сходе». Дежурным был Владимир Семенович. Перед ужином, улучив момент, когда тот ушел в свою квартиру, поставили сторожа в коридоре и принялись за выполнение «церемониала». Не знаем, как случилось, но караульного в нужную минуту на посту не оказалось, – он очутился «в хвосте колонны», а вместо него в оконце двери смотрело озадаченное, растерянное лицо воспитателя!!!... Дело получалось совсем нешуточное! Всему отделению, по уставу семинарии, грозило строгое взыскание; но ни на другой день, ни на третий ничего не последовало, и все благополучно окончили курс. Тут были лучшие воспитанники класса и многие из них теперь занимают видные посты на служебном поприще. Да не преминут они помянуть в своих молитвах почившего!

В обыденной жизни Владимир Семенович отличался теми же свойствами и качествами истинного христианина. Образ жизни вел самый простой, суровый и почти аскетический; жизненные потребности ограничивал до минимума. Последнее иногда служило поводом заподозрить старика в скупости. Но это едва ли было так. Почивший не был ни скупцом, ни стяжателем, – у него была только

¹ Обучавшиеся и содержавшиеся полностью за счёт государственных средств, на «казённый кошт» (в отличие от своекоштных)

бережливость, несомненно воспринятая и унаследованная в детские годы нужды и лишений. Свои сбережения почивший отдавал другим. Много жертвовал и на нужды учебных заведений. По его инициативе при тех училищах, где служил, открыты ученической кассы, откуда нуждающиеся бедняки могли пользоваться беспроцентной ссудой. Семинарская ученическая касса была в полном его ведении: ей он заведовал, ее, можно сказать, создал, ее содержал и дополнял. А многочисленная, ближняя и дальняя, родня Владимира Семеновича имела в нем прямо таки отца-благодетеля! Сколько племянников, племянниц, дядюшек, тетушек двоюродных, троюродных и даже четвероюродных пользовались его благодеяниями!! Одних он вырастил, других выкормил, иных воспитал, обучил и к месту определил и всех до последнего времени не оставлял посильной помощью. Почившему в большей степени присуще было чувство родственности и он знал всю свою родню так, как никто другой. Одна из его «тетушек» (вероятно, по очень отдаленному колену), ныне умершая, много рассказывала нам про родственные отношения своего «названного племянника». «Придешь бывало на Царь Константин во Владимир, в лапоточках, конечно, с сумочкой и стараешься как-нибудь проскользнуть мимо корпуса, где жил Семеныч... Нет таки: увидит и увидит!..»

«Ах, тетушка! Ну, как дядюшка... Эраст Кузьмич?... Как?»... и пойдет перебирать всю нашу родню, – никого не забудет! Попутно сообщит о своих: «о братце Филиппе, что с золотой медалью, о братце Михаиле, бедных дьячках. Потужит об их нужде и что вот «Филиппу нужно трешенку деньженок послать на седелку... Чаем угостит, картошкой печеной, а иногда, по сезону глядя, репы пареной

предложит и... непременно рублик даст на дорогу, хотя у «тетушки» всякий почти раз «свои рубрики водились».

Последние дни своей жизни почивший провел в кругу семьи своего родственника – диакона с. Чулково. В загробную жизнь перешел, приготовленный постом, молитвою и богомыслием. Погребен в ограде при храме села Чулково, Муромского уезда.

Да будет память праведного с похвалами!...

1914

Номер 14/15

**СЛОВО В ДЕНЬ СВ. ПАСХИ
В СЕЙ ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ,
«ЕГО ЖЕ СОТВОРИ ГОСПОДЬ»,
РАДУЙТЕСЯ ВСЕ И ВЕСЕЛИТЕСЯ...**

А потому – да не рыдает убогий о нищете и убожестве своем, ибо Христос Сам был «и нищ и убог»; не плачет бескровный, раздетый, голодный, ибо и Христос обнажен был на древе крестном, и «алкал, и жаждал и не имел, где главы подклонити»... Не скорбит удрученный скорбями, болезнями, напастями жизни, – Христос наши болезни «на Себе понес и о нас болезновал». – Да не плачет «расслабленный духом и прокаженный совестью», так как Христос воскрес для оправдания всех и обещал исцелить «страсти душ и телес наших»... Веселится богатый, ибо

Христос, для спасения его исцелил «сребролюбивую душу Закхея-мытаря»; ликует бедняк, ибо Христос «лепту вдовицы» не отверг, звал «и бедных, и слепых и хромых» на пир вечери Своей и Сам обещал посетить бедную хижину их и «вечерять с ними»... Да не плачет блудница, ибо ее, приведенную фарисеями, Христос не осудил, но «милостивно рекл: иди и отселе ктому не согрешай»... Утешится скорбная мать о заблудших детях своих, – Христос «блудного воззвал и дочь Хананеи помиловал». Да не посетует в сей день друг на измену друзей своих, – и Христа, его друг и апостол, отвергся трижды «не ведети»...

В сей день радуется «нищий духом»: Христос обещал ему «Царство». Да не скорбит сегодня «плачущий» о грехе, о неправде людской; будет дано «утешение». Радуется «кроткий», смиренный в душе своей, – он получит «в наследие землю»... Утешится «жаждущий правды», ибо Христос обещает «насытить» его. Торжествует «милостивый», ибо он «помилован будет». Радуйтесь, «чистые сердцем», – вам обещано «богосвидение»; возликуйте «миротворцы»: Он нарек вас «сынами» Своими!... Воскресните духом, гонимые за правду, – вы «получите Царство»... «Возрадуйте и възграйте в сей день те, на кого будут лгать, кого будут гнать, чье имя пронесут, яко зло, Сына Человеческого ради... Мзда ваша многа на небесех»!

Итак, радуйтесь, людие, и веселитесь!... «Христос возста, – веселие вечное»... Гулко и торжественно раздаются эти слова теперь по всему крещеному миру, – радость у всех!...

Но есть, други-христиане, теперь на земле один уголок, где и в этот радостный день, быть может, льются слезы отчаяния! Послал Господь людям тяжкое испытание: целый край, целые области земли, с городами, селениями,

деревнями и всем, живущим в них, сделались жертвою разрушения, смерти, уничтожения... Велик гнев Божия Правосудия! Да послужит он вразумлением для всех и особенно для тех, кои отверглись Всемогущего Бога, отказались от Христа и Его закона и стали жить «по воле сердец своих»...

Братия-христиане! Чтобы радость Воскресения Христова была полной для нас и чтобы Господь не отверг и нас в годину испытания, – не отвергнем своей любовью несчастных братий наших, – протянем им руку посильной помощи в сей день любви, радости и веселия! Аминь.

Номер 26

Эта статья цитируется в научном труде игумена Виталия (И. Н. Уткин), ученого секретаря и старшего преподавателя Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии (г. Иваново). Труд отца игумена посвящен социально-политическим аспектам развития трезвеннического движения в России в 1914–1918 гг., его полное название: «Трезвенническое движение во Владимирской губернии в годы первой мировой войны (Социально-политический аспект)» Автор утверждает, что трезвенническое движение в целом носило «верхушечный» характер.

ОБИДА ДУХОВЕНСТВУ

В левой печати, с тенденциозным направлением, часто высказываются теперь положения, что приходское духовенство в общей массе своей не проявляет почти никакой инициативы в деле отрезвления народа. Такие обвинения, помимо их предвзятости и, следовательно, недостаточной

обоснованности, грешат еще в том отношении, что ослабляют энергию, убивая «дух жив» в тех работниках трезвости, кои борьбу с пьянством поставили задачей своей деятельности. А такие лица из духовенства есть, и их не так мало, как кажется тем, которые или вовсе не знают духовенства или стараются смотреть на него под известным углом зрения и под этим углом судят в печати о его деятельности.

Конечно, в большой духовной семье, как и во всякой среде, существуют «аномалии», но на пять – десять таких всегда найдется, пусть только два – три, столь светлых и отрадных факта, что они с избытком покроют указанные недочеты. Только эти люди никогда не кричат о себе и своих скромных делах, но дело делают тихо, скромно. Результаты их трудов, несомненно, окажутся потом, когда от пустых бумажных разглагольствований мы перейдем к подсчету не слов, а сделанного.

Живя в самой гуще народа крестьянского: «и великого, и жалкого, и убогого, и всесильного», пахнущего потом и навозом, мы больше, чем те печальники его, имели возможность следить, знать и ценить труды всех, кои не чернилами, а своей кровью «писали благо» на пьяной душе народной.. Преклоняясь пред скромностью этих трудников, мы не осмелимся, конечно, назвать их по именам, а дела их, принадлежащие теперь не им, а оценке общества, приведем и укажем. Это будет – и простой долг справедливости, и пример для подражания, и... пусть – «отповедь обидчикам!»

В одном убогом, глухом, совершенно отдаленном от культурных центров, приходе, лет восемь назад, поселился молодой батюшка, назовем его о. N. Он знал, куда и зачем

идет. Паства его состояла, как на грех, из самых отъявленных пьяниц в округе, и бесполезность борьбы «с вековым злом» казалась очевидной. Однако не пал духом юный работник. Одинокий, неопытный, мало знающий жизнь, окруженный недоверием, насмешками, без поддержки, без сочувствия, начал батюшка свое скромное дело... И как начал? Многие ли способны на такой самоотверженный труд?!.. Он начал дело отрезвления своей паствы с себя самого, со своего дома. Сам бросил «выпивание» и изгнал со своего стола все, в чем есть хоть капля или напоминание присутствия спирта... Изгнал раз и навсегда, решительно, бесповоротно и ни в каких случаях жизни, даже «экстраординарных», ни в чем не отступил от решенного.

Мужички-прихожане, соседнее духовенство и пр. сначала немало «посудачили» по адресу «чудаковатого» и не в меру, по их мнению, фанатичного борца за трезвость, а потом, поняв чистоту и бескорыстие побуждений, преклонились пред ним. А, так называемая, сельская интеллигенция... что же она?!.. Она клеймила батюшку и жадным, и алчным, и выскочкой пред начальством... Мужички – те с большим сочувствием отнеслись к работе батюшки, так как и материальная, и моральная польза от нее для них сказались в самое короткое время. Одни записывались в трезвенники, другие меньше стали брать водки к праздникам, а третьи, стыдясь и уважая батюшку, старались не на столько напиться, чтобы «совестно было встретить батюшку». Из домашнего употребления водку изгнали совсем, по примеру священника, местный заводчик, церковный староста и др. Окружное духовенство также стало работать в том же направлении. И трезвое дело, с гордостью можем сказать, здесь не стоит, а растет, ширится,

развивается.. И не слово укоризны, обидное, незаслуженное, по адресу этих скромных тружеников должна сказать печать, а — бодрящее и спасительное — «на помощь Бог!..»

В другом месте, коего также не назовем, батюшка, раньше «придерживавшийся рюмочки», предполагая найти в ней некоторое развлечение и скрашивание скучной деревенской жизни, и потом разочаровавшийся в этом, без всяких побудительных циркуляров и задолго до нынешнего времени, начал работу отрезвления в своем приходе так. Пользуясь наступившим Великим постом, он начал с церковной кафедры выяснять народу значение мудрого установления поста, как времени для работы над своей душой. В числе тяжелых недугов души он остановился на «страсти пьянства» и предложил желающим хоть на малое время поста отказаться от этой пагубной привычки. Личный пример пастыря в этом деле увлек и других. Явились желающие трезвиться и постом, и в день св. Пасхи, к коему готовится пост. Начатое таким путем дело пошло и дальше. Появились записи и молитвенные обещания на большие сроки — месяцы и годы. Формально открытого общества трезвости и здесь не имеется, но число лиц, прошедших трезвенный искуc, теперь дошло до пяти десятков.

Разве это не работа отрезвления?!.. Пусть — малая, ничтожная, посильная, но эти пятьдесят несчастных жертв алкоголя, увидевших снова проблески света в мрачном и темном тумане пьяного жития, все же говорят о том, что духовные лица, а ни кто другой, спасли их!

Или еще. Ведомы ли, например, нашим противникам такие «непосредственные», но красноречивые факты из жизни деревни? В весеннюю рабочую пору к одному из сельских батюшек приходят прямо из леса, с топорами

в руках, два дроворуба, заметно возбужденных и взволнованных. Да и нельзя было, как оказалось потом, им быть вполне хладнокровными. За завтраком в лесу, у свежизготовленной поленицы дров, они распили бутылочку, потом — повздорили, а повздоривши, ухватились сначала... за дрова березовые, а потом и топорыки пустили в ход... Да розняли добрые люди, не допустили до смертного греха. Протрезвившись, оба одумались, да, как были во всем снаряжении, отправились в соседнее село прямо к батюшке, который, как они слышали, «дуже пользует от водки».

— Присягу давай нам, отец, присягу! Самого святителя Миколу в поруки... а то дело выходит... хоть брось!

Святитель Николай особенно чтится «Парахинцами» (жители дер. Парахино, Рязанская губ.) Присяга дана и прибегнувшие к помощи Божией вполне трезво окончили работу. Это — факт только что минувших дней.

В другом случае, поздним летним вечером, к дому священника подъезжает телега, управляемая сидящей на передке женщиной. В телеге, на соломе, прикрытый рогожкой, «чтобы люди не видали», лежит ее муж, мужик Димитрий. Рыжий, лохматый, с налитыми кровью от водки глазами, он, едва вылез из телеги, как беспомощно, с раздражающим душу криком, или вернее — ревом, бросился на колени пред встретившим его священником. «Спаси меня!.. Спаси, родной! Опять к тебе»... Этот Димитрий, как мы узнали потом, был из далекой чужеприходной деревни, человек хороший, заботливый, работающий, но без обещания никак не могший удержаться от пьянства. Он несколько раз записывался у батюшки «в трезвость» и всегда выдерживал свой срок. Прогуляв на этот раз, по выполнении обета, целую неделю, он заболел и только об

одном, исстрадавшийся, больной, просил свою жену, чтобы она скорее везла его «к батюшке-кормильцу: он меня опять поднимет»... Здесь вера... и опять в «батюшку», – значит он сделал что-нибудь такое, чем заслужил эту веру...

Но, будет. Нашему перу не дано того, чтобы красочно изложить и передать все те ужасы, стоны, вопли и слезы раскаяния, какие слышит порой в убогом своем храме, у «Микола – Милостиваго», лишь пастырь духовный, принимающий блудных детей на трезвую жизнь. Пусть эти вопли замрут под тихими сводами храма, не выйдут из-под них и не дойдут до шумного, крикливого базара жизни... Пусть их не услышат наши «обидчики», но они все-таки есть, были и будут, – будут и люди, принимающие их, и не мутной газетной волне залить чистый и светлый поток их деятельности.

В центре – прапрапрадед Флегонт Иванович, справа – прапрапрабабушка Мария Андреевна, слева – младший сын Андрей. Сидят: старший сын Вячеслав, младшая дочь Варя и жена Вячеслава, Саша. Фотограф – Анна Виноградова (дочь протоиерея А. Виноградова). 1890-е.

Семинарист Ваня Гиляревский, начало 1890-х.

Фото выпускников народной школы. Отец Иоанн сидит слева. С обратной стороны фотографии подписана самим о. Иоанном.

Г. Инспектор, учащие и учащиеся в выпускных (4-х) отделениях народных школ: Гридинской, Поповичской, Бабичской и Старо-Опокинской Судогодского уезда, снятые г-жою Кудальцевой в погосте Покров-Башевых после экзамена 11 мая 1913 года.
Свящ. Гилляревский.

Подпись на обратной стороне фотографии:
Господин инспектор, учащие и учащиеся в выпускных (4-х) отделениях народных школ: Гридинской, Поповичской, Бабичской и Старо-Опокинской Судогодского уезда, снятые г-жою Кудальцевой в погосте Покров-Башевых после экзамена 11 мая 1913 года. Свящ. Гилляревский.

Иоанн Флегонтович и Мария Ерастовна Гилляревские, конец 1890-х.

Иоанн Флегонтович и Мария Ерастовна с детьми, 14-летней Ниной и 4-летним Васюткой, 1914 год.

В 1920 году Нина вышла замуж за Александра Соколова, который стал священником в 1921 году и начал свое служение на погосте Листвино. Соколовы прожили в Листвино до закрытия храма в 1937 году.

Это Василий Гиляревский, младший брат Нины. На общей фотографии Вася сидит во втором ряду слева. Василий погиб в начале Великой отечественной войны, ему было 32 года. Некоторое время Нина поддерживала связь с женой Василия, Анной. Потом они потерялись. На фотографиях Анна Гиляревская – красивая, элегантная дама, одетая по моде довоенных лет. У Василия и Анны был единственный сын Борис.

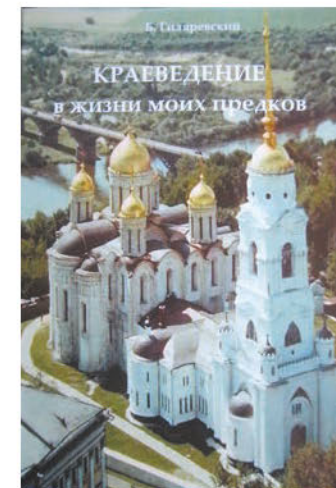

*Старший сын
Дмитрия Гильяревского,
Борис, стал известным
во Владимире краеведом
и историком.
Он сделал очень
много для сохранения
памяти братьев
Гильяревских и других
родственников.
На этом фото он
с женой Лидией
в год окончания
института, 1924 год.*

*Младший сын Дмитрия
Флегонтовича, Глеб, в юности
мечтал стать писателем.
Он оставил после себя пьесы,
рассказы, стихи, воспоминания
и подробные описания
детских игр. Его мечта не
осуществилась при жизни – Глеб
Дмитриевич погиб, сражаясь
в Сталинградской битве.
100 лет спустя его произведения
увидели свет.*

Ирина Павлова, внучка Дмитрия Гильяревского, дочь Марии Дмитриевны. Много лет она занималась историей своего рода, а в 2011 году выпустила книгу «Мои воспоминания». Именно с нее началось наше знакомство с другими ветвями древа Гильяревских.

Сын Бориса Дмитриевича, тоже Борис, продолжил дело своего знаменитого отца и издал несколько книг, в том числе «Древо», «Память о прошлом», «Старые письма» и другие. Также он регулярно выступает в библиотеках и на телевидении.

Открытка о. Иоанна дочери Нине,
отправленная в сентябре 1917 года.

Дмитрий
Флегонтович
и Надежда
Александровна
Гильяревские,
конец 1890-х.

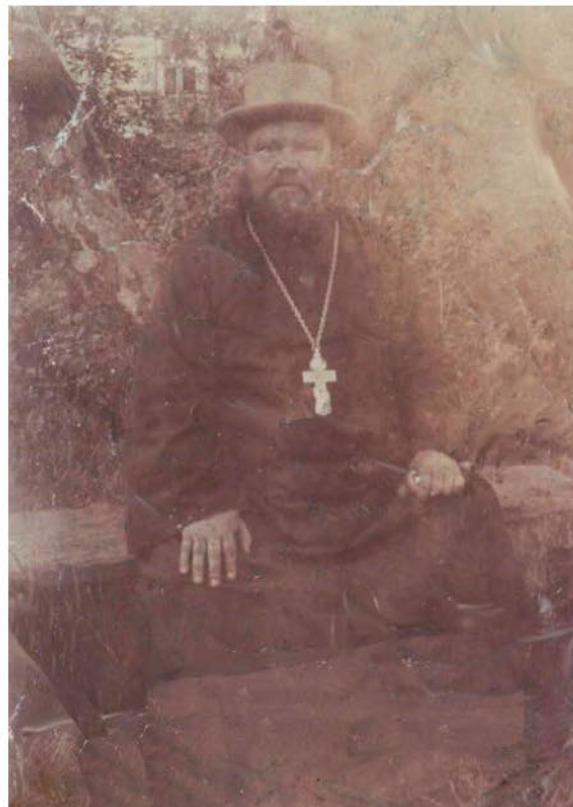
Эта же открытка с обратной стороны.

Родители Нади, протоиерей Александр Виноградов
с супругой Павлой.

Дмитрий и Надежда Гиляревские с детьми Маней и Борей.

Мы думаем, малодушествуем, заглядываем вперед – в неизвестное, ожидающее и пугающее нас будущее, а там, сверху, невидимо, зрит и надзирает над нами «Око Всевидящее, всеблагое, благоустроющее...» Оно, если мы сами не ушли из-под Него раньше, поведет Вас путем Своим, и, конечно, путем благим, так как «Око» то – это есть источник только блага. Верьте и мужайтесь! Всё будет хорошо.

ПИСЬМО ДОЧЕРИ НИНЕ

Письмо, скорее всего, от 1917 г., хотя год на штемпеле разобрать невозможно. Старшая дочь Нина училась тогда в женской гимназии во Владимире. Жила у Надежды Александровны Гиляревской, вдовы дяди Дмитрия Флегонтовича. Под «дурищей» отец Иоанн подразумевает нерадивую кухарку, которую он нанимал, чтобы та готовила обеды для 7-летнего Васютки. Но кухарка, очевидно, пренебрегала своими обязанностями.

**Владимирская губ., Борисоглебская улица,
дом Гиляревской, для Нины Гиляревской
Листвино, 18 сентября**

Дорогая Нина!

Поздравь от меня тётю со днём её Ангела и всех с имениницей. Пожелай ей здоровья, да и всем.

Начинаем жить без тебя... Как живём – скажем, что «ладно», но это не значит, что вполне хорошо. Во всяком случае, жду сестру Ольгу, и она 3-го октября будет у нас.

С Васей много заботы каждое утро, да и вообще. Надо его одеть, обуть, найти ему всё, накормить, попоить, вымыть (я его сам мою), завтрак ему в школу приготовить. А как всё, что и прочего? Кое-как приладились с ним. Теперь маслом твоим ему хлеб мажу, а потом... придётся за коровой ехать, и я сегодня иду в Ларинскую. Попросят 650 р. Ничего не поделаешь.

За кухней тоже следить приходится, а то эта дурища иной день, если не побываешь на кухне, ничего в печке не

В 2021 году вышла книга «Семейный альбом», в которой можно прочитать увлекательные истории из жизни Гиляревских, а также других родственников. В книге более 200 отреставрированных фотографий 1860-1990-х годов.

готовит, и Васютка должен сидеть на сухоядении. А он, глупый, мне не говорит. Ест грибы солёные и всякую дрянь.

Теперь забота с молотьюбой, с уборкой льна, жнатьём, заготовкой капусты. Картошку убрали 45 корзин. 33 на семена и часть поросюку.

P.S. Ну и чудачки же вы с Колей! Где вас носило? Котёнка он потерял. Вылез из коробки в пути. Оля приедет к вам 30-го.

ПИСЬМО ВДОВЕ БРАТА ДМИТРИЯ

Листвино, 11 окт. 1917 г.

Дорогая Надежда Александровна!

Я сам только что перенёс тот жребий судьбы (не удар, а жребий), какой выпал и на Вашу долю. Перенес – и могу сказать, по личному опыту, что потеря такого рода не столь уж тяжела и страшна, как ожидал и предполагал я.

Мы думаем, малодушествуем, заглядываем вперёд – в неизвестное, ожидающее и пугающее нас будущее, а там, сверху, невидимо, зрит и надзирает над нами «Око Всевидящее, Всеблагое, благоустрояющее...» Оно, если мы сами не ушли из-под Него раньше, а этого про Вас сказать нельзя, поведет Вас путем Своим, и, конечно, путем благим, так как «Око» то – это есть источник только блага. Верьте и мужайтесь!

Всё будет хорошо. За время болезни Дмитрия, а это время было очень продолжительным, Вам пришлось постепенно готовиться к грядущему удару – с такой

постепенной подготовкой удар воспринимается легче. Это я опять говорю по личному опыту. Дал бы только Бог Вам здоровья, а сил работать, бодрости и энергии в трудах Вам не занимать – стать! Этим Вы счастливее меня.

Теперь про *doma sua*².

Я очень рад Ольге. У меня теперь опять в доме завертелось семейное колесо, а то было похоже что-то на келью монаха. [Дети] всячески оживляют дом своим щебетанием, и, слушая их, я тоже молодею, оживляюсь, расту духом. Васютка ладит больше с Зиной, а с «Петрушеем» часто то из-за кошки, то из-за Кучума, разногласятся. Но, в общем, дело пошло у нас и, видать, пойдёт хорошо. Ольга-то, она ведь, в некотором роде министр домашних дел. Ребята, и Васютка в том числе, покоряются её авторитету безапелляционно. Ленка тоже с уважением относится к «матушке», видя в ней не «подругу-Нину», а настоящую хозяйку.

Ну, про это пока будет. Теперь – про Нину. Как выясняется, для неё неудобно столование в двух местах одновременно: не удобно ли будет ей ... столоваться?

Что есть, то и дано! Теперь ничего ведь не поделаешь. Кладите цену, какую знаете, соображаясь с обстоятельствами и временем.

Присланная мука и картофель, если не хотите их принять так от нас, пусть пойдёт за первый месяц, а со второго я буду платить, сколько там положите. Муки ещё прислать будет никак нельзя, так как всего хлеба у меня ныне лишь 8 мешков. Из них придётся уплатить взятые в долг 1,5 мешка, и останется муки недостаточно. Покупать муку

² Точнее «*pro domo sua*» – в защиту своего дома (*лат.*).

у нас почти нельзя, да и слишком дорого – теперь более 40 р. за пуд.

От земства, имеющего свои посты, продовольствие у нас ещё не выдают.

На Ольгу и ребят я хочу выправить карточку, хотя по ней даётся немного, да и перевозка из Судогды обходится, своей нет, покупная стоит 40 р. пуд, пшено 50 р., да и то приходится набирать фунтами.

Молока нет, также корову ещё не купили, масла и яиц тоже нет.

Что можно будет прислать с Ольгой, если она поедет, пришлю. Узнайте, пожалуйста, сколько Нина внесла денег в гимназию за обучение и за стол. Велите ей написать об этом. Всем привет. Ваши Гиляревские и Соколовы.

P.S. Ольга доехала благополучно. Её письмо ещё не получено, но на станции случайно оказался один Губцевский мужичок, и он и привёз нам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Номер 49/50, 1917

СВЯЩЕННИК ДИМИТРИЙ ФЛЕГОНТОВИЧ ГИЛЯРЕВСКИЙ

2-го октября после продолжительной и тяжелой болезни скончался на 44 году жизни священник Борисоглебской церкви г. Владимира Димитрий Флегонтович Гиляревский.

Покойный с юных лет страдал гнойным плевритом. Все годы службы прошли в борьбе с этой болезнью, которая постепенно истощала молодой организм. Несколько тяжелых операций под хлороформом на время задерживали развитие болезни, но в последние годы силы стали все более и более истощаться, и в конце сентября этого года, на почве постоянной его болезни, у о. Димитрия произошло кровоизлияние в мозг, которое и привело его к могиле.

Димитрий Флегонтович родился в 1874 году в семье священника с. Нармочь, Меленковского уезда, откуда впоследствии отец его перешел в село Воймигу Суздальского уезда.

Образование он получил в Суздальском духовном училище и Владимирской духовной семинарии, которую окончил в числе первых студентов в 1896 году. Было желание поступить для продолжения образования в духовную академию, но начавшая уже тогда развиваться болезнь помешала осуществлению этого желания. Свое служебное поприще Димитрий Флегонтович начал с должности народного учителя в родном селе Воймиге. Через некоторое

время он получил приглашение занять должность надзирателя во Владимирской духовной семинарии. Можно без преувеличения сказать, что молодой надзиратель одинаково пользовался любовью как сослуживцев, так и учеников.

В 1902 году Д. Ф. Гиляревский принял сан священника и назначен был к приходской церкви св. Бориса и Глеба в г. Владимире. Новый священник сразу успел завоевать симпатии прихожан как своим простым, чуждым всякой аффектации, вдумчивым и вразумительным служением, так и своими умными и задушевными проповедями и беседами при посещении прихода. Неоднократно случалось, что после произнесения проповеди в храме прихожане заходили на дом к о. Димитрию и просили дать им проповедь для прочтения. Высоко ценили его проповеди и Владимирские архипастыри. Так однажды преосв. Сергей, узнав, что по случаю похорон купеческой жены Муравкиной, на которые приглашен был весь архиерейский хор, он вынужден отменить архиерейское служение в своей крестовой церкви, просил регента архиерейского хора спросить родных Муравкиной, не могут ли они перенести ее похороны с воскресного дня на следующий, мотивируя регенту это свое желание тем, что «очень хорошую проповедь написал Борисоглебский священник».

Мечтой о. Димитрия было обновление приходской жизни, тесное объединение прихожан вокруг приходского храма, и вот вскоре же после своего поступления на приход он образует при Борисоглебском храме приходский совет, задачей которого служило попечение о храме и помощь нуждающимся членам прихода. Тяжелое время реакции, последовавшей за 1905 годом, а вместе с тем и состояние здоровья помешали ему шире развить

свои организаторские планы. Но кто имел случай встречаться и беседовать с о. Димитрием, тот не мог не наблюдать в нем ясного, здравого ума, широты мировоззрения и чуткой отзывчивости к текущим событиям церковной и государственной жизни. Больной, целые месяцы не имея возможности сойти с постели, он сохранял трезвость и живость мысли, интерес к современности, понимание жизни почти до самой смерти. Чувствовалось, что при других, более благоприятных условиях он далеко бы выдвинулся в своей общественной деятельности за грани простой, заурядной личности.

Одновременно с прохождением должности священника при Борисоглебской церкви о. Димитрий 8 лет (с 1906 по 1914 г.) состоял в должности делопроизводителя епархиального училищного совета, причем в 1907 году избран был и членом последнего. Здесь он зарекомендовал себя аккуратным и умелым ведением дел совета и оставил по себе светлую память во всех, с кем ему приходилось соприкасаться по делам своей канцелярии. Его высоко ценили и любили преосвященные председатели училищного совета, епископы Александр и Евгений, а также и покойный архипастырь Владимирский Николай.

Хорошую память оставил по себе о. Димитрий и в совете Владимирского епархиального женского училища, членом которого он состоял в течение 6 лет, а также в Александровском детском приюте, где он был законоучителем последние два года.

Кроме перечисленных, были и еще обязанности, которые приходилось нести о. Димитрию по выборам от духовенства и по распоряжению епархиального начальства. Так он состоял членом Владимирского епархиального

цензурного комитета по рассмотрению проповедей, членом строительного комитета по ремонту и устройству зданий Владимирского духовного училища и членом подготовительной комиссии по делам, подлежащим обсуждению епархиального съезда.

На всех должностях, в отношениях к начальствующим лицам, сослуживцам, подчиненным и прихожанам, о. Дмитрий проявлял редкую уравновешенность и чувство такта и справедливости. Это был человек, к которому вполне приложимы слова Христа о Нафанаиле: «се во истину израильтянин, в немже лъсти несть». Отстаивать свои убеждения без запальчивости, говорить правду без боязни за свое личное благополучие было его правилом. Проявление деспотизма, рисовка, тщеславие и раболепство перед высшими до глубины души возмущали его и находили в нем беспощадного критика. Ко всему этому надо прибавить, что свой тяжелый крест, – болезнь, постепенно изнурявшую его, часто причинявшую сильную боль и нередко приковывавшую его к постели, – о. Дмитрий нес с истинно христианским терпением. Никто никогда не слышал от него ни слова ропота или жалобы на свою судьбу. Даже вообще о своей болезни, о своих страданиях он говорил мало и неохотно.

Со времени падения старого самодержавного строя повеяло свежим воздухом обновления и в жизни церкви. Это радовало о. Дмитрия и поднимало его энергию в последние месяцы жизни. Хотелось служить, беседовать с прихожанами, бывать на собраниях духовенства. Но болезнь долгое время не давала возможности осуществиться этим желаниям. В конце последнего лета, после сделанного прокола для извлечения гноя, явились силы и поднялись

надежды. О. Дмитрий стал вставать с постели, служил, ходил на требы. Но... не долго. Труд оказался непосильным, и в десять дней догорела жизнь.

На погребение покойного собралось все Владимирское духовенство во главе с преосвященным епископом Евгением Юрьевским, и многие миряне, как прихожане, так и другие почитатели о. Дмитрия. Во время отпевания товарищем покойного по школьной скамье священником о. Василием Богословским произнесена была прощальная речь, в которой он обрисовал пред слушателями трудную, страдальческую жизнь почившего товарища.

Тело о. Дмитрия погребено в ограде Борисоглебского храма.

Мир праху твоему, добрый и верный пастырь!

Номер 28, 1913

**СВЯЩЕННИК
ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ СОКОЛОВ**

*Некролог подписан просто «Иерей», без имени и фамилии.
Помещаю его здесь, потому что покойный – зять Флегонта
Ивановича Гиляревского, муж его старшей дочери Ольги.*

1-го февраля сего года скончался на 41 году священник погоста Щукова, Суздальского уезда, Евгений Андреевич Соколов.

Покойный – сын умершего псаломщика с. Рождественна Владимирского уезда. По окончании духовной семинарии покойный состоял учителем церковно-приходской

школы пять с половиной лет. В 1900 г. поступил во священники в вышеозначенный погост. Несмотря на неудобства жизни в погосте Щукове, покойный не думал о переходе в другой приход. А неудобства жизни в этом погосте очень велики: дома причта находятся более, чем в полверсты от церкви и в трех четвертях версты от ближайшей деревни. В погосте живут: священник, псаломщик и, в последнее время, вдова псаломщика. Дома находятся около леса в местности сырой, болотистой. Зимой во время вьюги и после нее приходится идти по колена снегом, а так как покойный состоял законоучителем и заведующим церковно-приходской школы, которая находится около церкви, то приходилось делать два конца по такой дороге и первому прокладывать тропу.

Эти неудобства жизни и расстроили здоровье покойного. И покойный стал жаловаться на здоровье года три, четыре. А прошлый год сильно повлияла на него смерть брата, студента семинарии Николая Соколова и смерть тестя о. Флегонта Гиляревского. После смерти брата и тестя покойный стал чувствовать себя все хуже и хуже и 1-го февраля сего года тихо скончался. Погребен покойный в погосте Щукове. Литургию совершали пять священников и диакон. Отпевали благочинный, духовник округа, семь священников и два диакона. Вместо причастного стиха священником с. Мытищ Якиманским было сказано поучение. Пред отпеванием было сказано слово о. духовником, во время отпевания о. благочинным и в конце отпевания братом. Во всех речах был охарактеризован умерший, как пастырь добрый, пользующийся любовью народа. Братом покойный охарактеризован, как горячо любящий брат, заменивший братьям и сестрам сиротам отца. Воздать

последний долг умершему собрались все родные и все прихожане, у которых покойный пользовался любовью.

Мир праху твоему добрый пастырь! Как добр и милостив ты был ко всем, так надеемся милостив будет к тебе Господь. Все знавшие покойного помяните его в своих молитвах, да упокоит его Господь в недрах Авраама, Исаака и Иакова.

Иерей

Номер 43, 1912

Короткая заметка посвящена юному брату покойного священника

Е. А. Соколова, Коле, чья неожиданная смерть так сильно подорвала здоровье бедного сельского священника.

Автор некролога – старший брат.

СТУДЕНТ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ СОКОЛОВ

27-го сентября сего года скончался студент Владимирской духовной семинарии, выпуска 1910 года, Николай Андреевич Соколов. Покойный сын умершего псаломщика села Рождествена, Влад. уезда. По окончании семинарии состоял учителем земской школы, 9-го июля сего года покойный только что женился. Мечта его была быть священником, и им подано уже было прошение об определении его на священническое место. Но не суждено было этой мечте исполниться.

8 сентября покойный захворал инфлюэнцей. Во время инфлюэнцы он простудился еще более; 17 сентября слег в постель и уже более не вставал. 19 числа, вследствие

разрыва одного из кровеносных сосудов, у него открылось кровотечение горлом, продолжавшееся в течение трех суток. После остановки кровотечения покойный с каждым днем чувствовал улучшение здоровья и накануне смерти сказал близким и родным: «Теперь я чувствую себя хорошо, дышать мне легко и могу говорить о болезни, как уже о прошедшей; не хотелось мне очень помирать». Вечером даже написал несколько слов в письме брату. Но 27 числа утром за десять минут до смерти покойный почувствовал ухудшение здоровья и, повторяя несколько раз слова: «Господи, помираю», скончался. Во время болезни покойный исповедался и приобщался Св. Таин. Погребен в погосте Ново-Сергиевском, Покровского уезда, где он состоял учителем и где взял жену.

Литургию совершали три священника и диакон. Чин погребения совершали пять священников и два диакона. Во время отпевания братом покойного священником было сказано трогательное слово, посвященное отроческим годам и последним дням покойного.

Воздать последний долг умершему собралось очень много народа. Все знавшие и товарищи покойного, помолитесь о упокоении новопреставленного раба Божия Николая, да упокоит его Господь в недрах Авраама, Исаака и Иакова.

Брат

Некролог написал зять протоиерея Александра Виноградова, священник Дмитрий Гиляревский. Здесь упоминается «Тифлисское злодеяние», совершённое с Преосвященным Никоном (Софийским), которое сильно повлияло на самочувствие отца Александра.

Об этом можно прочитать в статье «Злое дело», которая появилась в номере 31 от 1914 года (далее в приложении). Согласно заведению, владыка Никон похоронен в кафедральном Успенском соборе Владимира. Его убийцы никогда не были найдены и наказаны.

**КАФЕДРАЛЬНЫЙ ПРОТОИЕРЕЙ
ВЛАДИМИРСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ВИНОГРАДОВ**

31 мая текущего года скончался, около 74 лет от роду, настоятель Владимирского Кафедрального Успенского собора протоиерей Александр Иоаннович Виноградов. Покойный уже несколько лет страдал расширением сердца и легких, но бодро продолжал нести бремя своих трудов и только в последний год своей жизни заметно ослабел и, лишенный сил, принужден был оставить свои любимые занятия и почти не выходить из комнаты. Упорная, застарелая болезнь не поддавалась усилиям врачей, доставляя больному по временам трудно переносимые мучения. Не повлияла благотворно на болезнь и весна, на которую о. Протоиерей возлагал большие надежды. Наоборот, в конце мая месяца больной еще более ослабел благодаря отекам оконечностей и легких. Подействовала, несомненно, на состояние здоровья больного и трагическая кончина Высокопреосвященного Никона.

В последние дни о. протоиерей часто заводил о том речь и заметно волновался.

31-го мая утром, около восьми часов, беседа с окружающими его, о. протоиерей снова завел речь о Тифлисском злодеянии: «Вот и Преосвященного Никона скоро положат в соборе, а за ним отправлюсь и я!» В это время, от волнения спазмы сжали его горло, и он скончался.

В 9 часов над телом почившего была отслужена панихида соборным священником о. В. Валединским, а в 11 часов всем соборным причтом. В час дня в дом покойного прибыл Высокопреосвященный Николай и в сослужении с соборным духовенством также совершил панихиду. Отслужены были панихиды над гробом почившего и от корпораций духовной семинарии, духовной консистории, мужского духовного училища, от братии архиерейского дома, от женского монастыря, от городского духовенства и пр. В 5 часов вечера 1-го июня, в Троицын день, состоялся вынос тела в Кафедральный собор при участии Преосвященного Александра, епископа Юрьевского и всего почти городского духовенства. Литургию и отпевание совершали оба Архипастыря в сослужении соборного причта, родственников покойного и всех городских протоиереев и священников. За отпеванием о. ключарем собора протоиереем П. П. Евгеновым, священниками В. Г. Валединским и В. П. Богословским были сказаны речи, которые будут напечатаны в след. № . Погребено тело в соборной ограде, против алтаря Андреевского придела, особенно любимого покойным.

Почивший о. протоиерей Александр Иоаннович родился в 1834 г. По окончании курса духовной семинарии со званием студента в 1854 г., был определен священником

к резервному егерскому полку 7-й пехотной дивизии, квартировавшему в Варшаве. В 1856 году, по расформировании резервов за окончанием Крымской войны, Преосвященным Владимирским Иустином назначен третьим священником при соборе в г. Покрове, Владимирской епархии; в 1870 году перемещен на должность младшего священника к Владимирскому Кафедральному собору; в 1876 г. назначен настоятелем собора в г. Киржаче и посвящен в сан протоиерея; в 1880 г. Архиепископом Владимирским Феогностом вновь переведен во Владимир на должность ключаря Кафедрального Успенского собора, каковую должность и проходил до 1894 года; 16-го сентября 1903 г. занял должность Кафедрального протоиерея при соборе.

За время своей свыше пятидесятилетней службы, покойный о. протоиерей, кроме исполнения своих пастырских обязанностей, проходил множество ответственных и почетных должностей, возлагаемых на него начальством: состоял законоучителем начальных школ, городских училищ, учительской семинарии, сначала во Владимире, потом в Киржаче, и женской гимназии; неоднократно был председателем съездов епархиального духовенства, состоял по выборам членом правлений духовноучебных заведений г. Владимира, членом Епархиального Училищного Совета, членом Совета Братства Св. Александра Невского, Епархиального цензурного Комитета, Палестинского и миссионерского Обществ, Владимирской Ученой Архивной комиссии, Московского Археологического Общества, дважды состоял на должности благочинного, около 23 лет нес обязанности члена консистории и проч. Начальство высоко ценило заслуги о. протоиерея; за свою

многолетнюю и многополезную службу он последовательно был награжден: набедренником, скуфьею, камиллавою, наперсным крестом и крестом из кабинета Его Величества, имел несколько медалей и ордена: св. Анны 3 и 2 ст. и св. Владимира 4 и 3 ст., а незадолго до смерти был представлен к редкой для белого духовенства награде – ордену св. Анны I ст.

В лице почившего сошел в могилу выдающийся пастырь и необыкновенный, но в то же время скромный труженик. Его в высокой степени истовое и проникновенное совершение церковных служб, особенно литургии, сильно действовало на молящихся и могло служить, как и на самом деле служило, примером для многих священников. Церковную проповедь он считал тем же богослужением и ни одной литургии, совершаемой им, не заканчивал без назидания молящихся, даже в том случае, если в храме было их не более 3–5 человек. Говорил он с большим чувством и одушевлением и часто вызывал обильные слезы у слушателей. Не имея официального прихода, о. протоиерей в то же время имел немало духовных детей, которые избирали его своим духовником и весьма дорожили его советами и наставлениями.

Один сухой перечень трудов, понесенных о. протоиереем за время свыше пятидесятилетней деятельности, может дать лишь слабое представление о нем, как о работнике. Покойный не только состоял или числился при исполнении какого-либо дела, но отдавался ему всей душой, не только не избегал работы, наоборот – сам искал, сам создавал себе работу. Труд был насущной потребностью его кипучей натуры. Он не знал, что такое праздность. Особенно много пришлось потрудиться о. Александру Иоанновичу в дни реставрации собора. Вся хозяйственная

и техническая стороны этого громадного, изумительного дела своею тяжестью лежала на почившем, который все время работ и жил при соборе, в особой келье. Кажется, для другого и это одно дело было бы не по силам, но о. протоиерей в то же время успевал работать в консистории по самому трудному столу, правил должность священника и ключаря собора, не отказывался от несения и других обязанностей, возлагаемых на него.

Несмотря на обилие дела, о. протоиерей находил время и для занятий литературным трудом. Кроме «Истории Кафедрального Успенского собора в г. Владимире», им составлено и издано до 10 брошюр историко-археологического и религиозно-нравственного содержания и напечатано немало разного рода статей и заметок в духовных журналах и газетах. Становится после всего сказанного прямо непостижимым, как о. протоиерей находил время для чтения, которое очень любил, написание писем, которых немало отсылал чуть не каждый день, на ведение дневника, где описывал всю свою жизнь, на выписки из газет и журналов разных полезных по его мнению заметок и другие подобные занятия.

Обладая большим практическим умом и опытностью в житейских делах, имея за собой несомненные и весьма ценные заслуги, почивший в то же время был очень скромным и невзыскателен. Достоинно и праведно поставленный на должность Кафедрального протоиерея, он все время чувствовал себя недостойным этого высокого места, которое перед ним занимали лица с высшим богословским образованием. Наравне с другими священниками собора правил очередную седмицу и очень тревожился, когда по болезни приходилось опустить одну-две литургии,

несмотря на то, что предшественники его не правили очередной службой. И когда говорили, что не мешало бы и ему отдохнуть, воспользоваться этой, установленной обычаем, привилегией, он неизменно отвечал, что не равняет себя с своими предшественниками. К своим сослуживцам и подначальным о. протоиерей относился в высшей степени гуманно, без высокомерия и начальнического тона. Если когда и делал выговоры, то, по большей части, в добродушно-шутливой форме. По своей, можно сказать, излишней скромности, о. протоиерей в своей «Истории Успенского собора во Владимире» всю честь восстановления этого исторического памятника древнего церковного зодчества на Руси приписал другим лицам, из них многим таким, которые несомненно гораздо менее его потрудились в этом деле. Жертвуя из своих не особенно больших достатков на дела благотворения, по скромности всегда скрывал свое имя или жертвовал от имени супруги. Так от ее имени были пожертвованы о. протоиереем приобретенные на деньги, вырученные от продажи «Истории собора», дом и большой участок земли в Стрелецкой слободе для церковно-приходской школы.

Много горя и страданий перенес на своем веку почивший: три раза смерть отнимала присных и близких его сердцу людей, не однажды неприятности и огорчения по службе постигали его, даже клевета не миновала его честного имени. Все это перенес он с изумительным терпением и покорностью Промыслу Божию, не возроптал, не пал духом, не смалодушествовал, наоборот, – окреп духовно, т. е. закалил себя.

Только характер его, в молодости живой и веселый, стал замкнутым и сосредоточенным. Со стороны о.

протоиерей мог казаться несколько суровым и черствым, но зато знающие его достаточно убедились, что за этой видимой оболочкой скрывается любвеобильное сердце, добрая душа.

«Многолетня и многотрудна» была твоя жизнь, дорогой о. Протоиерей: много прожито, но и много пережито тобой! Верим, что в смерти нашел ты покой, что там за дверями гроба уже нет для тебя ни труда, ни болезни, ни печали, ни вздыхания.

Священник Дмитрий Гиляревский

Номер 32, 1914

ЗЛОЕ ДЕЛО

А. Измаилов в «Истор. Вест.», описывая эпизод из жизни бывшего экзарха Грузии Никона, случившийся еще в бытность его инспектором петербургской семинарии, касается и трагического конца иерарха.

Гордо расцвела и печально закатилась жизнь этого талантливого человека и большого характера. После смены целого ряда кафедр, архиепископ Никон получил в 1906 г. назначение в экзарха Грузии.

В то время Грузия переживала острейший момент, какой когда-либо был. Только что пронесшаяся над Россией буря своеобразно отразилась на чувствах грузинской паствы.

Предшественник архиеп. Никона, экзарх Николай (Налимов), предпочел тоску пребывания на раннем покое явной смерти. В Синоде чувствовали, что Грузии нужна

железная рука. Назначили Никона. С большою мукою и, говорят, с печальными предчувствиями архиеп. Никон поехал на смерть.

Грозные предзнаменования встречали его на пути. Грузинское духовенство отказывалось встречать нового экзарха при въезде. Встречало только русское. Епископ Петр Горийский предупредил Никона о возможности катастрофы в церкви иверийской, советуя ему жить в мире с грузинами, и сказал ему, что в Тифлисе есть река Кура, куда бросали даже митрополитов.

Пахло кровью. За несколько времени до убийства экзарха в той же грузино-имеретинской конторе священник Колмарелидзе зверски зарезал члена конторы, архимандрита Николая, ведшего следствие по его делу.

Не пробыл архиеп. Никон на своем посту и двух лет, когда к нему пришла смерть. Вот рассказ об этом отвратительном злодействе, доселе еще безнаказанном и не уясненном до конца, как его передает биограф архиепископа и его близкий родственник г. Софийский.

«Экзарх был убит в тот момент, когда, будучи вызван для заседаний на летнюю сессию 1908 года в Синоде, собирался ехать в Петербург.

Он уложил уже все вещи для дороги. Он думал было сначала выехать из Тифлиса 25-го мая, но потом отложил свой отъезд до 2 июня – дня Сошествия Святого Духа. 2 июня и действительно оказалось последним днем пребывания его в Тифлисе.

В злополучный день, 28 мая, высокопреосвященный Никон назначил в синодальной конторе последнее пред своим отъездом заседание.

В одиннадцатом часу утра владыка в сопровождении лишь своего келейника и постового полицейского вышел из экзаршеского дома и направился в синодальную контору. Перед входом страж оставил владыку.

В воздухе пахло розами, блистало солнце. Настроение пешеходов было повышенное, в тонах радостных. Владыке не за горами далекими виделась столица с милыми, откровенными, благожелательными друзьями и почитателями, давно знакомыми людьми всех рангов и положений после затворнического (владыка почти никуда, даже в сад свой не любил выходить для отдыха) сиденья в неприветливых стенах экзаршеских покоев в гуще дел, под грузом тяжких дум о людях и отношениях людских.

В приливе светлых чувств, владыка не придал никакого значения тому необычайному обстоятельству, что на дороге из дома в контору через площадь почти никого не было в этот час. Встретился лишь священник г. Александрополя о. Писемский, с которым экзарх о чем-то поговорил.

В вестибюле синодальной конторы по обыкновению толпились просители, некоторые из них даже, как передают, участвовали потом в переносе экзарха в его покои. В конторе, говорят, были вооружены все, кто мог быть вооружен. Владыка поднялся на несколько ступенек вместе с келейником. Вдруг злодеи снизу открыли с двух пунктов пальбу по незащитным.

После первого выстрела экзарх обернулся к палачам. В этот миг его сразила пуля. Упал и келейник, но тотчас же вскочил и побежал в контору с ужасной вестью. Там, говорят, слышали выстрелы, но заперлись, предполагая появление

экспроприаторов. Злодеи не переставали пронизывать лежавшего в потоках крови владыку. Насытившись кровью неповинного, люди-звери выбежали на улицу и скрылись. Дворник и полицейский будто бы видели двух молодых туземцев, поспешно выбегавших из конторы. И только задержать их либо не посмели, либо не сумели.

О случившемся дано было знать по телефону врачам. Однако, несмотря на непрерывные энергичные звонки, врачи не являлись в течение получаса. Объяснилось это тем, что провода оказались перерезанными. Когда врачи прибыли, то могли только констатировать смерть и установить, что в тело попало шесть пуль, из них три прошли навылет, две застряли в теле. Нанесенные ими ранения все, без исключения, смертельны. Шестой пулей раздроблена кисть левой руки.

Залитого кровью страдальца понесли домой. Несли без всяких приспособлений. Все растерялись. Он же, и умирая, был героем. Ни ахов, ни стонов, ни жалоб, ни проклятий.

Все время сознание у святителя сохранялось вполне. Глаза имели ясный, здоровый вид и не давали оснований предполагать близость смертельного исхода.

Когда присутствовавшие у одра раненого экзарха стали говорить между собою о том, что владыке следовало бы исповедаться и причаститься святых тайн, он, услышав эти слова, попросил держать его голову повыше, чтобы не задохнуться, – из горла текла кровь. Затем он начал говорить:

– Господи, прости! О, Боже, прост... – и на полуслове спокойно отошел к Царю Небесному.

Со времени ранения до кончины прошло около 20–30 минут.

Сильный телом и духом, во всем точный и отчетливый, Никон мужественно принял смерть, мужеством своим молча укоряя тех, кто послал его на нее. Видимо, без растерянности он и живой думал о ней.

В бумагах нашли его завещание, где, между прочим, прочитали такие строки: «Исповедую, Господи, что я недостойн был высокого сана епископского и недостойно проходил его. Молю милосердие Твое простить мне это и пощадить меня на страшном суде Твоем и уповаю, что помилуешь меня, кающегося Тебе, и утешаюсь, что хотя был плох, но был Твой раб, и хотя служил худо, но все же служил Тебе».

Так и чудится, что эти твердые слова читает твердый и властный голос перед Богом и перед людьми стойкого и верного своему долгу «до последнего кодранта» архиерея.

Речи, произнесенные при погребении прот. Виноградова, помещены в следующем номере, их я приводить не буду. Дмитрий Гиляревский также написал более подробную биографию о. Александра к пятидесятилетию его священнического служения. Статья вышла в номере 17 «Епархиальных Ведомостей» за 1905 год, и я с удовольствием помещаю ее здесь.

**КАФЕДРАЛЬНЫЙ ПРОТОИЕРЕЙ
ВЛАДИМИРСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ВИНОГРАДОВ
(По поводу пятидесятилетия священства 1855–1905 г.)**

20 августа 1905 года исполнилось пятидесятилетие службы в священном сане настоятеля Владимирского Кафедрального Успенского собора, протоиерея Александра Ивановича Виноградова. О. протоиерей занимает высокий пост в нашей епархии, пользуется вполне заслуженной известностью здесь, а потому, думаем, биографические сведения о нем не лишены будут некоторого интереса, а может быть, и назидательности для читателей Епархиальных Ведомостей.

О. протоиерей Александр Иванович родился в 1834 году в г. Вязниках, Владимирской губернии. После домашнего воспитания и основательной подготовки, полученной им от родителя своего, весьма памятного в Вязниках, диакона Троицкой церкви Ивана Андреевича, он в 1843 году был принят прямо во 2-й кл. Владимирского духовного училища. Благодаря доброму влиянию, о. Александр Иванович с самой юности своей отличался особой любовью к церковности; особенно любил он бывать за архиерейскими богослужениями, в последние же три года обучения своего в семинарии ему пришлось и принимать участие в этих богослужениях. Сначала он был регентом семинарского хора, певшего за архиерейскими службами, а потом, в последние годы стал по назначению подавать

служебник и самому Владыке, для чего 7 ноября 1853 г. был посвящен в стихарь.

В 1854 году Александр Иванович окончил курс со званием студента семинарии. Стремясь на прямой путь, к которому был подготовлен всем своим как домашним, так и семинарским воспитанием, и желая послужить в сане священника на бранном поле, он в 1855 году подал прошение обер-священнику армии и флота об определении его на священническое место по военному ведомству. Через год о. диакон И. А. Виноградов перешел во Владимир к Троицкой же церкви, и сын его снова очутился под родительским кровом.

В это время была Крымская война. 19 июля 1855 года было получено распоряжение главного священника Кутневича о назначении Александра Ивановича священником квартировавшего в Варшаве резервного егерского полка 7-й пехотной дивизии; затем 18-го августа он был посвящен в диакона, а 20-го во священника Преосвященным Иустином, Епископом Владимирским.

В Варшаве, кроме исправления прямых обязанностей, соединенных со званием полкового священника, о. Александру приходилось исполнять и другие возлагаемые на него занятия; между прочим, ему было поручено, за болезнью местного настоятеля, совершать богослужение в церкви Крулевского замка, в котором имел тогда пребывание Наместник Царства Польского, светлейший князь Паскевич-Эриванский; о. Александру же пришлось служить и первую панихиду по усопшем фельдмаршале и участвовать в его погребении.

Недолго продолжалась служба молодого иерея в Западном крае – в Варшаве, а потом в Ново-Георгиевской крепости.

Кончилась Крымская война, а вскоре последовало и распоряжение о расформировании резервов. Всем священникам резервных полков, а также младшим, вторым священникам полков действующей армии было предложено или вернуться в свою епархию, или остаться на епархиальной службе в той губернии, где стоял полк. При этом епархиальным преосвященным было предписано дать упомянутым священникам места «преимущественно пред окончившими курс семинарии студентами и учителями духовных училищ». О. Александр Иванович пожелал возвратиться в родную Владимирскую епархию и в ноябре 1856 года был назначен Преосвященным Иустином на вновь открытое третье священническое место при соборе в г. Покрове Владимирской губернии.

Пользуясь хорошим здоровьем и молодостью, о. Александр с присущей ему энергией принялся за исполнение возложенных на него пастырских обязанностей в этом новом месте своего служения. Совершая сам истово и с благоговением церковные службы, он стал требовать того же и от причетников.

Постепенно и незаметно довел он их до сознания важности этого Божьего дела. Внятно и неспешно читали у него псаломщики за богослужением, чинно и благопристойно вели себя и в домах прихожан во время обхождения прихода со св. крестом и иконами. За каждой праздничной литургией, а впоследствии и за будничной, о. Александр обязательно говорил поучения и, чтобы сделать участие мирян в богослужении более живым и деятельным, старался ввести общее пение во время общественных молений и крестных ходов по деревням. С большою любовью простые деревенские жители исполняли общеизвестные

церковные песнопения, в особенности же охотно и с большим удовольствием распевали они пасхальный канон во время хождения причта по домам с молебнами в светлую седмицу.

«Как только, бывало, – говорит о. протоиерей в своем дневнике, – возгласишь при входе в дом: «Воскресения день...», как все, наполнявшие дом и сени, и двор, продолжают: «просветимся людие» и т. д. до конца весь канон». При общем пении богомольцев св. иконы переносились из деревни в деревню и даже в самый город.

Грамотных в деревнях прихода о. Александра было весьма немного, поэтому он постарался в одной из деревень, которая занимала центральное положение относительно других, устроить школу, где особый учитель за небольшую плату с каждого ученика стал обучать деревенских мальчиков и девочек грамоте, причем, за неимущих, по просьбам о. Александра, вносили плату более состоятельные из городских прихожан.

Отношение о. Александра к своей пастве было самое отеческое, искреннее и сердечное. Он хорошо знал всех своих прихожан, взрослых и детей. Первых не иначе называл, как полным именем и отчеством и всегда находил возможным присесть и побеседовать в домах во время хождения по приходу. В свою очередь и прихожане шли к батюшке, когда им вздумается, и всегда могли рассчитывать на самый участливый прием.

В 1870 году о. Александр перешел на службу во Владимир. Случилось это так. Священник Никологалейской г. Владимира церкви изъявил желание поменяться с кем-нибудь из священников уездного города своим местом. Извещенный об этом родителем, о. Александр

прибыл во Владимир, быстро условился с Никологалеиским батюшкой о взаимном перемещении и отправился ко Владыке, чтобы испросить у него согласие на это дело. Но Высокопреосвященный Антоний, который был в то время на Владимирской кафедре, вдруг, неожиданно для о. Александра, предложил ему перейти в Кафедральный собор, где скоро должно было освободиться священническое место. Предложение Владыки было принято с радостью, и 10 ноября 1870 г. о. Александр перебрался во Владимир.

Здесь, на первых же порах службы, на него были возложены многие сторонние обязанности. Так, он был определен духовником и увещателем арестантов при Владимирском Исправительном Отделении, был законоучителем женского городского и уездного училищ и младших классов женской гимназии, членом правления Владимирской духовной семинарии, затем был законоучителем и одним из основателей учительской семинарии во Владимире, вместе с первым директором ее, известным автором учебника по церковной истории Евгр. И. Смирновым. Но большая часть трудов о. Александра принадлежала собору. Совершая в нем свою очередную службу, он так же, как и в Покрове, неопустительно проповедовал слово Божие за каждой литургией. С детства привыкший чтить святыню собора, он теперь, будучи соборным священником, ревностно стал заниматься изучением исторического прошлого знаменитого храма и в 1876 году издал довольно полную историю Успенского собора во Владимире.

При соборе был дом для прожития богомольцев, посещающих Владимир. Часто бывая в землянке этого дома для совершения литий о почивающих в соборе благоверных князьях и святителях, о. Александр задумал

учредить при странноприимном доме неусыпаемое моление о всех блаженно почивающих здесь. «К этому, – говорит он в своей автобиографии, – меня располагало и мое имя – Александр, данное мне в честь пр. Александра, первоначальника обители неусыпающих». Желанию его суждено было исполниться. Одна благочестивая женщина, Феодосия Яковлевна Беляева, по совету и наставлению о. Александра, изъявила согласие вместо убогого помещения для странников, устроить новый поместительный странноприимный дом, с тем, чтобы живущими в этом доме девицами, в качестве прислужниц для странников, производилось непрерывное чтение Псалтири, с поминовением на славах всех почивающих в соборном храме, а по вечерам одним из соборных священников совершались зауспокойные литии и читались вечерние молитвы для странников. В этом духе было составлено прошение и от имени Беляевой подано Владыке. Промоление Беляевой было удовлетворено, а вскоре готов был и новый дом. Чин освящения его совершал сам Владыка с Преосвященным Викарием, в присутствии Начальника губернии, городского головы и других почетных лиц. Чтение псалтири начато было Высокопреосвященным Антонием, продолжено Преосвященным Викарием, Кафедральным протоиереем, соборными священниками, протодиаконом, диаконами и т. д. и доселе продолжается, в течение более тридцати лет, не прерываясь ни днем, ни ночью.

По совету же и просьбе о. Александра, другая благотворительница П. А. Муравкина восстановила и украсила гробницу Великой княгини Агафьи, ее снох и детей, мученически погибших в соборе во время нашествия монголов. Нужно заметить, что за год до поступления

о. Александра в собор, здесь произошло одно печальное событие. В 1869 году собор посетил тогдашний обер-прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой. Неблаговидными показались ему белые камни, стоявшие около стен внутри собора, и он распорядился убрать их отсюда. Когда соборный староста, которому было поручено исполнение этого приказа, стал разбивать эти каменные глыбы, оказалось, что то были не надгробные памятники, как думали раньше, а самые гробницы, высеченные из камня и плотно закрытые каменными же плитами... В гробницах нашли и кости почивших в них князей и святителей Владимирских...

Несмотря на такое открытие, дело было сделано: останки были вынуты из гробниц и в деревянных сохранившихся гробах и нарочито сделанных ящиках на этом же месте зарыты в землю, а самые гробницы разбиты и убраны вон. Сохранились от разрушения только гробницы, стоявшие в стенных углублениях, зато самые закомары были заделаны, под одно лицо со стенами, кирпичом и закрашены известью.

Об уничтожении гробниц о. Александру передавали очевидцы: викарный свящ. при соборе о. Сергей Лебедев, мать соборного старосты Платонова и соборный сторож Арсений Виноградов, все давно умершие. (Дневник о. протоиерея). Горько было о. Александру слушать повесть об этом, хотя и невольном, поругании останков державных предков наших и святителей Владимирской кафедры. Заветною его мечтою стало восстановить оставшиеся гробницы в том виде, в каком они были ранее.

Когда Муравкина объявила о. Александру о своем желании сделать пожертвование в собор, он убедил ее пожертвовать на восстановление гробницы княгини мученицы, а Владыку упросил дать согласие на это восстановление.

Надзор за работами о. Александр принял на себя и за надлежащее выполнение дела получил особую благодарность Высокопреосвященнейшего Архиепископа Антония.

В 1876 году, по просьбе известного А. А. Соловьева и депутации Киржачских граждан, о. Александр был определен настоятелем Киржачского собора и 26 декабря возведен в сан протоиерея.

Жизнь о. Александра Ивановича в Киржаче также не прошла бесследно для пользы службы. В здешнем соборе за богослужением он ввел чин и порядок собора Кафедрального и, по примеру своего предшественника, известного проповедника протоиерея Белоцветова, весьма ревностно заботился о религиозно-нравственном просвещении паствы путем церковной проповеди, нес и законоучительские обязанности по школам города; наконец, здесь, как и во Владимире, ему привел Господь положить первый камень в основание учительской семинарии, переведенной сюда из Владимира, и быть законоучителем в ней.

За время своего пребывания в Киржаче о. протоиерей состоял благочинным самого обширного округа Покровского уезда. В качестве благочинного он отличался строгой аккуратностью и исполнительностью; его годовые отчеты всегда ставились как образец епархиальным начальством. Докучливых кляуз и жалоб в его ведомстве совершенно не было; все частичные «недоразумения» между членами причтов разбирались в доме благочинного, куда являлись недовольные друг другом.

С 1880 года начался капитальнейший ремонт Владимирского Кафедрального Успенского собора. Во Владимире нужен был человек, который по своей энергии, работоспособности, а также преданности и любви к этому

делу, принял бы на себя обязанность следить и руководить предполагаемыми важными работами, – и вот Кафедральный протоиерей М. И. Жудро, по желанию Преосвященного Феоноста, епископа Владимирского, написал о. Александру Ивановичу письмо, предлагая ему занять свободную в то время должность ключаря собора. В Киржаче о. протоиерею жилось весьма недурно. Материально вполне обеспеченный, пользуясь любовью и уважением от прихожан и сослуживцев, он не искал ничего лучшего; но любовь ко Владимиру и собору Владимирскому, а также желание послужить на пользу этого храма побудили его принять предложение.

27 ноября 1880 года состоялось определение о назначении о. протоиерея ключарем Кафедрального собора, а 13 декабря того же года новый о. ключарь уже прибыл во Владимир к месту своего прежнего служения. С этого времени начинается самая кипучая пора деятельности о. протоиерея: по воле Владыки Феоноста он принимает самое близкое и непосредственное участие в деле реставрации собора.

Первым делом о. протоиерея, как ключаря собора, было собрать и привести в должный вид и порядок все древние вещи, находившиеся в соборе. Всем этим вещам, собранным и расставленным в хронологическом порядке в особом отделении ризницы, о. протоиереем была составлена и впоследствии напечатана полная опись.

В 1881 году было закончено, начатое еще до перемещения о. протоиерея во Владимир, благоуукрашение главного алтаря собора и по образцу его решено было расписать новыми картинами весь собор. Зная из летописей, что храм Боголюбского был расписан греческими

живописцами, о. протоиерей упросил Владыку назначить особую комиссию, которая бы искала следы древней живописи в соборе. Комиссия, в состав которой входил и архитектор, тщательно исследовала стены собора и ничего не нашла, о чем и был составлен акт; но мысль о том, что где нибудь сохранились же следы древней живописи, не давала покоя о. Александру Ивановичу.

«Пристал я, — пишет он в своем дневнике, — к Софонову, которому поручено было производство живописи в соборе, чтобы еще вместе с ним полазить по местам и испытать счастья. Перекрестились и вдвоем приступили к делу, но не входили еще на леса и начали с самого низу. У Николая Михайловича был складной, обоюдоострый, наподобие кинжала, нож. Разогнул он его и опытною рукою на правой стороне большой арки под хорами начал очищать масляную краску, которой выкрашена была эта арка, с написанием на ней новым искусным письмом Спасителя с вервием. Менее чем через минуту, под масляной краской оказалась другая, красного цвета, краска. Это была кайма, проведенная по краю арки. Продолжал Н. М. скоблить далее и открывался постепенно фон, на котором вскоре появилось изображение ноги. С замиранием сердца продолжалось отделение верхней краски. Наступила ночь, но она уже не смежила наши очи. Наконец, что же оказалось? Пред взорами нашими предстал, в полный человеческий рост, трубящий ангел. Для большей ясности изображения Палеховский мастер обвел это изображение, по крайним чертам, разведенным на воде углем, и ангел еще живее показался в своей чудной грации».

Мы с намерением целиком приводим это место из дневника о. протоиерея, чтобы показать, с какою

серьезностью смотрел о. протоиерей на дело, к которому был приставлен и что честь открытия древних фресок до некоторой степени принадлежит и ему. Вслед за трубящим ангелом начали открывать и другие древние изображения на стенах собора. О. протоиерей уже безвыходно находился там, неустанно следя за производством изысканий. Об открытии древних фресок было сообщено Св. Синоду и Московскому Археологическому Обществу, которое организовало особый комитет для наблюдения над восстановлением древней стенописи в соборе.

При неотлучном присутствии и непрестанном руководстве со стороны о. протоиерея производилось и восстановление сохранившихся в соборе гробниц, чего так страстно желал и о чем заботился о. протоиерей еще во время своего первого служения в соборе. Облаченный в епитрахиль, своими руками он очищал полуразрушенные гробницы от камня и мусора, приводил в порядок лежавшие там кости и у каждого вновь созданного гроба совершал литию о почивающем в нем.

При таком же деятельном и неослабевающем участии о. протоиерея производилось и наружное благоустройство соборного храма. Но не будем более говорить о реставрации собора как с внутренней, так и с наружной стороны: полно и обстоятельно об этом рассказано в истории собора. Правда, автор истории ни единым словом не обмолвился о том, какое участие он сам принимал в этом громадном деле, но всем, кто только помнит о произведенных 15 лет тому назад работах в соборе, известно, что душою этого, поистине изумительного дела, был о. протоиерей Александр Иванович. Перед нами

«Отчет о возобновлении Владимирского Успенского собора», читанный в собрании Московского Археологического Общества действительным членом его И. Е. Забелиным. В конце этого отчета почтенный археолог пишет: «Непосредственным попечителем всего дела реставрации собора был Высокопреосвященнейший Феогност, Архиепископ Владимирский, а усердным исполнителем его попечений, неотступно – и, можно сказать, ежеминутно, во всех подробностях и хозяйственной, и технической стороны, был отец ключарь собора Александр Иванович Виноградов, все время проживавший при работах в особой келье. Этим, поистине достопамятным лицам, Императорское Московское Археологическое Общество обязано тем, что замечательнейший памятник древнерусского зодчества был обновлен с такою осмотрительностью и осторожностью, с таким в высокой степени точным соблюдением археологических требований, что это обновление во всех отношениях может служить примером и образцом для будущих других случаев восстановления памятников древнего зодчества в их первобытном виде». Но сказанным здесь заслуга о. протоиерея в деле воссоздания собора не ограничивается. К этому нужно еще добавить, что средств пред ремонтом в соборе почти не было, что по сбору пожертвований о. протоиерей объехал не только все города и богатые веси нашей епархии, но многие и другие значительные города России и что путем усиленных просьб и, часто унижительных для себя, поклонов собрал до полутора тысяч рублей в соборную кассу.

Ключарские обязанности о. протоиерея с честью и усердием исправлял до 1893 года. За это время, между

прочим, по его инициативе было основано общество хоругвеносцев при соборе. По уставу этого общества, составленному о. протоиереем, члены-хоругвеносцы должны заботиться о поддержании благолепия и торжественности во время крестных ходов как своим участием в этих ходах, так и жертвами на приобретение св. икон и хоругвей.

16 сентября 1903 года о. протоиерей был назначен настоятелем того храма, на пользу которого так много потрудился.

Свой досуг о. протоиерей посвящал и посвящает письменным трудам. Его перу принадлежат, кроме «Истории Владимирского Кафедрального Успенского собора», вышедшей в настоящее время третьим изданием; «Краткая история упраздненного Благовещенского Киржачского монастыря», «Странноприимный дом при Владимирском Кафедральном Успенском соборе», «Владимирский Успенский собор и открытые в нем фрески», «Опись достопримечательных предметов, хранящихся в ризнице Успенского собора», «Реставрация Владимирского Кафедрального Успенского собора», «Житие пр. Александра, обители неусыпающих первоначальника», «Беседы о надежде христианской», «Святыня Владимирского Успенского собора, историческое значение его и реставрация» и несколько статей и заметок, помещенных в разное время в Церковном Вестнике, Епархиальных Ведомостях и Московских Ведомостях.

О. Кафедральный протоиерей с 1884 года состоит членом Консистории, членом Совета Братства св. Бл. В. К. Александра Невского, Палестинского Общества, Епархиального Училищного Совета, членом Московского Археологического Общества, Владимирской Ученой

Архивной Комиссии и др. Он имеет награды: набедренник, скуфью, камилавку, палицу, наперсный крест и крест из кабинета Его Величества, крест и медаль за Крымскую войну, медаль в память Императора Александра III и ордена: св. Анны 3 и 2 ст. и св. Владимира 4 и 3 ст.

16 августа о. протоиерей взял двухнедельный отпуск и отправился посетить места, где начал свою священническую службу, почему никакого официального празднования его юбилея не было.

Священник Дмитрий Гиляревский

Номер 2, 1905

СЛОВО В СОРОКОВОЙ ДЕНЬ ПО КОНЧИНЕ В БОЗЕ ПОЧИВШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОЙШЕГО СЕРГИЯ, АРХИЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО

*Душа его во благих водворится.
(Пс. 24, 13)*

Ныне истекает сороковой день по кончине в Бозе почившего Архипастыря нашего, Высокопреосвященнейшего Сергия. В сороковой день по разлучении с телами души умерших людей, как верует Св. Церковь, по приговору и суду Божию, водворяются в местах блаженства или мучений, смотря по тому, каковы окажутся их дела – благи или злы, и там пребывают до всеобщего великого дня судного.

Что же мы можем сказать, для своего утешения и назидания, о загробной участи почившего Отца нашего? Год тому назад почивший Владыка говорил, что при переходе его в загробную жизнь откроются большие недочеты в его жизни, но что у него остается надежда на милосердие Божие ради заслуг и ходатайства Великого Архиепископа Господа нашего Иисуса Христа, Его Пречистой Матери и святых Божьих (юбил. речь, произнесено в Кафедральном соборе за архиерейским богослужением). Конечно, один Бог без греха, и усопший наш Архиепископ, как в мире живший и плоть человеческую носивший, если и не был чужд некоторых «недочетов», все же, как мы твердо веруем, эти «недочеты» не были столь велики, чтобы могли отвратить от него милость Божию в день воздаяния каждому по делам его: мы знаем и Богу ведомы многие такие совершенства его души, которые в состоянии заслужить ему помилование от Бога.

Первое и самое главное богатство души почившего заключалось в его твердой и несокрушимой вере в Бога. От этой основной добродетели, как от источника, истекли и все другие нравственные достоинства его. Во втором послании св. Апостола Петра показано, как от веры рождаются прочие добродетели, как христианин, ревнующий о спасении своей души, может восходить от силы в силу, от совершенства к совершенству, доколе не изобразится в нем Христос: «покажите в вере вашей добродетель, говорит св. Апостол, в добродетели же разум, в разуме же воздержание, в воздержании же терпение, в терпении же благочестие, в благочестии же братолюбие, в братолюбии любовь» (2 Петра, 1, 5–7). Поистине почивший Святитель как бы воспользовался этой лестницей христианского

усовершенствования и по ней восшел выше на небо. Его живая вера открывалась добрыми делами, и «добродетель» его не была действием безотчетного стремления к правде и добру, как у людей слабых в вере, но основывалась на точном «разумении» тайны домостроительства Божия и на превосходном знании всех обязанностей христианских. Он неустанно изучал единое на потребу души, т. е. слово Божие, учение св. Церкви и другие, полезные для Боговедения, науки и на этом изучении, как на твердом камне, старался устроить жизнь свою. Но знание иногда надмевает человека, поэтому необходимо «воздержание», как бы умеренность в знании и трезвенность мысли, и почивший Владыка, который так прилежал знанию и в совершенстве изучил предметы многих наук, старался смирять свой ум в послушание Христово и самую науку заставлял служить Богу и славе Божией. Такая закономерность и аскетизм в мышлении являли новое качество в душе почившего, а именно «терпение», т. е. стойкость в убеждениях, твердость и постоянство в добродетели, самообладание, крепость и мужество в перенесении невзгод и печалей жизни. Терпением в собственном смысле была проникнута вся его жизнь, терпение и труд были самыми отличительными чертами характера. Плодом «терпения» бывает «благочестие» – «предание себя самого и всего живота своего Христу Богу», и действительно почивший наш Архиепископ, посвятив себя на служение Богу, «аз жертву живу, святу и непорочну Богови» (Рим. 12, 1), проводил строго подвижническую жизнь и мало «собщивался с духом века сего», т. е. с правилами и обычаями мирской жизни, когда те не были согласны с жизнью святой и богоугодной. Будучи «совершен по уму, он злобой младенствовал» (1 Кор. 14, 20): был чужд хитрости, отличался

прямотою характера, правдивостью, простотою и доверчивостью. «Благочестие» рождало в нем «братолюбие»: любовь к присным по плоти и духу, любовь к пастырям и пасомым. Строгий по отношению к себе, он снисходительно относился к слабостям и недостаткам своих подчиненных, когда недостатки не свидетельствовали об общей нравственной испорченности человека. А так как, по учению Христа, все люди суть наши братья и дети одного небесного Отца, то естественно, что любовь почившего не могла ограничиться известным кругом так или иначе близких ему лиц, но простиралась на всех людей без различия. Кто же восшел на эту последнюю ступень добродетели, тот уже находится в общении с самим Богом: «пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает», говорит св. Апостол Иоанн Богослов (Иоан. 4, 16). Итак, зная добродетельную жизнь почившего Архипастыря нашего, его апостольскую ревность и труды, мы можем иметь непреложную уверенность в том, что Господь не помянет грехов неведения его, но скажет ему на суде своем: «Я знаю твои дела и труд, и терпение твое... Ты за Имя Мое трудился и не изнемог (Ап. 2, 2, 3); вниди же в радость Господа твоего (Мф. 25,21)! Почий от трудов твоих» (Ап. 14, 13). «И отрет Бог всякую слезу с очей их (Ап. 7, 17) и вселит его, идеже присещает свет лица Божия».

Тяжел и опасен тот путь, которым шествовал на небо бессмертный дух почившего. Мрачные и лукавые духи, как в древности на заставах мытари, стерегут души всех, даже праведных людей, при переходе их в горний мир, стремятся задержать их и увлечь за собою. Но мы уповаем, что душа Святителя имела, во время своего сорокадневного странствия в землю обетованную, надежных путевождей и спутников, которые беспрепятственно провели ее

в обители Отца небесного. Святитель Христов всю жизнь свою ревновал о славе Бога, дивного во святых своих. Своими учеными исследованиями об угодниках Божьих он, по его собственному выражению, «открыл немало новых звезд на духовном небе, которые были покрыты мглою прошедших веков» (Предсл. к П. М. В.): благодаря его трудам, многие, доселе неизвестные нам или преданные забвению, угодники Божьи, как звезды, вновь засияли на небе церковном и стали служить предметом благоговейного чествования и поклонения от всех православных христиан. Можно ли допустить, чтобы эти духовные светила не могли разогнать мрака, окружавшего душу почившего в ее горнем странствии к Творцу – Богу? Разве не могли помочь ему на небе святые Божьи, к прославлению которых на земле он употребил все полученные от Бога таланты? Твердо веруем, что избранные Божьи, в лице которых он приобрел себе друзей, приняли его в свои вечные кровы (Лук. 16 г.), и имя его отныне написано на небеси, наряду с именами святителей Макария, Димитрия Ростовского и других св. мужей, ревнителей славы святых: веруем, что душа его в селениях праведных будет наслаждаться неземной радостью и блаженством.

Но, братие, если «для наставников ваших, которые всегда, даже по смерти, бдят о душах наших» (Евр. 13, 17), нет большей радости, как слышать, что дети их ходят во истине (3 Иоан. 1, 4), то для них также нет и большей печали, как знать, что духовные чада их уклоняются от пути правды на путь беззакония. Будем же, братие, твердо хранить святую веру нашу и уставы св. матери Церкви, которые так строго соблюдал почивший наш Архипастырь. Перестанем увлекаться «всяким ветром учения» (Еф. 4, 14),

послушаем только «здравых словес», пример которых показан нам в ясном, «как свеча горевшем слове» (Сир. 48, 1) почившаго Святителя, и тогда только мы не заставим его «воздыхать» (Евр. 13, 17) за нас. Аминь.

Священник Димитрий Гиляревский

Номер 29/30, 1906

**О ЦЕРКОВНОМ ВИНЕ. ПО ПОВОДУ
ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ, ПОДАННОЙ
НА ИМЯ ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА ДОВЕРЕННЫМ
СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ ГОРЧАКОВА,
УЧЕНЫМ ВИНОДЕЛОМ Л. ВОРОНИНЫМ**

Для совершения Таинства причащения по канонам церкви требуется чистое, без всяких примесей виноградное вино. Третье апостольское правило говорит: «аще который епископ или пресвитер, вопреки учреждению Господню о жертве (евхаристии), принесет ко олтарю иныя некоторыя вещи, или мед, или млеко, или вместо вина приготовленный из чего-либо другой напиток да будет извержен», а Учительное Известие учит, что «вещество Крови Христовой есть вино от плода лозаго, сиречь из гроздов винной лозы источенное; подобает сему вину быти чисту, не смешану с каким либо иным питием, кроме еже из гроздия; вином не могут быть соки от различных овощей и ягод источенные, т. е. яблочныя, грушевыя, вишневыя, терновыя, малиновыя и иныя».

Нет нужды доказывать, в какой мере удовлетворяют этим каноническим требованиям, предъявляемым

церковному вину, вина «из московских, рижских, кашинских, ярославских и других виноградников», в большинстве случаев, по необходимости употреблявшиеся и доселе употребляемые у нас за богослужением.

Хотя вопрос о приобретении натурального вина для таинства Причащения издавна служил предметом особенных забот со стороны православного духовенства, но только в недавнее время он получил свое разрешение. В деле снабжения православных церквей Империи натуральным виноградным вином немалую роль, нужно заметить, сыграл некто ученый винодел Л. Воронин, бывший сначала доверенным фирмы Британова, а потом светлейшего князя Горчакова. Его многочисленные циркуляры, докладные записки, преискуранты и разные специальные заметки о церковном вине, с 1902 года во множестве рассылаемые по епархиальным архиереям и свечным заводам, послужили к тому, что за последние четыре-пять лет не было, кажется, епархии в России, где бы на епархиальных съездах не возбуждалось вопроса о натуральном церковном вине и не делалось постановлений относительно выписки его от той или иной винодельческой фирмы нашего черноморского побережья. В настоящее время, можно сказать, все или почти все епархии, где имеются свечные заводы, производят оптовую покупку виноградного вина. Вино обыкновенно закупается свечными заводами на свечные суммы и продается церквам по покупной его стоимости или же по цене, несколько повышенной сравнительно с оною.

В 1903 году, по постановлению епархиального съезда, и нашим свечным заводом был произведен опыт выписки натурального церковного вина для церквей епархии, но только опыт вышел неудачным. Причиной тому служило следующее.

Вино было куплено у фирмы князя Горчакова, по два ведра на каждую церковь, и разослано по свечным складам епархии, откуда оно и должно было разбираться церквями не по частям, а сразу, в количестве этих двух ведер. Но так как многие церкви не могли своевременно взять всего, выписанного на их доли, вина, а при свечных складах не было специально устроенных мест для его хранения, то вино от долгого лежания там портилось: летомкисло, а зимой мерзло.

Далее, при массовом заборе вина церквями много было испорчено его и самими причтами или за неумением сохранить его, или также за неимением надлежащих мест для хранения. Все это возбуждало неудовольствие причтов и церковных старост, и производило пререкания между ними и свечными складами, каковые пререкания повели к тому, что свечной завод категорически отказался снабжать церкви натуральным вином, предоставляя церквям самим приобретать таковое, где им заблагорассудится.

Из опыта других епархий явствует, что для правильного и успешного ведения у нас этого дела, при нашем свечном заводе необходимо устроить склад для вина, где бы вино долгое время могло сохраняться от порчи; далее свечные склады епархии должны получать вино небольшими партиями, чтобы вино не залеживалось в складах. Для устройства винных складов в других епархиях находятся средства; эти средства могут найтись и у нас. Для того, чтобы операция покупки и продажи вина не вводила в убыток свечной завод, последнему следует предоставить такую же монополию по продаже вина, как и по продаже свеч, т. е. обязать все церкви епархии забирать вино только в складах завода и нигде более. На открытие епархиального винного склада и на беспощинную торговлю вином, а также на

провоз его по удешевленному тарифу по железным дорогам с места покупки до епархиального города, должно быть испрашено надлежащее разрешение.

По вопросу о том, вином какой фирмы снабжать церкви нашей епархии можно сказать следующее. Уполномоченный светлейшего князя Горчакова, ученый винодел Л. Воронин в своей докладной записке, недавно поданной на имя его преосвященства и послужившей поводом к настоящей заметке, естественно, рекомендует вино своего доверителя, но нужно заметить, что горчаковское вино не всем нравилось у нас. Многие находили в нем (разумеются вина 1-го и 2-го №№) следующие недостатки: во первых, слабую окраску, особенно 1-го №, так что, при вливании теплоты в чашу, вино принимало совсем уже водянистый цвет, затем недостаточную «сладость» и густоту и, наконец, довольно большой мутный осадок, появлявшийся на дне сосуда, куда вливалось вино. Один из таких недостатков, по заявлению докладной записки и преискурантов, в настоящее время якобы устранен, именно: «сладость вина значительно увеличена».

Если мы обратимся к другим епархиям, то увидим, что и там вино князя Горчакова не везде привилось. По крайней мере, в некоторых епархиях, где ранее выписывалось это вино, теперь пользуются винами другими, напр. общества «Гурзуф», Департамента уделов, товарищества Христофорова, фирмы Британова, князя Голицына, Бекман и проч. Фирма князя Горчакова именуется себя в объявлениях, печатаемых в настоящее время в церковных ведомостях, поставщиком 18-ти епархий, но постоянных покупателей из этих 18-ти епархий у фирмы не найдется теперь и десяти. Вопрос о том, какое вино покупать нашей

епархии, думаем, посему нужно считать открытым. Самое лучшее, как это и практикуется в некоторых епархиях, предоставить нашему свечному заводу право приобретать вина у разных виноторговцев, преysкуранты от которых любезно рассылаются по свечным заводам, чтобы по испытании этих вин духовенством, остановить свой выбор на вине одной какой-либо фирмы.

В заключение не лишним считаем привести здесь постановление одного из епархиальных съездов по интересующему нас вопросу. Это постановление Екатеринбургского съезда, бывшего в 1903 году, гласит оно следующее: 1) епархиальному свечному заводу и впредь продолжать снабжать церкви богослужебным виноградным вином; 2) все церкви епархии обязать покупать вино из епархиального склада; 3) разрешить управлению устроить под кладовую склада каменный подвал для хранения вина, с израсходованием на сие до 300 рублей; 4) в видах сокращения расходов при анализе вина разрешить управлению завода войти в число учредителей и членов винодельческой станции в Одессе со взносом вступных в размере 24 р. и ежегодных 10 рублей; 5) в виду того, что духовенство епархии не имело возможности опробовать вина разных фирм и не может посему остановиться на вине одной какой либо фирмы, одобрить покупку вина у разных фирм, пока не окажется такого вина, которое признано было бы лучшим во всех отношениях и 6) предоставить желающим из духовенства, по опробовании вин разных фирм и сортов, дать управлению свой отзыв (Екатеринб. Епарх. Вед. 1903 г. № 24).

Священник Дмитрий Гиляревский

**СЛОВО В ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ.
УЧЕНИЕ ХРИСТА
ЕСТЬ ЕДИНОЕ ИСТИННОЕ УЧЕНИЕ**

*Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих:
Того послушайте.*

(Мф. 17, 5)

Наше время, братие, отличается усиленным, небывалым еще в истории человечества, стремлением людей к счастью и блаженству здесь на земле и вместе с тем – к разрешению научным путем всех основных и вековых вопросов жизни человека. Во множестве появляются непризнанные учителя, которые дерзко и кощунственно расшатывают все устои религиозной, политической, общественной и семейной жизни христианина: его понятия – о Боге, о Христе-Спасителе, о церкви, о будущей жизни, о нравственных началах, о браке, о семье, об имуществе и собственности. Эта, так называемая, переоценка ценностей, потерявших будто бы всякий смысл для человека, идет не только у нас на Руси, но и во всем мире христианском. Разбивая в прах все, чем жило и живет христианство, учения лживых пророков, где религиозный элемент переплетается с политическим, обещают создать нового человека, не слабого и ничтожного, каким якобы является современный человек, а могучего, самодовольного, не подчиняющегося никаким нравственным законам, кроме велений своего самодовлеющего «я». Такая проповедь,

рассчитывающая на самые низменные инстинкты человека, имеет громадный успех, всюду и везде приносит гибельные, разрушительные плоды. Колеблется вера у христианских народов, все ниже и ниже падает нравственность. Человеческая жизнь, вместо того, чтобы – как обещают современные пророки – стать привлекательной, теряет и последнюю цену. Многочисленные убийства и самоубийства уже не волнуют нас: мы к ним привыкли, с ними освоились. В христианском обществе открылись пороки, «о них же срамно и глаголати», место которым только в Содоме и Гоморре, – городах, за беспримерное нечестие истребленных от Господа огнем с небеси. Недаром многим благочестивым людям нынешнее время напоминает время пред вторым пришествием на землю Спасителя, и они предрекают гибель миру...

Где же спасение? Где тот свет, который в состоянии рассеять этот всегубительный мрак, готовый омрачить человечество? Ответ на это дает нам, братие, ныне празднуемое событие. Тот Свет Истинный, Который впервые воссиял на Фаворе, Тот, Кого Сам Бог назвал Сыном Своим возлюбленным, только и может спасти мир от неминуемой гибели. Только луч этого Божественного Света, только учение Христа Сына Божия может просветить наши омраченные очи духовные и дать полное счастье человеку: ответить на все неразрешимые человеческим разумом вопросы и удовлетворить всем стремлениям человеческой души.

Итак, Христос Господь – единственный наш Учитель, единственная надежда и упование наши, Его одного мы должны слушать. «Того послушайте!» Иисус Христос на Фаворе явил Себя не простым человеком, а Богом,

следовательно и учение Его не простое человеческое учение, а слово Божие и как таковое – единственно истинное, полезное и спасительное. Христос – Путь, Истина и Живот наши. Никто не может найти себе блаженств и успокоения иначе, как чрез Него.

Великое превосходство христианского учения пред всеми другими учениями яснее откроется, если мы сопоставим эти учения с учением Христа, в этом же случае откроется и все ничтожество измышлений человеческого разума. Возьмем, например, социализм – самое распространенное ныне учение человеческое, стремящееся разрушить христианство и занять его место. Что он может дать человеку? Социализм обещает создать рай на земле, где все будут одинаково равны и свободны, все сыты, довольны и счастливы, где не будет ни бедных, ни богатых. Допустим, мечты социалистов осуществляются: люди перестанут терпеть лишения, на земле водворится полное телесное довольство и благополучие. Что же далее? Ведь не о хлебе едином жив будет человек? У человека, кроме тела, есть душа, для которой также нужна пища. Этой пищи для души социалисты дать не могут и не хотят дать, так как единственным религиозным законом считают закон природы и богом – чрево.

Отсутствие нравственного идеала в социализме делает это учение приемлемым лишь по преимуществу в среде бедного, неимущего населения, у которого заботы о хлебе насущном стоят на первом плане и заглушают все духовные потребности; там же, где эти потребности живы и ясно сознаны, у людей, которые ищут ответов на мучительные запросы духа, социализм не имеет большого успеха: здесь распространены другие учения, из коих многие признают

и христианство за основу жизни, но только христианство в его нравоучительной части. Соблазняясь добровольным уничтожением Иисуса Христа, последователи сих учений говорят о Нем, вместе с неверовавшими иудеями: «не Сей-ли есть сын Иосифов и Мати Его Мариам», т. е. не признают Божества Христа, Его восстания из гроба и, как следствия отсюда, воскресения мертвых. Люди эти хотят быть христианами, но без Христа, без церкви и таинств.

Посмотрим, может ли удовлетворить человека это новое христианство, исповедуемое многими из т. н. интеллигенции у нас и на западе Европы. Главная заповедь Христа – о любви – признается главной и у новых христиан, но только во второй ее части, где говорится о любви к ближнему. Любовь к Богу не проповедуется, а замалчивается у этих полухристиан, да и самые понятия о Боге у них крайне смутны и неопределенны, а у большинства и вовсе отсутствуют. Но как человеку можно любить своего ближнего, если он не знает, не любит Бога? Говорят, – человек должен любить подобного себе потому, что к этому обязывает его прямая выгода, что если каждый будет заботиться о другом, то всем будет хорошо, а значит и каждому в отдельности. Но если благополучие человека может быть основано на неблагополучии другого, то что заставит человека заботиться о ближнем? Каждый может рассуждать так: «что мне до других людей, живу я только один раз на свете, позвольте же мне пожить в свое удовольствие, самому знать свою выгоду».

Что бы стало тогда с человечеством – страшно и подумать: оно обратилось бы в диких зверей. Нет, без веры в Бога, без веры во Христа, как Сына Божия, имущего судить живых и мертвых и коемуждо воздать по делом

его нельзя исполнять заповедей Христовых, нельзя быть христианином. Христос-Учитель неотделим от Христа-Бога. В этом существеннейшее отличие христианства от всех других верований, в этом его неизмеримое превосходство пред ними.

Затем рассматриваемая нами вера т. н. новых христиан страдает тем же важным недостатком, как и социализм: она говорит только о земле, о житейских отношениях людей, но забывает душу человека, которая больше тела. С тех пор, как стоит мир, душу человека волнуют одни и те же страшные, неразрешимые, безотвязные вопросы: кто я, зачем я живу, что там за гробом?.. Этих вопросов нельзя заглушить в себе, ибо они вложены в наш ум Самим Богом. Наука бессильна ответить на них. Мудрые люди всех времен и народов трудились над разрешением основных, названных ими «роковыми», вопросов жизни и устами мудрейшего из них заявили миру, что в этом отношении они узнали только то, что ничего не знают (Сократ). Между тем без удовлетворения этих мучительных запросов духа человечество существовать не может, оно будет погружено в беспросветную мучительную тьму. Жизнь потеряет всякий смысл и значение. Чем другим, как не духовным мраком неведения о своем назначении, можно объяснить случаи многочисленных самоубийств наших современных неверов. В самом деле, зачем жить человеку, если он несет только одни страдания, которых никто не искупит, которые никому и ни на что не нужны? Одно только христианство в состоянии дать покой измененной душе человека, рассеять тот мрак, в который погружен он. Христос есть Свет Истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир (Иоан. 1,9).

Христово учение в совершенстве удовлетворяет всем насущным потребностям души человека, дает самые полные и ясные ответы на все запросы духа. Евангелие говорит нам, что слабый и ничтожный, по-видимому, человек имеет великую ценность в очах Божьих. Бог так возлюбил мир, что Сына своего возлюбленного предал на смерть ради него (Иоан. 3, 16). И Единородный Сын Божий из любви к нам не возгнушался принять на Себя нашу человеческую природу, ценою бесценной крови Своей искупил нас от клятвы законной и усыновил Отцу Своему. Мало того, нашу немощную плоть Он в Своем человеческом естестве обожествил и посадил на престоле одесную Бога и Отца. За пределами гроба для человека, по Евангелию, начинается новая блаженная жизнь, которая в сравнении с здешней земной – что океан пред каплей воды. Явившиеся на Фаворе во славе Моисей и Илия уверяют нас, что праведники просветятся, как солнце, в царствии Отца Небесного. Если же мы знаем, что там, за гробом нас ожидают такие блага, «их же око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша» (1 Кор. 2, 9), то наши временные земные печали и вздыхания, переносить кои не имеют сил люди неверующие, покажутся нам легкими и удобоносимыми.

Вот что дает человеку Христос взамен лживых, несовершенных, как сам человек, учений человеческих! Того послушайте!

Говорят некоторые, колеблемые ветром суетных учений, люди, что христианство, имея в виду главным образом небо, мало внимания уделяет земле: заботясь о вечных обителях человека, не заботится о его земных, плотских нуждах. Лживое обвинение, – как лживо все, что говорят о христианстве враги его. Кто более Христа заботился

о бедных, немощных телом и духом? Кто так страдал страданиями других, как не Он – друг мытарей и грешных, всех труждающихся и обремененных? Кто последователям своим заповедал из двух риз одну отдавать нищему? Но что много говорить о том, что хорошо известно всякому христианину. Мало того, что христианство заботится об облегчении тяжелых условий земной жизни человека, оно, как дело Божие, представляет собою и единственный путь к устранению всех социальных недугов человечества. Если бы христиане во всем следовали учению Христа, то на земле давно бы водворился мир и благополучие, не такой мир и не такое благополучие – чисто плотское и животное, – о которых мечтают социалисты, а настоящие, прочные и совершенные. Придет время, и люди поймут, что без Христа нельзя найти и земного счастья.

Итак, Христос есть краеугольный камень человечества, основа всей его жизни, настоящей и будущей. И блажен человек, который устрояет здание своей жизни на этом краеугольном камне, на учении Христа. Подуют ветры лживых человеческих учений, пойдут дожди напастей, забушуют грозные волны житейского моря и начнут биться о фундамент здания, но здание устоит, не упадет – человек не погибнет.

Благочестивый слушатель! Впадаешь ли ты в напасти и искушения, одолевают ли тебя сомнения в вере, разного рода недоумения, – во всем ищи помощи у своего Небесного Учителя, к Нему обращайся с молитвою и верь, что только в Нем твой мир, твой покой, твои крепость и утверждение! Аминь.

Священник Димитрий Гиляревский

АНДРЕЙ ГИЛЯРЕВСКИЙ
НЕМЕЦКОЕ ЗАСИЛЬЕ
В РУССКОЙ НАРОДНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ
(Фрагменты. Нижегородский
церковно-общественный вестник, 1915)

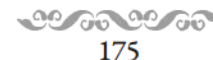
Современная Отечественная война вскрыла целый опасный гнойник на русском теле немецкого происхождения. Под этим гнойником я разумею то губительное немецкое влияние во всех областях нашей жизни, о котором прекрасно знали в различных слоях русского общества, но говорить о котором не было принято вплоть до разразившейся неожиданно для нас настоящей войны. Но едва только захохотали орудия на нашем Восточном фронте, едва полилась кровь православного русского человека, как в столичной и провинциальной прессе, а затем и в обществе громко и настойчиво заговорили о тяжелой зависимости России от Германии в области экономической, внешней и даже внутренней политики, в области искусств, в области научной мысли и проч. То, что раньше скрытно волновало русское общественное сознание, теперь, с объявлением войны, свободно заявило себя единогласно в многочисленных статьях периодической печати всех направлений без различия и в призыве общества к борьбе с тяжелым гнетом неметчины. Сразу стало как-то ясно для русского человека, что глубоко внедрился немец в нашу жизнь общественно-социальную со своим влиянием, много вреда и ущерба принес он с собой России в своих видах и целях, и много нужно усилия и жертв, чтобы искоренить, вытравить его из русской жизни и противопоставить ему свое самобытное русское влияние.

Не постеснялся немец пробить себе путь и к самому сокровенному тайнику души русского человека, в его святое святых, к национальной нашей вере, к православной и религиозной совести русского народа, чтобы и сюда внести свою протестантскую отраву и тем пошатнуть самые основы русского народного духа. К сожалению, влияние немецкое в области религиозной всегда как-то замалчивалось в широких интеллигентных кругах, а русское сектантство последнего времени даже имело своих благосклонных защитников среди многих образованных, передовых людей нашего времени, которые ревностно защищали неограниченную свободу сектантских обществ от незаконного якобы посягательства на нее со стороны официальных представителей Православной церкви и пастырей ее. Между тем едва ли не все русское рационалистическое сектантство и, в значительной доле, мистическое, по характеру своего учения, является копией немецких протестантских взглядов. История русского, особенно, рационалистического сектантства неоспоримо устанавливает глубокие следы немецкого влияния в нем.

<...> Еще в то доброе старое время, когда святая Русь не была открыта для свободного доступа в нее иностранцев, когда исключалась почти всякая возможность иностранного влияния в каких бы то ни было областях жизни, германец-протестант и тогда тревожил время от времени русское гражданское и церковное правительство возвращением в свою веру отдельных личностей из русских, или же напоминал о себе на Москве попытками пропагандировать свое излюбленное лютеранство.

<...> Вред протестантского влияния ясно сознавался лучшими людьми того времени, так как он направлен был

на самое дорогое сокровище народное, веру его. Да кроме того, русские люди хорошо понимали и видели деятельность протестантов – иностранцев, направленную во вред самому государству русскому, особенно в Смутную эпоху. Само правительство московское в конце концов стало проявлять осторожность в сношениях с иностранцами, сознавая вред иностранного влияния и видя, что народ слишком резко выражает свое недовольство ими.

<...> Но если в прошлом православная Россия интересовала протестантских пасторов, вроде Рокиты и др. и группы немецких проходимцев, по счастливой случайности приткнувшихся к власти на Руси, вроде Бирона с его компанией, то в XIX в., с 60-х и 70-х гг., православная Россия начинает интересоваться уже всю Германию. Если протестантские пасторы и их фанатично настроенные духовные дети совращали своими бреднями единых «из малых сих», как, например, они совратили Башкина, Косого Феодосия, Тверитинова и др., а правительство Анны Иоанновны решило насильно опротестанить Русь, то современная Германия всеми силами и средствами стремится привить русскому народу те же протестантские идеи, но в виде учений различных сектантских толков, по преимуществу же штунды и баптизма.

<...> Широкое и быстрое распространение штундизма у нас на юге объясняется, конечно, наличием благоприятных условий для пропаганды, с одной стороны, а с другой – немецкой неразборчивостью в средствах для совращения простосердечных поселян. Русские крестьяне-малороссы томилась духовным голодом, утолить который порой не были в состоянии их пастыри за малообразованностью или по небрежности, и вместе страдали

от безземелья и тяжелых социальных условий, а немецкие пасторы брались, с одной стороны, напитать их якобы и духовной пищей и прельщали, кроме того, нашу бедноту своею проповедью о коммунизме.

<...> В настоящее время штундо-баптизм – самая живучая и крупная секта по количеству последователей, и самая передовая в отношении пропаганды. Удачная пропаганда баптистских проповедников, начавшаяся на западе России, свила себе потом гнездо на юге и быстро переброшена была даже на Кавказ. Здесь одним немцем обращен был в баптизм купец Воронин и его приказчик Павлов. Последний сделался впоследствии одним из ярких последователей баптизма.

В наше время эта секта настолько имеет широкое распространение в России, что едва ли найдется епархия, где бы не было последователей ее. Объяснение этому мы находим в необычайной энергии и любви к пропаганде немцев штундо-баптистов, в их прекрасной организованности, в умении применяться к обстоятельствам, в умении использовать слабые стороны простого народа. Для обеспечения успеха пропаганды немцы-штундо-баптисты создали в России многочисленные союзы, общества, благотворительные кружки, молитвенные дома, организовали специальную и народную миссию. Их многочисленные специальные миссионеры обеспечены жалованьем, разъездными, содержанием, книгами, листками и т. п. С целью пропаганды издаются ими специальные журналы в России.

Их народная миссия стоит на недостижимой высоте. В баптизме ведут пропаганду все без различия – мужчины и женщины, последние даже с большим фанатизмом. Сектанта-пропагандиста можно встретить и на улице,

в вагоне, и на пароходе, и проч. В обращении они очень ласковы, но вкрадчивы; заговорят, закатывая к небу глаза, непременно о вопросах веры и постараются в беседе вставить тексты из Писания, истолковывая их незаметно для собеседника, в сектантском духе. Все они почти, не исключая женщин, очень осведомлены в своем вероучении и прекрасно знают места Священного Писания, на которых основываются. Больше всего, конечно, они обращают внимание на серую массу, среди которой легче найти бывает безответного и легко поддающегося влиянию их речей. Правда, и здесь сектанты сумеют отыскать слабую струнку русского мужичка в его бедности, приниженности. Немалое впечатление, в положительном смысле, сектанты штундо-баптисты производят на простых людей ханжеством, внешним благочестием, степенностью, трезвостью, а нередко и денежной субсидией. При всех этих средствах пропаганды сектанты-штундо-баптисты обладают еще громадными денежными средствами.

<...> Трудная и весьма ответственная задача предстоит нашей внутренней миссии по борьбе с сектантской пропагандой. Трудность ее заключается, во-первых, в отсутствии сил и средств, какими обладают сектанты, и усугубляется еще малым сочувствием к ее задачам и целям интеллигенции, что нами уже было отмечено. Сочувствие к сектантству той же интеллигенции, мне думается, основывается на простом недоразумении и непонимании скрытых задач и целей сектантской пропаганды. Хочется думать, что эта война раскроет глаза широким общественным кругам на действительный облик нашего сектантства и побудит ее, и если не изменить свои отношения к православной миссии и церкви, то хотя пересмотрит их.

Православная церковь в своих стремлениях удержать и прекратить соvrащение в сектантство ее истинных чад руководствовалась едва ли соображениями только личного интереса, но и интересами народными и государственными. Вот почему она искала поддержки в этом своем деле у правительства и общества. Для нее становилось ясным, что вместе с усилением сектантства на Руси наступит засилье немецкое в русской народной религиозной жизни со всеми его отрицательными сторонами, а это засилье в народной душе было бы равносильно гибели русской государственности и народности, ибо без основ народного духа не может быть самобытной государственности и национальной жизни.

<...> Штундо-баптизм ведет очень успешно свою разрушительную работу среди православных и именно в желательном для немцев смысле. Уже давно били и бьют тревогу исследователи сектантства и не напрасно, что штундо-баптизм ведет к онемечению. Еще в 80-х гг. прошлого столетия отметил это известный ученый архипастырь Никанор, архиепископ херсонский в своих трудах. Русские крестьяне, по его словам, принявши штунду, мало того, что бросают русскую избу, национальную одежду, заводят у себя немецкий уклад жизни, перенимают язык немецкий, но и ставят в своих домах портреты германского императора и открыто заявляют, что скоро придет Вильгельм, завоюет Россию и даст им свободу.

<...> Сектантские идеи, впрочем, несколько дают и обратные результаты у наших сектантов, чем у немцев. Тогда как у немцев настоящая война связала воедино общей идеей все сословия, все партии, не исключая социалистов и религиозные секты, отказавшиеся ради идеи немецкого

милитаризма от своих основных принципов, наши сектанты штундо-баптисты, в силу принципа «не воюй», отказываются идти на войну, носить оружие, и мало того, тайно ведут пропаганду против войны в войсках. Установлено, что в Екатеринославской и Херсонской губерниях велась пропаганда среди солдат 139, 140 и 141 подвижной полевой хлебопекарни.

<...> Но неужели наши русские люди, увлеченные коварным тевтоном в штунду и баптизм, окончательно порвали со всем историческим прошлым русской народности, со всем его святым достоянием – верой его, неужели они окончательно отказались от своей природы? Хочется верить, что не ослаб еще окончательно русский дух в наших сектантах, и только немецкое засилье здесь изолирует его и лишает свободы полета. Но наступит же момент, когда лишь только ослабнет это ярмо, как снова проявится этот дух наружу и потребует соединения с своей истинной природой. Есть уже и первые ласточки, вестницы близкого наступления этого момента. Не далее, как 7-го апреля, в одну из московских газет из Одессы передано следующее радостное известие: «архиепископ Назарий сообщил Синоду о состоявшемся присоединении к Православной церкви 52 семейств баптистов, проживающих в Елизаветградском уезде. Вместе с ними перешел в православие баптистский дьякон. Обращение в православие объясняется ослаблением немецкой пропаганды в колониях Херсонской губернии», прибавляет специальный корреспондент газеты.

С удовлетворенным чувством да прочтут это известие все, кому близки интересы церкви Православной и Отечества.

1. Антонов И. Пять братьев Гиляревских поплатились жизнью за веру в Бога, Ивановская газета, 23 октября 2022. <https://ivgazeta.ru/read/35408>

2. Владимирские епархиальные ведомости, Владимир, 1905-1915 гг. <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/3158/>

3. Гиляревский А. Немецкое засилье в русской народно-религиозной жизни //Нижегородский церковно-общественный вестник. 1915. № 17,18. Печатается по отдельному изданию (Н. Новгород, 1915. С. 1–3, 5, 10, 12, 13, 16–19, 22, 24–26). <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/protestantizm-prot-contra-antologija/8#note308>

4. Гиляревский Б. Древо. – Владимир, 2014. <https://land.lib33.ru/site/publication/3529>

5. Гиляревский Б. Старые письма. – Владимир, 2018. <https://land.lib33.ru/site/publication/3552>

6. Книга памяти. Комиссия по канонизации святых Иваново-Вознесенской епархии. Репрессированные священнослужители и церковнослужители, проживавшие на территории Ивановской промышленной области. https://comissvyat.blogspot.com/2016/05/blog-post_2.html?m=1

7. Кротов Я. Словарь святых. http://krotov.info/1/old/1_history/20_bio_moi/1937_gilyarev.htm

8. Миссионерский центр имени преподобномученика Афанасия, игумена Брестского (Белорусская православная церковь): <https://afanasiy.net/gyliarevski-slovo-v-velyki-piatok-pred-placshanycei>

9. Святые и подвижники благочестия нашего края. Гаврилово-Посадское благочиние Шуйской епархии Ивановской митрополии Русской Православной Церкви (Московский

Патриархат). https://gavposad-blag.blogspot.com/p/blog-page_2.html

10. Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии, 1750–1900 / Сост. Н. Малицкий. Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1902 г. <https://www.prlib.ru/item/451044>

11. Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования (1814–1914 гг.). Сергиев Посад, 1915. 178 с., страница 153. <https://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/14816/>

12. *Уткин И. Н.* (игумен Виталий). Трезвенническое движение во Владимирской губернии в годы первой мировой войны (Социально-политический аспект). Иваново, 2021. istina.ipmnet.ru

Благодарности

ИРИНЕ ВИКТОРОВНЕ ПЯТИЛЕТОВОЙ

*(журналист, писатель,
г. Дмитров Московской области)*

за помощь в нахождении исторических материалов

ИГОРЮ ПАВЛОВИЧУ АНТОНОВУ

(журналист, писатель, г. Иваново)

за уникальную фотографию пяти братьев Гиляревских

БОРИСУ БОРИСОВИЧУ,

ВАЛЕНТИНЕ ИВАНОВНЕ

И ТАТЬЯНЕ БОРИСОВНЕ ГИЛЯРЕВСКИМ

за многолетний доблестный труд на ниве краеведения и генеалогии, а также поиск, сохранение и распространение сведений о семье Гиляревских посредством книг, статей, телевидения и Интернета

Письмо о. Иоанна вдове брата Дмитрия.
Предоставлено Государственным
архивом Владимирской области

Иоанн Троицкий
Летописец

Мстванко, 11 Октя. 1917.

Дорогая Надежда Александровна!

Я сам только что перебрал мой
перевод сурьбы (не сурь, а сурьба), как
вот так и на Вашу долю. Перебрал и
могу сказать по личному опыту, что по-
теря такого рода не стоит уже ни
дешево и страшно, как онемал и
предполагалось. Мы думаем, посто-
янно думать, заботясь о будущем - в будущем
определяющее и определяющее нас будущее, а
также, сверх, кевиним фронт и кадри
расно кадр нами "Око Всевидающее, Все-
близкое, Вселюбящее". Око, если бы
сам не ушел из под него рабство, а это
про нас само не было, поведет нас
туда же своим, и конечно, путь
близкий, так же "Око" это есть истинный
молитва Бога. Вербное и мученическое!

108

Все будет хорошо. За время войны
и Димитрий, а это время было очень
продолжительным, как и пришлось по-
степенно сообразовать по зрящему зрячу;
и такой постепенной подготовкой зрячу
вспрыскиваются себе. Это и очень
говорит по личному опыту. - Да и бы-
ть только бы. Нам здоровее, а мы
работаем, бодрее и здоровее в зрячу
нам не забывайтесь! Имеем мы
счастливые семьи.

Письмо про "дома свои".

Я очень рад, что вы. У меня очень много
в год и забылись семейные дела, а то
было похороше и то же каково молено.

Возвращение особенного года своим
материю, и думая и, и тогда молено,
особенность, расету душою. Расету расету
болше с. Закон, а с "Петрушеским" расету
по ир-за-кошму, по ир-за-Кучина
разнообразно. Но, а обобщает зрячу молено

2

и нас, и Вугань поизряд, хоромо - Овди
го, Биб, она бр пшнотурин роди
минерал германских динд. Редьда, и
Васютка в Юмт шат, покоряются сь авром
пшнуберанмиционно. Ленка Юнел ер
уванекисин амносифа к "Мамуши",
важд в кеи к "подруч-Кину", а наводнища
коридку.

Ну, про сто нова бугет. Меньш-про
Нану. Как востановит, шд нас неуродко
споловане в двух мнотах одновременно, не
удачнее ли бугет еи [redacted]?

Тмо еств, до и ладн! Меньш кирес, вост
не погрнаемь. Все спраши дорон, до и годидь
ксерон.

Клариде утот, какуи фидре,
садредь сь сь одионгаибовини и бременн,

Приманная мука и кофидраб, сали
не годидь шд принидь так амт нас, нуенд
продерз за первый мнату, а со восторог в
бугд мнату, скотого Юмт поимониде.

Мука сие приеидь бугет кинань

Р.3. Дубагогогого бранкофрми. Вл пшнотурин сие не поизряд, но на
дранци востановит окорань орудь бубидеидь охирем. Украин
Ю и приезд к нам
кандьз, факт востановит и мнот редит
мнот дидинкоз. Уб кире киредер у мнот
мнот востановит востановит / мнот дидинкоз и охирем
мнот востановит. Мнот киредер мнот
и нас поди кандьз, до и амнотам
дорон; мнот востановит 40р. за мнот.

Она фемеро продаждовиде мнотам
свои мнотам и нас сие не востановит.

На Оубу и редиде в Юмт востановит
косторку; фидре по кеи заеиде мнотам,
да перекотка ер Юмт обидиде

[redacted] мнотам кире, мнотам
"сродд" мнотам фидре, мнотам 50р., да и до
кнотам мнотам мнотам фидрам.

Мнотам кире, факт кире мнотам
до кире, мнотам и кире Юмт кире.

Тмо мнотам бугет киреиде сь востановит
сали она киреиде, киреиде. Юмт киреиде мнотам
мнотам скотого Юмт востановит фидрам в мнотам
зие за одионгаибовини и бременн. Мнотам еи киреиде
од Юмт. Киреиде киреиде

Нану Юмт и востановит

Иоанн Гиляревский
СТАТЬИ И ПРОПОВЕДИ

Оформление Ксения Макшакова
Издательство Анастасия Макшакова
Редактор Юрий Орлов
Корректор Марина Соловьёва
Компьютерная вёрстка
и дизайн обложки Александр Кузнецов

Подписано в печать 12.12.2023 г.
Заказ № 22189. Формат 84×108^{1/32}
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,87.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист».
129090 г. Москва, Протопоповский пер., 6
www.onebook.ru

МИССИОНЕРОВЪ
КАЗЫВАЮЩАЯ

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛ

Путешествіе Ихъ Императорскихъ
случаю празднованія 300-лѣтія
Ихъ Величества

Телеграмма Ея Императорскаго
ни Елизаветы Осоровны и
скаго Отдѣла Императорскаго
Общества Преосвященнѣйш

Прошу Васъ, Влады
Александрѣ и веѣмъ чл

Объявленія. Патріотическія марки.

Отправляйте Ваши письма, открывающія точки, оплачивая ихъ Патріотическими марками, которыя Вы должны брать у защитниковъ нашей дорогіе. Патріотическія марки принимаются къ наравнѣ съ обыкновенными почтовыми марками.

Патріотическія марки продаются во всехъ почтовыхъ конторахъ, банкахъ, правленіяхъ и на выставкахъ. Патріотическія марки издаютъ еще Патріотическое общество изъ Канна

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суэтной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народоѡмы не одни; вмѣстѣ съ нами встали доблестные союзники наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, въ Европѣ, вѣчныя ссоры державъ общему миру и счастію народовъ. Мы просимъ всѣхъ гражданъ Русской Имперіи, въ знакъ благодарности и любви къ Отечеству, поддержать насъ въ нашемъ дѣлѣ. Мы благодаримъ всѣхъ доблестныхъ защитниковъ нашей Родины, за всѣ жертвы, которыми они способствуютъ общему благу и счастію нашей Родины.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“

(выходитъ два раза въ недѣлю).
3 р., на 2 мѣс. — 1 р.
подписка цѣна журнала: съ доставкой и пересылкою: на 1 годъ — 6 р., на 6 мѣс. — 3 р., на 2 мѣс. — 1 р.

Самообличеніе графа Л. Н. Толстого.

(По поводу отвѣта ео на постановленіе Св. Синода отъ 20—22 февраля 1901 года).

Самымъ выдающимся фактомъ въ жизни русской Православной церкви за текущій годъ является посланіе Св. Синода отъ 20—22 февраля. Въ этомъ посланіи Св. Синодъ выразилъ попеченія о спасеніи души, какъ императора, такъ и всѣхъ русскихъ гражданъ, и оградилъ ихъ отъ пагубныхъ вліяній и суевѣрнаго догматическаго самообличенія, каковыя имѣетъ въ виду о посланіи графа Л. Н. Толстого.

Извѣстія и замѣтки.

Русская православная миссія въ Китаѣ.
Происходящія въ настоящее время волненія въ Китаѣ направлены противъ проживающихъ тамъ христіанъ. Христіанскіе миссіонеры и добровольцы, въ томъ числѣ русскіе, оказываютъ помощь пострадавшимъ и стараются поддержать и утѣшить угнетенный народъ. Китайскіе христіане выносятся изъ своихъ жилищъ, подвержены оскорбленіямъ, а въ некоторыхъ мѣстахъ даже убиваются. Русская миссія въ Китаѣ проявляетъ большую дѣятельность въ помощь пострадавшимъ христіанамъ и въ охраненіе ихъ интересовъ.

Бо
ное Па
г. въ с
ски по
Князь
нею лк
кви, ру
ятельн

Выяснивш
ческомъ и литер
наловъ иди ей
низить подвиги
доступными вс
общественной

заказ
жды,
самъ
летворі
с./г., к
за
Намъ
зомъ в
кдес
Наг

наго времени.

раб
бота
Пот
совер